

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

№ 4 (46) июль-август 2014

Журнал писателей Северомуйска
Учредитель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год

Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор Виталий Кузнецов

Зам. главного редактора по связям с общественностью Татьяна Логинова
Зам. главного редактора по международным литературным связям Николай Тимохин
Консультант по международным литературным связям Елена Думрауф-Шрейдер
Заведующий отделом критики Валерий Кириченко
Заведующий отделом публицистики Александр Шерстюк
Заведующий отделом прозы Евгения Романова
Заведующий отделом поэзии Александр Кобелев
Заведующий отделом культуры Татьяна Лапахтина

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль» – г. Иркутск.
Батраченко Виктор Степанович, поэт, публицист, кандидат технических наук, доцент ВГПУ, зам. председателя правления общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество» – г. Воронеж.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России – г. Улан-Удэ.
Борычев Алексей Леонтьевич, поэт, член Союза писателей России, кандидат технических наук – г. Москва.
Горбунов Анатолий Константинович, поэт, прозаик, член Союза писателей России – г. Иркутск.
Зоркин Виталий Иннокентьевич, профессор ИГУ, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, действительный член Петровской академии наук и искусств – г. Иркутск.
Корнилов Владимир Васильевич, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Международной Гильдии писателей – г. Братск, Иркутская обл.
Орлов Максим Томасович, поэт, член Союза писателей России - г. Братск, Иркутская обл.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств – г. Москва.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России – г. Иркутск.
Харитонов Арнольд Иннокентьевич, публицист, прозаик, член Союза российских писателей, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры РФ – г. Иркутск.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России – г. Темрюк, Краснодарский край.

Редакция просит читателей обращаться с пожеланиями и отзывами, а также с рукописями своих литературных произведений. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: окрестности Северомуйска – фото из архива редакции.

Адрес редакции: 671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.

Тел.: 8 9024582889; 8 9085957230 E-mail: catalog3@yandex.ru

Подписано в печать 15.08.2014. Формат А4. Стр. – 88.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «СОPIR», г. Новосибирск.

Содержание**Приветственная страница**

Обратная связь.....	3
Александр Шерстюк. Навстречу летящей бомбе.....	4

Критика

Валерий Кириченко. Фотосинтез поэзии неоавангардизма.....	6
Александр Бойников. Любо, братцы, любо «справить» мне стихи.....	12

Публицистика

Владимир Скиф. Живая живопись Астафьевского слова.....	15
Владимир Монахов. Вымысел правды.....	19
Татьяна Михайлова. Под знаком Туполева и Финкельштейна.....	21
Анатолий Казаков. Путешествие на родину Михаила Евдокимова.....	22

Привал на поэтической тропе

Эльвира Щербакова. Под «Парусом Надежды».....	25
Юрий Лубкин. 40-летие БАМа шагает по стране.....	26

История земли сибирской

Полторы тысячи километров раздумий. Путевые заметки Октября Леонова. Продолжение.....	28
---	----

Байкало-Амурские страницы

Виктор Прядкин. Глава из книги «Неизвестный БАМ».....	37
Арнольд Харитонов. Сад в деревне Дубрава.....	44
Анатолий Подзарей. Из документальной повести «Мы строили БАМ не в белых перчатках».....	48

Проза

Анатолий Горбунов. Бабушкины уроки. Рассказ.....	49
Анна Атрощенко. Что посеешь, то и пожнёшь. Рассказ.....	51
Райнгольд Шульц. Рассказы.....	52
Дмитрий Федорович. Тайга. Рассказ.....	54
Татьяна Милорадова. Морские камешки. Эссе.....	57
Елена Думрауф-Шрейдер. Тополиные проводы. Рассказ.....	61
Виктор Калинин. Старая фотография. Рассказ.....	65
Николай Суровой. Два осколка. Рассказ.....	67
Мартин Тильманн. На Низах. Рассказ.....	68
Юлий Стоцкий. На самых дальних островах. Сказка.....	70
Наталья Шеметкова. Ночной гость. Рассказ.....	71
София Снежкова. Сказка о маленькой тучке, которая стала ручейком.....	72

Поэзия

Сергей Чепров. Тревожные стихи.....	74
Валентин Суховский. «А без них и душа растратится...».....	75
Елена Карамзина. «Подари мне букетик полыни медового лета...».....	76
Владимир Скиф. Чёрные дыры.....	77
Никита Брагин. «Я собираю страницу из камешков древних мозаик...».....	78
Игорь Елисеев. «Остающимся здесь – исполать!..».....	79
Татьяна Тетенькина. На линии постоянства.....	80
Николай Тимохин. «Я сложил бумажный самолётик...».....	81
Юрий Савченко. «И образ твой любим и неизменен...».....	82
Елена Попова. «Рассветного дождя малиновые капли...».....	83

Поэтическая колонка

Елена ЗЯБЛОВА, Анастасия БЕЛОУСОВА, Никита НОЯНОВ, Нелли ЧУПИНА, Татьяна ЧЕМЕЗОВА, Вячеслав ПАРИЛОВ, Эмма ГРИБ, Надежда ОГАРКОВА	84
--	----

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

Приветственная страница

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели.
Самуил Яковлевич Маршак

... самая лучшая критика – это письма читателей.
Валентин Распутин

Обратная связь

Юрий ТАБАЧНИКОВ, поэт, драматург.

Член Израильского отделения международной актёрской ассоциации ЭМИ, г. Ариэль, Израиль

Открыв февральский номер журнала (№1 январь-февраль 2014), увидел эссе Арнольда Харитоновича о Евгении Евтушенко. Всколыхнула память мои встречи на сибирской сторонке с этим удивительным, порой противоречивым, но значительным человеком, в уже далёком 83-м году. В то время я был студентом третьего курса Иркутского театрального училища. И в том же году приехала экспедиция Мосфильма во главе с Евгением Александровичем, как автором сценария и режиссёром, снимать автобиографический фильм – сагу о его военном детстве. Фильм так и назывался – «Детский сад». На эпизоды и массовку пригласили актёров местных театров и, как же без нас, студентов по профилю. Я по своей южной внешности был отобран в массовку – цыган на вокзале. Но у парня, отобранного на главную роль, в этом эпизоде всё никак не получалась сцена спора с его якобы отцом и агитация молодых соплеменников к побегу на фронт. Так получилось, что я, «многоопытный» (на курс ведь старше), стал ему что-то показывать, проигрывая текст. В это время появился Евтушенко и выкрикнул: «Его утверждаем!». Так я стал цыганом, а затем в довесок и скрипачом. Хотя скрипку держал впервые в жизни. Срочно вызвали педагога-скрипача, чтобы он «поставил» мне руку. Да куда там. Я – что называется – пилил. Евгений Александрович подумал, посмотрел на мои муки и говорит: «Чёрт с ним. Цыгане в музыкальных школах не учились». Вот так я стал ещё и скрипачом. Но «пилил», видит Бог, я с ярым энтузиазмом, что камера и запечатлела. Но это ещё не всё. В моём эпизоде, когда увлекаемые мной молодые цыгане взбираются на стоящий на платформе танк, идущий в сторону фронта, и к ним присоединяется юный прообраз будущего поэта, должна была звучать песня, которая связывала провожающих на перроне и уезжающих в сторону фронта. Сначала решили, что будет старинная сибирская песня, привезли бабушек из деревень, где песни звучали приближённо к тем, того периода. Пели и по «Диким степям Забайкалья», и «Поедем, красotka, кататься», но Евтушенко что-то никак не устраивало. И как-то, когда я сидел (удостоился такой чести) у него в номере гостиницы «Ангара», он вдруг вскочил и выбежал в спальню. Минут через десять радостный выскочил: «Вот текст, будешь петь сам. Мой «отец», актёр театра «Ромэн», взялся второй куплет перевести на цыганский. Так родилась песня именно для моего героя, хотя в итоге решили её петь всем кагалом.

С тех пор прошло уже немало лет. На русском привожу текст, а на цыганском не буду, а то ещё совру ненароком. Эти записанные строки рукой Евтушенко у меня долго хранились:

Цыганская подкова
сработана толково.
В ней золотой любой железный гвоздь.
Цыганская дорога –
она не до порога.
Она ведёт, ведёт до самых звёзд.

Этот припев на русском перемежался с цыганским. И получилось весьма лихо.

Можно ещё много и писать, и вспоминать. Есть о чём: и о том, что, застряв на объекте, когда за нами не пришёл катер, мы, небольшая часть группы, должны были провести ночь в помещении большой пустой привокзальной

столовки, где Караченцов полночи пел и играл на гитаре; или тот несуразный танец длинного тела, взлетающие ноги поэта, который, не помышляя о статусе, чегой-то там выплясывал, несмотря на измученность съёмочного дня – всё в памяти. Но я вас познакомил со строками, которые мало кто знает. Не думаю, что они вошли в один из многочисленных сборников этого выдающегося поэта. Импровизация большого поэта. А вот книжку его стихов, изданную в Иркутске, я привёз в Израиль. Иногда достаю её, погружаясь в строки. И в жарком, изматывающем душу, климате вдруг начинает похрустывать сибирский морозец, по которому, что уж тут скрывать, ностальгирую понемногу.

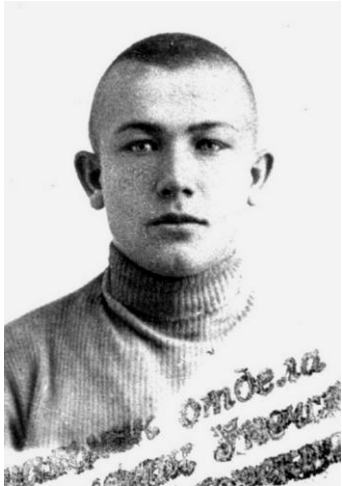
Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Редактор, автор переводов, статей, вступлений к книгам, рецензий.

Навстречу летящей бомбе

Ещё одна удивительная история. Удивительная для нашего времени – рядовая для войны. Этот юноша железнодорожником стал в июне 1941 года, когда, после сельской семилетки, года в школе ФЗО, оставленной после потери от несчастного случая двух пальцев на правой руке, и после спецкурсов, был аттестован на старшего кондуктора. А через пять дней страна ударила в набат...

Враг стремительно приближался к его Унече, это ж.д. узел между Гомелем и Брянском. И на 15 августа объявили эвакуацию.

Перед отправкой он побывал в родном селе. Отец сказал ему: «Миша, может, не поедешь? Оставайся. Ты ещё слишком молод. Я тебя обучу кузнечному делу». – «Нет, папа, не могу. Меня ждут».

В этот жаркий августовский день в деревенский двор провожать Мишу вышла вся семья – и родители, и пятеро младших братьев и сестёр, мал мала меньше. Старшей, Настеньке, было 12 лет, младшему, Шурке – шёл пятый месяц. Он сидел на руках у матери.

Миша обнялся с отцом. Подошёл к матери: «Прощай, мама». И Елена Моисеевна вздрогнула и заплакала: впервые приёмный сын назвал мачеху мамой. Ведь Мишина родная мать умерла, от дизентерии, когда ему не было и годика.

Миша подошёл к каждому из братьев и сестёр, погладил по головам, поцеловал. Последним был грудной несмышлёныш Шурка.

Повернулся, словно по команде «Кру-у-гом!», и пошёл. Но, сделав пару шагов, остановился. Подошёл к отцу. «На, папа, тебе мою шинель (железнодорожную)!» – «Как? Ведь шинель тебе самому нужна!» – «Тебе нужней. Сошьёшь себе пиджак».

И пошагал к местному поезду.

.....

Миша ушёл в вечность.

Была оккупация, целых два года с хвостиком – о нём ничего не было известно. Изгнали фашистов – по-прежнему вестей никаких. Кроме одной. Пришёл на короткую побывку раненый фронтовик сосед Степан, рассказал: «Я вашего Мишу видел. Под Москвой, на обороне столицы. На одном из поездов с пушками». Потом этот Степан в бою погиб.

О смерти Миши семья узнала уже после Победы. Официальных извещений не было. Сестра Настя ездила поездом учиться в Унечу, садилась на остановке Днепровка. Как-то к ней подошла проводница: «Вы сели здесь... Он тоже... Вы случайно не сестра Миши Шерстюка? Очень похожи». Настя вздрогнула: «Сестра. А что?» – «Ваш Миша погиб. Я была с ним на одном поезде. Мы везли танки к Сталинграду. Налетели немецкие самолёты. Бомба попала прямо в Мишу. От него нашли только голову и одну руку... С ним погиб и наш мастер, был близко... Похоронили там же, на разъезде 33-й километр, на кладбище... Я взяла от Миши на память себе ремешок...».

Сестра записала адрес полевой почты. Сделали запрос. Получили ответ начальника службы: «В гибели вашего сына не сомневайтесь...». И подробности. Всё, что рассказала девушка, подтвердилось. Письмо читали всей деревне. Когда ставили мемориал погибшим в войне односельчанам, имя Миши вписать не забыли. Но письмо это, увы, не сохранилось. Осталась только легенда.

Итак, стало ясно: Миша погиб, погиб в Сталинградской битве. Много лет этот факт воспринимался пусть и трагически, но как рядовой. Ведь в каждой семье были свои погибшие. И в той, послевоенной жизни, в многодетной семье сельского кузнеца хватало другого – крайней бедности, на грани голода и нищеты, и порождённых ею забот.

Прошло свыше 70 лет после битвы на Волге. Вы помните того молокососа, самого младшего из Мишиных братьев, которого он, уходя, погладил по золотым волосам, будто благословил или передал что-то? Звучит красиво, но эта метафора имеет право на жизнь. Ведь именно он, этот Шурка, сейчас Александр Александрович, нашёл могилу Миши. И ещё одно знаковое совпадение: Миша красиво пел, баритоном, шёл до войны по селу и пел песню из кинофильма, тогда популярную: «Через рощи шумные и поля зелёные вышел в степь донецкую парень молодой...». Так вот, Шурка, прежде чем стать А.А., в донецкой степи, в 50-х, был «парнем молодым» – шахтёром.

Могилы находятся в безлюдной степи на кладбище, на заволжской стороне Волгограда, в двухстах километрах от центра битвы и в десяти от железнодорожного узла Верхний Баскунчак. Кладбище огорожено бетонными шпалами с колючей проволокой. Ни деревца, ни кустика. Все могилы каменные, это лежат казахские пастухи, и только две могилы помечены деревянными столбиками – подобием обелисков. Здесь похоронили старшего кондуктора Михаила Шерстюка с Унечи и его коллегу поездного вагонного мастера, неизвестно откуда.

Как всё произошло – теперь уже рассказать некому. Поздние попытки найти ту девушку-проводницу окончились неудачей. Надо полагать, после налёта немецких самолётов поездная бригада

К Р И Т И К А

Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить.
Вольтер

Валерий КИРИЧЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Член Союза журналистов России.

Руководитель Ангарской городской независимой литературной студии. Член редакционного совета альманаха «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Заведующий отделом критики и публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

Фотосинтез поэзии неоавангардизма

(О творчестве Веры Полозковой)

На рабочем столе – три книги, высоких и узких, как три коробки шоколада, чем-то похожие на семейные альбомы. Это переиздания совершенно неординарных стихов молодой, но далеко не начинающей московской поэтессы Веры Полозковой. Ей ещё нет и тридцати, а она прочно обосновалась в престижных книжных издательствах и на телеэкранах, в модных мини-театрах и в Интернете, неоднократно исколесила дороги Индии, где, по её собственному признанию, «хватает шести часов, чтобы выспаться, и тарелки салата, чтобы наесться».

Ещё в двадцать пять Вера с широко открытыми пронизательными глазами заявила:

– Наконец-то... я больше не буду юным дарованием... Мне можно теперь драться на равных. И это очень круто.

Вот так же круто её поэтическое творчество, которое важно проиллюстрировать авторским эпиграфом:¹

*огромный город – не хватает глаз –
прокуренный от шахт до антресолей,
и где-то в глубине сидим мы с олей
и поглощаем углекислый газ.
есть что-то, что обязывает нас.
вот пёс, что дремлет, старый и ничей,
в сололке мелких солнечных лучей,
вот горький ветер, ниоткуда родом –
они обычно служат поворотом
каких-то тайных внутренних ключей.
и оля с камерой идёт по огородам,
а я ищу словцо погорячей.
то, что получится, и будет кислородом.
мы фабрики счастливых мелочей.
идёт состав одышливый вдали,
мальчишка паучка кладёт за плитус,
и бабушки за хлебушек – «подвиньтесь!» –
отсчитывают звонкие рубли, –
всё это чёрно-белый фотосинтез.
а мы такие лёгкие
земли.*

Вспомните внимательно в изумительную композицию стиха. Построение строк в нём напоминает гирлянду самостоятельных, полнокровных, законченных сюжетов нередко в пределах одной-двух строк. Стихотворение одно, а в нём целый мир, где стержнем всё равно является человек и всё, что его окружает. Совершенная поэтическая картина, вправленная, как бриллиант, в струящуюся ритмику и рифму, которую легко разложить на строфы – танка. Удивительное мастерство с женской философской окраской, с женским поэтическим акцентом.

Но что преподнесёт нам поэтесса в целом, когда мы ознакомимся с её новой книгой – «Осточерчение»?² Прежде всего – это новый язык поэзии, её ошеломляющий градус экспрессии, авторский интеллект, выпестованный в молодёжных творческих тусовках. Вера Полозкова филигранно монтирует в поэтические тексты современный сленг интернет-сообщества, модернистские неологизмы, продвинутое философские поэтические умозаключения. Её стихи – это всегда сюжеты, поэтические мини-рассказы, в какой-то степени вырастающие из французской классической «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака, особенно романа «Утраченные иллюзии», картины социальной жизни

¹ Вера ПОЛОЗКОВА (текст). Фотосинтез. – М., «Лайвбук/Гаятри», 2011. – 112 с.

² Вера ПОЛОЗКОВА. Осточерчение. – М., «Лайвбук», 2013. – 184 с.

которого можно смело экстраполировать как метод поэтической импровизации на американский образ жизни в цикле Веры Полозковой «Короткий метр». Но не будем забегать вперёд, чтобы не упустить другие важные особенности её поэтического сборника – настолько неординарного, что не заметить его не сможет ни один продвинутый ценитель современной поэзии.

Поэтические образы, без которых нет настоящей поэзии в принципе, у Веры Полозковой настолько неподражаемы и «круты», что они резко и выпукло отделяют молодого автора от батальонов стандартных, «правильных» поэтов. У неё «автоматы за спинами... становятся бас-гитарами», «гравий под шинами стариковским кашлем ворочается в груди», «ветер курит твою сигарету быстрее тебя», «птицы под небом плавают как чайники», «море брызгается, будто масло на сковородке», «полночь заходит к ним в кухню растерянным понятием», «моя смерть обитает во мне», «взгляд – два автоматных дула». А метафоры потрясают и даже шокируют: «письменная карамель», «глаза, темнее, чем виноград», «цвета тамариндовой косточки нераспаханного жнивья», «древнерусская обязательная тоска», «прохладная мякоть звёзд», «ужасно жив», «всё двухэтажно», «скуластые фрукты», «фактура снега», «радости полглотка».

Стихи Веры Полозковой – сложнейшие по композиции и внутреннему накалу, по социальному и философскому мироощущению:

*мы не буквы господних писем, мы держатели для бумаг;
мы не оптика, а оправка, мы сургуч под его печать.
старость – думать, что выбил право
наставлять или поучать.*

или:

*каждый из нас – это частный случай музыки и помех
так что слушай, садись и слушай божий ритмичный смех
ты лишь герц его, сот, ячейка, то, на что звук разбит
он – таинственный голос чей-то, мерный упрямый бит
он внутри у тебя стучится, тут, под воротничком
тут, под горлом, из-под ключицы, если лежать ничком
стоит капельку подучиться – станешь проводником
будешь кабель его, антенна, сеть, радиоволна
чтоб земля была ночью, денно смехом его полна.*

Это не что иное как интеллектуальный неоавангардизм. Вот только жаль, что почти без соблюдения пунктуационных и стилистических требований, что характерно для современного модернизма:

*а проснёшься любимым сыном,
чистый, целый, нагой, другой
весь в холодном сиянье синем, распускающемся дугой.*

или:

*не дрожи, моя девочка, не торопись,
докуривай, не дрожи,
посиди, свесив ноги в пропасть, ловец во ржи,
для того и придуманы верхние этажи.*

Похоже на новомодный речитатив? В какой-то степени – да. Но поэзия Веры Полозковой не лишена и так знакомой почти всем стихотворцам назидательности:

*будь умерен в питье и пище,
не стремись осчастливить всех
мы трансляторы: чем мы чище,
тем слышнее господень смех*

Нет, как говорится, вопросов. Но ведь каков апофеоз стиха рискованный:

*слушай, слушай, как он смеётся.
над собою смеётся сам*

Поэтесса, в свои тридцать изрядно исколесив мир, дарит посвящения своим друзьям налево и направо, нередко рисует образ своего поколения чересчур самокритично:

*мы же контра, мы подстрекательницы
добрые граждане из-за нас наполняют пепельницы,
попадают под капельницы*

и, наконец, заявляет:

*должность у меня писательская и чтецкая.
жизнь дурацкая.*

Как видите, Вера Полозкова ставит точку. Не берусь судить авторскую самооценку (в молодости у каждого случалось что-либо «дурацкое»), но её поэтические произведения из индийского и американского циклов заметно корректируют эту жизнь, наполняют социальной и творческой значимостью, самодостаточностью.

Однако следует заметить, что в периоды жизненных личных чересполосиц, неприятия в поэтическом социуме, самоутверждения и самобичевания поэтесса, к сожалению, опускалась до дисгармонии и псевдоискусства, иногда «вкрапляя» в сильные произведения полуматерные слова (им легко можно было найти приличествующие синонимы). Случалось это, правда, редко и как вызов поэтическому сообществу, но факт публикации остаётся фактом. Думаю, что одна из причин такого результата – выход всех сборников Веры Полозковой только в авторской редакции. Хотя, если говорить честно, то лично я тоже не доверил бы свои книги какому-либо редактору. Как говорил Пётр I, обрезая бороды боярам, «чтобы дурь каждого была видна». А уж дурь это или нет, пусть судит только читатель!

Что же касается рифмы в поэзии Веры Полозковой, то она, как правило, построена на мелодичности и однотипности конечных слогов всех строк строфы, какой бы длинной эта строфа ни была:

*вот как шелестит моя тишина, как гюрза, вползая
вырастает, инеем намерзая
нервная и чуткая, как борзая
многоглазая
вся от дыма сизая, будто газовая
это только казалось, что всё звучит из тебя,
ни к чему тебя не обязывая
а теперь твоя музыка – это язва,
что грызёт твоё горло розовое,
ты стоишь, только рот беспомощно разевая
тишина сгущается грозовая*

Вы пытаетесь расставлять недостающую пунктуацию и изъяны в размере стиха? Не делайте этого. То, что пишет, сочиняет и исполняет сама В. Полозкова – это не что иное как рэп-поэзия. А у неё свои, собственные законы и ритмика, отличная от привычной классической, хорошо расписанная по стихотворным жанрам в «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского. У поэзии неовангардизма свои законы: на её подворье – двадцать первый век, а не прошлые и позапрошлые столетия. Да и наш менталитет отличается от менталитета античности и средневековья как небо от земли: поступательное движение не остановить и в поэзии, а не только в социуме и факторах его развития.

Веру Полозкову иногда можно упрекнуть в бытовизме:

*и как старики хотят продышать себе
пяточок в одиночестве,
как в заиндевевшем стекле автобуса,
протереть его рукавом,
говоря о мёртвом как о живом*

Но сегодня это не что иное как реализм. Не социалистический, которым иногда гнобили и «закапывали» истинных поэтов, а обыкновенный, рисующий картины старости, от которой никому не уйти, как её не приукрашивай. Удару грома, как говорил Виктор Гюго в своём романе «Отверженные», «иск не предьявишь, ему не подобает ошибаться». И это не фигура речи, а реальность.

«Всё, чему я учусь, – мастерство поддержанья пауз», – заявляет поэтесса, говоря о своём методе стихосложения. Все её стихи объёмные не только по количеству строк, но и по длине каждой строки. Управлять таким поэтическим оркестром в рамках одного произведения может только мастер. Вот стихотворение из девяти трёхстиший. Но эти трёхстишия – совсем не хокку и не хайку, они двусоставные по размеру и их легко превратить в шестистишия:

*иногда я кажусь себе полководцем в ссылке,
иногда сорным семенем среди злака.
в мире правящей лицевой всё, что
занимает меня – изнанка.
барабанщики бытия крутят палочки в воздухе надо мной,
ожидая чьего-то знака.*

И, что интересно, в каждом трёхстишии – сплошная (тройная) рифма: «злака-изнанка-знака», «клаус-хаос-пауз», «токсина-такси на-максима» и так далее.

Глагольные рифмы у В. Полозковой крайне редки, но всё равно очень качественны. Игра сплошной рифмы – оселок поэтики Веры Полозковой, настоящая поэтическая эквилибристика. А метафоры настолько оригинальны, что их ни у кого из поэтов не встретишь; решительно не найдёшь у неё и реминисценций – перефразированных заимствований.

Поэтические образы, сравнения, афористические обороты, метафоры – их целый кладёшь в сборнике: «что ни индеец, то изумруд», «месть индуса изобретательна и хитра», «женщины в шторах с

дровами на головах», «люди будто сушёные», «на голой любви построены города», «расстояние лучший врач», «чего не имеешь – не потерять, что имеешь – не уберечь», «ящерица под потолком – идёт над тобой пешком».

И всё же некоторые стихи В. Полозковой тяжелы для восприятия, потому что их структура интеллектуально сложна, а композиция так «закручена», что не сразу и доберёшься до понимания сюжета. И что же теперь? Да просто читатель должен «дорости» до поэтессы, всего лишь. Вот только несколько спорным может показаться стихотворение в прозе «Нет, не увидимся». А точнее – юношеский философский этюд о Вечности и о нас с вами. На трёх страницах в нём нет и ста строк, но каждая строка эмоциональна, лирична, глубока по размышлениям и личностному восприятию мира.

Да, Вечность – невербализуемое пространство, там, действительно, не закончишь разговор, начатый при жизни. Но кто знает, Вера, так ли это? Почему почти еженощно нам снятся сны о прошлом и будущем и всегда с диалогами? Ведь мы о них тут же забываем, лишь протерев глаза ото сна. А зря! Эти диалоги – назидание Вечности для живущих как предостережение от ошибок, которые мы можем совершить или уже совершили, но нам указан путь их исправления, путь к нашей реинкарнации.

Не так ли? Ведь сказано же, что «последние будут первыми». Ныне литературная мафия порой втаптывает в грязь истинные таланты, просто боится их и не публикует, дабы самим не выглядеть на их фоне никем и ничем. Сколько поэтов прошлого столетия, «блиставших» своей честолюбивой гордыней, ныне забыто? Их просто нет в памяти! Первыми стали последние, потому что их, как и в своё время Веру Полозкову, судя по её стихам, сталкивали со сцены поэтической жизни.

Последние боролись за место под солнцем в поэтической среде, работали над собой и достигали совершенства, а первые, захлебнувшись собственной славой, потеряли поэтический «нюх» и ушли в небытие. Это карма. Она беспощадна и точно так же накажет ныне первых уже в этой жизни или в будущей, если эти «первые» будут гнобить «последних». Суд Господень и читательский – неотвратим! Всё расставляет по местам Время.

Но если философский этюд Веры Полозковой заставляет нас размышлять, то такой же прозаический текст «gotta have faith» ошеломляет обценной лексикой. И пусть их всего пять слов в девяти строках, но зачем они?! Какая необходимость употреблять непристойности? Зачем включать в неординарный, талантливый сборник стихов явно ординарные вещи? Это опять же к вопросу о карме.

Но вернёмся к поэзии – к циклу «Короткий метр» об американском образе жизни с американской символикой. Вот «Маджид» – образец стихотворения в прозе с сюжетом о неотвратимой по своей трагичности отдельной человеческой судьбе. Внешнюю классическую рифму поэтесса подменяет внутренней ударной, придавая тем самым прозе искусную лирическую форму с чёткой классической рифмой. Кажется, возьми перепиши строфу в столбик – и нет проблем, стих налицо. Но Вера Полозкова так не делает и оставляет композицию в форме лирической прозы, созвучной ритмике стиха, подчёркивая тем самым стиль непрерывного логического мышления в рамках каждой якобы прозаической строфы. На самом деле – это истинно талантливое поэтическое произведение, законченный собственный сюжет каждой строфы, нанизанный на **генеральный сюжет*** стиха в целом, на его идею и содержание.

Автор «Осточерчения» исповедует неоавангардистскую стилистику, но иногда вдруг использует общепринятый заглавный стих независимо от незаконченности мысли в пределах строки и наличия знаков препинания. С чего бы это? Ведь абсолютное большинство неоавангардистских текстов демонстративно игнорирует пунктуацию, апеллируя к непрерывности поэтического мышления в пределах цельности стиха.

Вера Полозкова тем самым даёт понять, что она самодостаточна и избирательна в поэзии, что она не намерена слепо подчиняться корпоративной поэтической идеологии; что у неё, несмотря на молодой возраст, свой-собственный путь в обрамлении поэтических текстов. Она игнорирует любые условности, ограничивающие свободу настоящего художника поэтического образа.

Рассказывая о банальной истории девушки, оставленной возлюбленным и создавшим новую семью, но продолжающим прежние интимные связи от случая к случаю (старо как мир!), поэтесса строит сюжет стиха не на одинаковой общепринятой строфике, а, в зависимости от динамики сюжета, снижает и снижает объём этой строфики от семистишия до трёхстишия, а затем – для придания динамики клаузуле – обрамляет её в шестистишие. Такая композиционная строфика всецело подчинена содержанию и продиктована особенностями раскрытия темы, движения и завершённости сюжета.

Композиция стиха о хмельном банкроте мастерски построена на каламбуре конечных ударных слов в строках: «спрут, крут», «смех, всех», «нет, лет». Притом все строки – с обязательно однотипным окончанием, непременно размерны и ритмичны. Но последний стих любой строфы резко, виражом, меняет стремительность и мелодичность ритмики на её чеканность и обрушивает, в противовес многосложной рифме, односложное нерифмованное слово-клаузулу как печать, как мысль-бомбу, как её поэтическое резюме: «щадимый-лошадиной-щетиной-ощутимый-спрут».

Поэзия Веры Полозковой – это преимущественно социальная мелодрама или развёрнутые философские экскурсы в прошлое, настоящее или будущее. В большинстве своём в центре событий, на авансцене или за кулисами жизненных сценариев – сама поэтесса: мудрая, высокоинтеллектуальная, талантливая, самокритичная, правдивая, неподкупная, любящая и любимая. Её строки иногда поражают такими парадигмами и идеологемами, такими неологизмами и поэтическими пируэтами, что

* Термин «генеральный сюжет» принадлежит автору статьи.

порой её можно сравнить с каскадёром в поэзии: «старушечьи веки чёрствые», «новый производитель, другой штрих-код», «небес, работающих на вход», «во лбу у тебя есть щёлка», «за четыре часа проходит четыре века», «помнить долго, аж до самого катафалка», «тучная обаятельная душа», «розово-карие губы», «эхо запаха, а точнее – отголосок, призывк».

С огромным умилением и одновременно сарказмом смотрю на чиновников от литературы в некоторых журналах, чиновников, читающих эти строки. У них если стих не укладывается в размер «раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять», то это уже не поэзия, а если губы карие, эхо имеет запах и призывк, да ещё веки чёрствые, то это для них сущая трагедия. Что ещё печальнее, есть такие «профессионалы» и среди литературных критиков, которых правильнее было бы отнести к критиканам. Жаль только, невероятно жаль, что их непомерно больше, чем нас!

Американский цикл стихотворений Веры Полозковой – всегда развёрнутые сюжеты социально-психологических мелодрам с яркими образами и необычными метафорами от «лиловых дёсен», «эмалевого взгляда» до всё тех же «розово-карих губ». Что касается строфики, то она у поэтессы не поддается традиционным законам композиции стиха, обычно рифмующей первую строку с третьей, а вторую – с четвертой. У В. Полозковой в пределах одного произведения все строфы подчинены только фабульным задачам и раскрытию подтемы в рамках всего сюжета стихотворения. А потому все строфы у неё обычно «разнокалиберны» по объёму – от шестистишия, затем пятистишия, переходящего к шестнадцатистишию, до восьмистишия в финале сюжета. Вера Полозкова, как поэт самодостаточный и новаторский, смело разрушает каноны композиции даже внутри строки и строит свой, собственный ход и образ мыслей. И он настолько искусен, что «оседлать» его сходу не всегда удаётся.

Поэзия Веры Полозковой рождается не только в Москве. Она пишет стихи в самолёте, в машине или автобусе во время зарубежных поездок – Дели это, Киев, Гоа, Петрозаводск, Питер, Куба, Пермь, Екатеринбург или Мальдивы. Такое обилие впечатлений рождает всё новые и новые поэтические сборники и авторские эстрадные встречи. Жанровая палитра поэтессы огромна. Она может втиснуть в масштабный стих верлибр-образ, верлибр-зарисовку, а в две строки – самостоятельный сюжет, где вся жизнь, обыденная и трагичная одновременно.

Мои оппоненты, не вникая в глубинную суть новой поэзии, могут сказать, что Вера Полозкова – это бытовая болтовня о чужой жизни, пустопорожнее перекачивание языка из угла в угол рта; иноземные семейные истории, не трогающие ни душу, ни сердце, ни поэтическую струну; стихотворные рассказы, облечённые в поэтическую форму, но совершенно лишённые сердца, поэтического накала и так далее, и так далее. Что ж, на каждый непрофессиональный роток не накинешь платок. А по мне так Вера Полозкова, повторюсь, Оноре де Бальзак в поэзии.

Белый стих – метис с вкраплениями верлибра, говорного стиха, а то и стихотворения в прозе, – новая стилистика поэтессы, но её стих всегда рифмован. Однако рифму она свободно может перенести из конца строки в её середину или использовать совмещённую рифму через разное количество строк, словно горный поток с порогами разной величины на разных расстояниях. В этом её поэтическое искусство, свобода поэтического образа и поэтической композиции. Динамическая глагольная рифма (сквозная на шестистишие) иногда заканчивается обратной – ниспадающей рифмой.

Все стихотворные сюжеты о двойной американской морали, выхваченные поэтессой из обыденной жизни нескончаемого сериала «богатые тоже плачут», ставят Веру Полозкову в какой-то степени в ряд последователей «Американской трагедии» Теодора Драйзера, только не в прозе, а в поэзии. И в ряд героев «Человеческой комедии» О. Бальзака.

Личные истории и личные трагедии, богатые пажоны и светские львицы, прожигатели жизни и вечные продавцы любви в угоду бесконечным похотям. Откуда всё это так подробно известно поэтессе? Не исключено, что эта социальная и творческая богема – виртуальное окружение её зарубежных поэтических вояжей. Ну не пересказ же это американского телеширпотреба, заповлонившего российский импорт-экран! Думаю, что поэт Вера Полозкова – наблюдательнее телешоу. Хотя, впрочем, и богема самой России теперь не уступит американской – ученица ещё та, схватывает все пороки на лету. Полагаю, что и Вера Полозкова – популярный и востребованный поэт, вряд ли обошла стороной богему. Ей эти экскурсии дают пищу для прелюбопытного модернистского творчества: поэтической сухомяткой здесь не пахнет.

Вот поэтическая сказка-притча о поэте и персонажах его произведений, а точнее – отрывок:

*Джек-сказочник намного пережил
Свою семью и завещал, что нажил
Своим врачам, друзьям и персонажам:
.....
Старухе Джил достались словари –
Чтоб влезть наверх и снять с буфета плошку
С не-плач-травой, и всыпать ровно ложку
В густой зелёный суп. Тарелок три.
Втекает бирюзовый свет зари
(Джек был эксцентрик) в мутное окошко.
Суп острый.
Ещё холодно немножко,
Но, в целом, славно, что ни говори.*

Сказка-притча как завещание для читателя и поэта, завещание, которое ничего не стоит и которое так бесценно: поэт уходит, а имя и персонажи остаются в словарях.

Поэзия Веры Полозковой всегда в музыкальном ключе, в музыкальном ударном ритме: «эллин-развалин-богаделен-спален-болен-печален-похмелен-сентиментален». Это рифма всего лишь одной строфы. А таких – сотни.

Развёрнутая метафора – излюбленное средство в её поэтике:

*... тёплая мгла течёт..
грозы – лучшие музыканты,
а голодное утро выклёвывает огни с каждой улицы,
как цукаты,
фарный дальний свет, как занозу, выкусывает из стоп
и встаёт над москвой, как столп.*

Что касается просто метафор, то их, как я уже заметил ранее, – россыпи: «за семь поездов отсюда», «небеса черней, чем зрачки у мага», «снег, смолотый в колючий песок», «коридоры как взлётные полосы», «контур мальчика в поисках песни, жены и славы», «буря-изверг крошит корабли», «рыбёшки мелкой, в полтора броска», «ладони берега» и т.д. Это вам не «майский ветерок», это Вера Полозкова – оригинальный и неординарный талант и талантище:

*что за жизнь – то пятница, то среда.
то венеция, то варшава.
я профессор музыки. голова у меня седа
и шершава.*

Поэтесса – «брюнеточка из творческой богемы» – умеет хорошо «выстраивать побуквенно войска»:

*всё вокруг лишь грубая фальшь и ретушь,
картон и пластик, плохой муляж;
мир под ним разлетается словно ветошь,
шуршит и сыплется как гуашь.*

У Веры всегда «красота спит на стыке жанров». О её поэзии размышлять можно бесконечно много, но, отталкиваясь от самого сборника стихов «Осточерчение», важно порассуждать о её лирической героине, у которой «всегда одни проблемы» и одно желание – «протяни мне сложенные ладони да напои меня тишиной».

Откуда у Веры Полозковой такое девичье, приземлённое желание? Просто она устала от завистников и злопыхателей и потому хочет быть

*недоступней, чем астронавт,
не сдыхать после каждого интервью,
прямо тут же, при входе в лифт,
не читать про себя весь этот чудовищный
воз неправд:*

*«ну спой же нам, птенчик, спой,
получи потом нашей грязи и клеветы,
нашей бездоказательности тупой, –
мы так сильно хотели бы быть как ты,
что сожрём тебя всей толпой;
ты питаешься чувством собственной правоты,
мы – тобой».*

Обо всём этом поэтесса исповедалась в своих стихах перед мамой, образ которой в сборнике присутствует постоянно: «...находятся люди, до сих пор говорящие обо мне в потрясающих терминах – вундеркинд», «пубертатный период» и «юная девочка», «это меня они упрекают в высокомерии, говорят мне – ты б хоть не материлась так – всё хотят научить чему-то», «меня, которую предали только шестеро, но зато самых важных, насущных, незаменимых», «меня, что сама себе с ранней юности и отец, и брат, и возлюбленный», «меня, с моими прямыми эфирами, с журналистами, снимающими всегда в строгой очерёдности»:

*и сначала пришли и стали превозносить,
а за ними пришли и стали топить в дерьме
важно помнить, что те и другие матрица,
белый шум, случайные коды, пиксели,
глупо было бы позволять им верстать себя;
я живой человек, мне по умолчанию
будет тесной любая ниша, что мне отводится.*

*я ... воюю со жлобством и ханжеством,
я отстаиваю права что-то значить,
писать,
высказываться.*

Вот она, истинная правда взаимоотношений в поэтической тусовке во все века – от двадцати девяти дуэлей Пушкина до наших дней. Хорошо что поэты хоть ныне не вызывают друг друга на дуэли. И Вера Полозкова отвечает им:

*вот и всё, чему я училась – пробовала нити,
разбирала за прядью прядь,
трогала проверочные слова к состояниям
и выписывала в тетрадь,
изучала карту покоя, чтобы дорогу не потерять.*

Что в поэзии В. Полозковой правда, а что – стих, где лирическая героиня, а где сама Вера Полозкова – не нам судить. Важно, что поэтесса есть. И есть почитатели её таланта.

Май, 2014

Александр БОЙНИКОВ

г. Тверь

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг и более 500 научных, литературно-критических, краеведческих, публицистических статей и иных журналистских материалов.

Любо, братцы, любо «править» мне стихи...

Литературная жизнь Твери вновь подтвердила своё право на существование. Под эгидой Дома поэзии Андрея Дементьева увидели свет два стихотворных детища: «Тверское время: Сборник произведений тверских поэтов конца XX – начала XXI веков» (2013) и «Свежий ветер. Произведения молодых тверских поэтов. Начало XXI века» (2014). В первую книгу вошли творения зрелых мастеров рифмы, во вторую – «молодых литераторов Верхневолжья, готовых, на наш (составителей и редактора. – А. Б.) взгляд, принять эстафету у старшего поколения...». Идея, что там скрывать, хороша во всех отношениях. И, как часто у нас бывает, она разительно противоречит своему практическому воплощению.

«Свежий ветер» подхватил 14 счастливых авторов. Однако достойно оценить вкус и компетенцию его составителей в лице Владимира Львова, Ивана Демидова и затесавшегося между ними Анатолия Устьянцева, а равно и знание ими современной тверской поэзии поможет перечисление фамилий тех, кем они пренебрегли. В книге не нашлось места стихотворениям Романа Гурского, Дианы Мун, Марии Мироновой, Полины Громовой, Виктора Кметя, Владимира Коркунова (ряд можно продолжить). Неужели эти поэты хуже Ксении Марковой, Ольги Губановой и Марины Кулинич (Крутовой)? Какие принципы были положены в основу отбора произведений и авторов? Публиковать только тех, кто прислал подборки? Тогда неискушённый человек, открыв книгу, будет неприятно удивлён и сделает однозначный вывод о том, что молодых поэтических дарований в Твери кот наплакал. Следствие дилетантизма составителей, кои не озаботились целенаправленным поиском талантливых авторов, – непростительная дезинформация читательской аудитории и искажение тенденций развития современной тверской литературы. К тому же многие из отобранных стихотворений отличаются далеко не лучшими качествами, как то: банальностями, мелкотемьем, игрушечностью переживаний. И это – ещё одна неудача книги.

Засветился в ней любопытный персонаж – некий Алексей Пижонков. Не числится за ним ни книг, ни мало-мальской известности... Ах, да! Он же – лауреат 2-й степени фестиваля «Каблуковская радуга» прошлого года в номинации «Молодой автор». Опять В. Львов радеет неоперившемуся птенчику! Только стоило ли? Пока что Пижонков в поэзии – полный ноль. Вот строки, открывающие его подборку:

*Пускай сегодня мне не повезло
И надо мной опять судьба смеётся;*

*Но час придёт, и бедам всем назло
Ко мне лицом фортуна повернётся.*

Штампы, пустая говорильня, глагольные рифмы, неряшливость словоупотребления: «судьба смеётся», «фортуна повернётся». Судьба и фортуна – одно и то же.

В следующем стихотворении – дежа-вю (куда редактор смотрел?):

*Любите жизнь, когда не повезло.
Когда друзья навеки изменили,
Любите жизнь, невзгодам всем назло,
Любите, что бы там ни говорили...*

Или такая мудрятина:

*Хорошо, что нам дана
Голова, пусть и одна,
И совсем уже прекрасно,
Если думает она.*

Бесспорно, сие есть хорошо. Плохо, когда три головы в наличии, но ни одна из них не думает.

Отсутствие мыслительной деятельности трёх составительских голов особенно ярко раскрылось в презентационных аннотациях. Одни – длиной чуть не в страницу (Л. Губанова, О. Кочнова), другие уместились в пять коротких строчек (А. Каменская, М. Страхов). У кого-то указаны год и место рождения, у кого-то – ни того ни другого. Об Анастасии Каменской приводятся такие сведения: «Родилась в 1988 году в городе Калинин (Твери), где и живёт до сих пор». Неужели не видна двусмысленность фразы?

Несмотря на поздравления участников книги «Свежий ветер» «с праздником её явления народу» (пошловатенько как-то звучит), то, что получили на руки авторы на малолюдной презентации, многих из них повергло если не в шок, то в уныние точно. И в возмущение. В результате – негодующие реплики в социальных сетях, жаркие дискуссии в молодёжной литературной среде и случаи демарша – возвращения полученных авторских экземпляров редактору сборника – Владимиру Львову.

Главная претензия к нему – необузданная никакими творческими и этическими рамками редакторская правка стихотворений. Правка, не согласованная с авторами, что является грубейшим нарушением их права, охраняемого, между прочим, федеральным законом.

Очень жаль, но Владимир Львов совершенно не знает основ редактирования (в том числе художественных произведений), изложенных в любом вузовском учебнике по данной дисциплине. Приведу лишь два правила. Первое. Редактор, правя текст, должен смотреть на него, прежде всего, глазами автора, проникаться его строем мысли, логикой, видением темы. Второе. Редакторский вариант текста имеет право на существование только тогда, когда он лучше авторского и это можно доказать.

Оба правила Львову неведомы, и потому он нарушает их постоянно. Примеры? Пожалуйста! Достаточно сравнить авторские оригиналы Ольги Кочновой, члена Союза писателей России, с редакторской правкой В. Львова (выделена мною. – **А. Б.**).

О. Кочнова:

*Возьми гитару. Спой о том,
Что где-то озеро есть Бросно,
В лесной глуши тоскует дом.
И станет жить легко и просто.*

Правка В. Львова:

*Возьми гитару. Спой о том,
Что где-то озеро есть Бросно,
**А в старом городе есть дом,
В котором жить легко и просто.***

Замена образа «лесной глуши» на «старый город» (почему именно «старый», а не «отчий», «милый», «добрый» и т.д.?) и экзистенциального восприятия бытия «станет жить легко и просто» на привязку к конкретному месту изменила не только авторское мировидение, но и разрушила содержательную целостность стихотворения. И ещё: в оригинале слово «есть» было только во второй строке, после безграмотной правки оно появилось и в третьей, заменив собой экспрессивный глагол «тоскует». Редактор этой тавтологии в упор не замечает.

Другой пример произвола:

О. Кочнова:

*Где-то счастье моё сторожко
прописалось в твоих лесах*

*вкусом спелой, как мёд, морошки,
криком ястреба в небесах.*

Правка В. Львова:

*Где-то счастье моё сторожко
Прописалось **в твоей стране**
Вкусом спелой **лесной** морошки,
Криком ястреба **в вышине.***

То же самое: более выразительное и живое «в твоих лесах» заменено на безликое «в твоей стране». «Спелая, как мёд, морошка» – удачное сравнение, тем более что существует спелый мёд, т.е. тот, который покрыт сверху сот восковой пленкой (сотовый мёд). Морошка, между прочим, растёт на болоте, стало быть, она – ягода не лесная. Морошку недаром называют в народе «болотный янтарь», «очи болотного» и «болотный стражник». Редактору – двойка по ботанике!

Думаю, продолжать излишне, ибо подобной агрессивной «правке» подверглись и стихи остальных авторов. Известный русский писатель Михаил Пришвин когда-то сказал: «Причёсывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую». Добро бы и «Свежий ветер» был приличной парикмахерской на худой конец. Ан нет, перед нами – третьеразрядная цирюльня с неумёхой-куафёром Львовым. Что поделаешь, коли свербит в известном месте... Об опечатках говорить – настроение портить.

Зачем уродовать стихи? – бьётся нервом резонный вопрос. Считают редактор и иже с ним, что чьи-то произведения не по нраву или не дотягивают, по их мнению, до нужного уровня, то не печатайте – чего же проще. Нет, лучше редакторский зуд удовлетворим. Могу предположить: правкой занимались все кому не лень. Иначе как объяснить, почему в стихах А. Каменской маленькие буквы в начале строк сохранены, а у О. Кочновой исправлены на заглавные.

В итоге же получилось нечто похожее на письмо дяди Фёдора родителям, от которого они упали в обморок:

«Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный, и лохматость повысилась. Мне теперь можно зимой даже на снегу спать... Ваш сын дядя Фарик».

Кстати, о письме. Каждого автора, вместо заключения с ним соответствующего договора, принудили заполнить и подписать очень любопытный документ:

«Я (Ф. И. О.) год рождения, паспорт: серия _____ номер _____ выдан

даю согласие на размещение выбранных составителями и одобренных редактором моих стихотворений в сборнике произведений молодых тверских поэтов «Свежий ветер», издаваемом в 2014 году ГАУК ТО «Дом поэзии Андрея Дементьева». Право распространения изданной книги принадлежит ГАУК ТО «Дом поэзии Андрея Дементьева».

Никаких претензий с моей стороны ни к составителям, ни к редактору, ни к ГАУК ТО «Дом поэзии Андрея Дементьева», ни к издательству «Триада», ни к ОАО «ТОТ» Ржевская типография обязуюсь не предъявлять.

11 марта 2014 года (Ф. И. О.) подпись»

Расписка эта с точки зрения закона – образчик правового бескультурья и потому не имеет юридической силы. Обратите внимание: в ней подчёркивается лишь согласие автора с «выбором» и «одобрением» (а это не одно ли и то же?) его стихотворений, но нет ничего о редакторском вмешательстве в текст. И те поэты, кто полагают свершившимся фактом злостное нарушение своих авторских прав, имеют все основания обратиться в суд с целью их восстановления и защиты. Интересно, а давали такую же подписку участники сборника «Тверское время»?

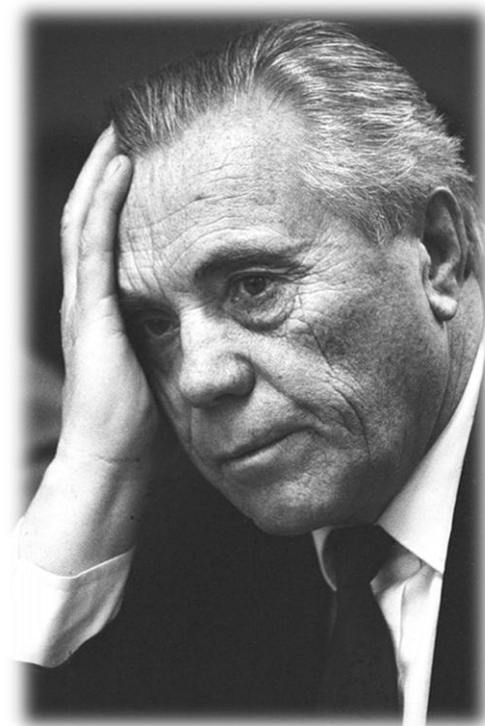
ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СКИФ

г. Иркутск

Секретарь Правления Союза писателей России. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Живая живопись Астафьевского слова

Моё знакомство с Виктором Петровичем Астафьевым случилось ещё в давние советские времена, в один из его приездов на декаду советской литературы в Иркутск. Какой же это был год? Кажется, 1985-й. Помню, тогда Виктор Петрович с Марией Семёновной жили в гостинице «Ангара». Меня пригласил к нему в гости Распутин и я, стесняясь и благоговей перед автором знаменитой «Царь-рыбы», был рад этой личной встрече.

До сих пор я с великим наслаждением вспоминаю, какое впечатление произвели на меня многие новеллы из этого повествования. Некоторые из них, особенно «Капля» и «Уха на Боганиде», я готов перечитывать снова и снова. Какой невероятный, исторгнутый «живописцем» Астафьевым язык! Какие пронзительные, осенённые высшими переживаниями, чувства! Какая кристально-чистая, доступная абсолютному слуху, поэзия! А «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду»!

Отправились мы в гостиницу с Валентином Григорьевичем не шибко рано, чтобы не мешать в полную силу отдохнуть гостям, хотя Виктор Петрович накануне позвал Распутину к себе для деловой встречи.

Мы постучали в дверь, услышали: «Открыто!» и вошли в просторный номер. Меня сразу удивила домашняя его обстановка: Мария Семёновна сидела, как будто в деревенской избе, за вязаньем, а Виктор Петрович что-то черкал в записной книжке. Он поднялся к нам навстречу со словами, обращёнными к Вале: «Жду тебя с утра, есть

разговор», и тут Валентин Григорьевич представил меня как молодого, подающего надежды автора.

– Это очень кстати, – сказал Астафьев, пожимая мне руку, – мы тут с Ромкой Солнцевым задумали интересную книжку и уже делаем её. Я хочу собрать антологию одного стихотворения поэтов России. Москвичей не берём, пробьются. Они наших сильнейших поэтов, живущих в глубинке, тоже не печатают в своём ежегодном «Дне поэзии».

И тут же, обращаясь ко мне, произнёс:

– Пришлите мне пяток самых лучших стихотворений, а я уж выберу то, что мне приглянется.

– А чего присылать? Стихи со мной, – и я вынул из портфеля пачку листов, покопался в них, отсчитал пять страниц и вручил Астафьеву. Виктор Петрович тут же сел, внимательно прочёл первую, вторую страницу и вдруг воскликнул:

– Ну, вот, берём твоего дурака! Молодец!

Эта черта характера Виктора Петровича мгновенно решать любые вопросы вообще была свойственна Астафьеву, он не любил долгих проволочек. Да и рубил всегда сплеча, по-военному. Мог и дров наломать, такой уж он был человек, стихийный, откровенный, прямой.

Задуманная Астафьевым книга, несомненно, требовала и времени, и усилий, потому что собрать нужно было стихи со всей России, перечитать их, отобрать у каждого автора лучшее произведение, написать вступительную статью, что и сделал Виктор Петрович, выпуская в свет этот уникальный сборник стихов неизмеримого русского пространства.³

³ Час России: Антология одного стихотворения поэтов России / Сост. В. Астафьев и Р. Солнцев; Предисл. В. Астафьева; Худож. Е. Чёрная. – М.: Современник, 1988. – 541 с.

Так, благодаря Виктору Петровичу Астафьеву, мои стихи «Сказ о деревенском дураке» впервые в жизни были напечатаны в настоящей Антологии:

Сказ о деревенском дураке

Лето. Деревня. Над крышами пар
После дождя устремляется в небо.
Митя-дурак поднимается с нар,
Выглядит Митя довольно нелепо.

Пообносились рубаха на нет
Из довоенного чуда-сатина.
Старая стёганка, грубый жилет
И на лице – голубая щетина.

Полузапретным в деревне слывёт
Тихое, нищее Митино царство.
Мите под сорок. Он славно живёт:
Пенсию платит ему государство.

Митя не любит общественных мест:
Клуба, конторы, гулянок и свадеб.
Хлеб и картошку он поутру ест,
Митя-дурак с пацанами не ладит.

Знать, потому пропадает в тайге:
Ягоды, шишки, грибы собирает.
Птицу, жар-птицу ли держит в руке,
С белкой и соболем в прятки играет.

...Жалились, помню, отцу мужики,
Водку в кути разливая в стаканы,
Что пропадают в округе силки
И навсегда исчезают капканы.

Помню в тот день я пришёл к дураку:
– Дмитрий, тебя мужики скараулят.
Он оглянулся, согнулся в дугу,
Сидя на низком, расшатанном стуле.

Стал лепетать и махать на огонь
Так что меня пробирало до дрожи:
– Белку не надо! И зайку не тронь!
Митя не трогает. Митя – хороший.

...Долго в лесах исчезали силки.
Митя работал сторожкой и тайно,
Но подстрелили его мужики,
Как говорят – совершенно случайно...
(1974 г.)

Другая моя встреча с Виктором Петровичем произошла в 1986 году, в Красноярске. Буквально перед поездкой в Красноярск, у себя на даче в порту «Байкал», я познакомился с двумя замечательными художниками, которые приехали в наш байкальский «Дом творчества художников». Это был Анатолий Тумбасов из Перми и Николай Худенёв из Красноярска. Художники выезжали на пленэр и на теплоходе «Бабушкин» переправлялись в сторону порта «Байкал», где мы и разговорились, да так, что пермяк и красноярец оказались у меня в гостях. В эти осенние дни мы с братом Анатолием достраивали баню, и Худенёв с Тумбасовым помогли нам возвести стропила и покрыть шифером крышу.

Этой же осенью я поехал в творческую командировку в Красноярск, там отыскал Худенёва, который показал мне город, свозил на Красноярские столбы, на подвесную дорогу, а на другой день я позвонил Астафьеву и напросился к нему в гости вместе с Николаем. Днём, часов в двенадцать, мы уже были у Виктора Петровича и Марии Семёновны, которые радушно приветили нас у себя в городском доме. Худенёв привёз из дому одну из лучших своих картин и подарил Виктору Петровичу.

Были тут душевные разговоры о сельской жизни (Астафьевы осваивали дом в Овсянке), и острые разговоры по поводу астафьевского рассказа «Ловля пескарей в Грузии» и злополучного,

провокационного письма некоего Натана Эйдельмана, которому Виктор Петрович ответил со всей прямоотой и яростной отповедью, были чай и пироги Марии Семёновны. Всё это впоследствии вошло в моё стихотворение, посвящённое Виктору Петровичу Астафьеву. Три года назад оно было опубликовано в Красноярском литературно-художественном альманахе «Затесь», который издаёт Красноярский клуб почитателей В. П. Астафьева, главный редактор Валентина Андреевна Майстренко («Затесь» № 1 – 2011 год, стр. 26):

В доме Виктора Астафьева

У Астафьева в доме, как в поле светло –
От российской души, от широкой улыбки.
Мне в гостях у Астафьева душу свело
От того, что мы все – совершаем ошибки.

Совершаем ошибки. Во имя чего?
Этот с жалом к нему, этот с тайным кинжалом.
Позволяем честнейшее имя его
Перепиской терзать и трепать по журналам.

Вот сидит он – приветливый русский мужик,
Столько вынесший зла и читательских пыток!
А в устах у него – наш народный язык,
А в глазах у него – доброты преизбыток!

И почти не видна – в глубине этих глаз
Затаилась печаль, что прихлынуть готова,
И тревога, что в сердце вошла не на час
За родимую землю, за русское слово.

Это горькое право великой судьбы
Быть российской болью, её средоточьем...
Вот он снова в Овсянке – у той городьбы,
Где дочурка мелькала цветастым платочком.

.....
И пускай этот дом ненавидят враги,
Будет он и приветлив, и чист, и уютен...
– Ну-ка, Марья Семёновна, ставь пироги!
Снова гости пришли, и приехал – Распутин.

В тот день Астафьев подписал несколько книг иркутским писателям, которые я увёз с собой и с радостью вручил каждому из адресатов: Евгению Суворову, Володе Жемчужникову, Валерию Хайрюзову, Борису Лапину.

Ещё одним отзвуком той встречи явилось моё стихотворение, посвящённое дочери Астафьевых – Ирине, – потому что родители хоть и кратко, но с великой болью рассказывали нам с Худенёвым о ней, о её ранней смерти, а мы, не найдя слов утешения, молча, с сердечным сочувствием, слушали их.

– Теперь вот воспитываем внуков, – говорил Виктор Петрович, – Поля – тихая девочка, а Витька – сорванец, да ещё с характером.

Кстати, красноярский писатель Олег Пашенко в начале 1988 года передал мне через Валеру Хайрюзова газету «Красноярский комсомолец» (№ 138 от 17 ноября 1987 г.), которую редактировала бывшая иркутянка, выпускница отделения журналистики Иркутского госуниверситета Люда Батынская, где оказались опубликованными две строфы из моего стихотворения об Астафьеве рядом с фотографией Виктора Петровича, сидящего в обнимку с сорванцом, но очень любимым внуком Витей.

Двумя годами позже в моей иркутской книге «Живу печалью и надеждой» появилось стихотворение «Памяти Ирины Астафьевой», а книжку я отправил в Красноярск Виктору Петровичу и Марии Семёновне:

На смерть Ирины Астафьевой

И жалко смотрит из одежды
Рука, пробитая гвоздём.
Александр Блок

И прах, и тлен, и мрак, и тени –
Всё это будет впереди...
О, высший разум, от рожденья
Ты жив – рыданьями в груди.

Жизнь коротка, порой незряча,
Полна жестоких мук и грёз:
От детского слепого плача
До молчаливых взрослых слёз.

О, высший разум! Ты устало
Идёшь трагическим путём.
Сей путь тебе предначертала
Рука, пробитая гвоздём.

Бессмертья не придумал гений,
Мирозданием влеком...
...Твои потери, обретенья
В могилу скатятся комком...

Из слёз прольётся дождь обильный,
Когда над вечностью земли
И над невечностью могильной
Застонут в небе журавли...

В один из приездов Астафьева в Иркутск мы – несколько писателей: Евгений Суворов, Валерий Хайрюзов, Владимир Жемчужников и я – после встречи Виктора Петровича в аэропорту оказались в его номере в гостинице «Ангара». Хотели мы уйти, чтобы Виктор Петрович отдохнул с дороги, но он заявил:

– Я что, с Северного полюса прилетел?! Тут час лёту до Иркутска. Я никого не отпускаю, прижмите хвосты. Эй, младшóй, за водкой!

Он дал мне денег, и я помчался в ближайший гастроном, купил выпить и закусить. Мы пили водку, бесконечно балагурили, но, в основном, слушали Виктора Петровича, его живую живопись рассказов, мастерски с изысканным артистизмом сыгранных анекдотов, прибауток, удивительных, искромётных историй, бóльшая часть которых так и не вошла в его произведения. Какое это было всепоглощающе дружелюбное время! Сколько в нас было молодости и сил! Мы ведь могли сидеть ночь напролёт и, затаив дыхание, слушать великого мастера. Где всё это? Конечно же, в памяти нашей – ясной, как полдень, и с годами никуда не исчезающей! И ещё, как яркое напоминание о той встрече, у меня осталась вставленная в паспорт фотографию Виктора Петровича, которую он подарил мне в тот вечер после прочитанных мною новых стихов.

И ещё помнится одна встреча с Астафьевым, которая случилась в самом начале перестройки и проходила в здании Иркутского театра музыкальной комедии (ныне ТЮЗ), где он ярко и убедительно отвечал на вопросы переполненной аудитории. Вопросы поступали и вживую, и записками. Многих иркутян волновало то, что произошло со страной, с правительством, с тем же Горбачёвым, и Виктор Петрович мощно, резко, по-астафьевски крушил демократов и перестройку, говорил очень верные, идущие от сердца слова о русской доле и русском народе, попавшем в очередное кровавое месиво.

И народ ему рукоплескал, радовался возможности услышать правду и поверить в то, что многое в жизни страны изменится к лучшему. Не изменилось. Через годы мы это поняли, но тогда очень уж верилось в то, что жизнь, скорее всего, наладится, пойдёт по правильному вектору.

Тогда и Виктор Петрович верил во всё лучшее, потому что не мог думать и жить иначе. Но дальнейшая жизнь круто изменила обстановку в стране, самих людей и даже географию страны, не говоря о той умопомрачительной, не представимой доселе перевёрнутости, которая произошла с властью и чиновниками на всех уровнях.

Эти изменения на сломе эпох не обошли и великого писателя Астафьева. Но это уже другая история, другое измерение, другие воспоминания, которые похожи на мистическую фантазмагорию, происшедшую с нашей страной и с нашим обществом.

Владимир МОНАХОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член редколлегии международного поэтического альманаха «45-я параллель» (Ставрополь, Россия).

Вымысел правды

Из дневниковых записок (продолжение, начало в №1/2014)

Пришли к Славе Богову ходоки и сказали:

- Мы хотим, что бы вы нами управляли.
- А я и так уже вами правлю! - ответил на эту просьбу мудрец.
- Как это? - переглянулись удивленно ходоки.
- А как же вы нашли ко мне путь? - улыбнулся мудрец.

- С тех пор, как мы стали познавать вашу мудрость, то народу нашему легче стало жить, - настаивали ходоки. - И верим, что дела наши пойдут ещё лучше, если вы станете во главе всех людей.

- Спасибо за доверие. Но для процветания страны, поверьте мне на слово, достаточно уже того, что я здесь живу, - вежливо отказался мудрейший.

«Кажется, наш мудрец страдает манией величия», - уходя от Славы Богда, перешёптывались ходоки.

- И что за люди, - удивлялся Слава Богов. - Давно уже живут своим умом, но даже не подозревают об этом.

В очередной раз не состоялся предсказанный конец света. И люди обратились к Славе Богову с вопросом: нужно ли обращать внимание на предсказания о конце света и что он, Слава Богов, об этом думает?

- Если мы будем верить пророчествам о конце света, то ситуация в конце концов может пройти по такому сценарию, - предупредил свой народ Слава Богов. - Однажды Господь спустится к нам и спросит: «Есть тут кто?». И не получит ответа. И удивится: «Странно, уже нет никого, даже без моего Апокалипсиса». А мы будем тут, но, перепуганные ожиданием страшного суда, попрячемся и затаимся. «Ну что ж, - скажет Господь, - если здесь никого нет, тогда непонятно, зачем и для кого я трачу свет!» А мы захотим закричать, что всё ещё здесь, но от трусости показаться пред очи Господни - а как спросится с нас ещё больше? - попрячемся ещё глубже и молчать будем ещё тише. А Господь возьмёт да и выключит свет, свой внутренний свет.

- Так, значит, конец света всё-таки будет? - огорчились люди.
- С точки зрения пессимистов - да, а с точки зрения реалистов - тоже да! - сказал Слава Богов.
- А что думают оптимисты?
- А кто их знает? - удивился Слава Богов. - Хотел бы я увидеть этих людей.

- Вы из какой партии? - спросил как-то Славу Богда генерал.
- Я из партии родителей погибших солдат, - сказал мудрец.
- Не надо играть на чувствах! - вспылал генерал.
- Тогда перестаньте играть на пушках, - возразил ему Слава Богов.

- Вот раньше было хорошо, - обсуждали люди проблемы своей жизни.

- А раньше - это когда? - поинтересовался Слава Богов, проходивший мимо ностальгирующих по прошлому.

- Да хотя бы лет двадцать назад! - сказали ему хором.

- Я жил тогда и помню, что лучше не было. В России хорошей жизни никогда не было. Нам чуть-чуть лучше - и уже хорошо!

Наблюдая за тем, как молодые выходили на улицы с новыми лозунгами, Слава Богов с грустью сказал: «Молодые рушат прежние истины, зрелые их восстанавливают, а старые им поклоняются. И я расшатывал основы, теперь основы те креплю!».

Как-то у Славы Богда пытались узнать его политические пристрастия.

- Вы - коммунист?
- Нет! - отмечал мудрец.
- Вы - монархист?
- Нет!
- Вы - либерал?

- Нет!
- Вы – демократ?
- Нет!
- Вы – пацифист?
- Нет!
- Вы – атеист?
- Нет!
- Так кто же вы? – устали спрашивать спрашивающие.
- А я человек других заблуждений! – отвечал им Слава Богов.
- Вы демагог! – подвели черту спрашивающие.
- Извините, политикой не занимаюсь.

Однажды Слава Богов наблюдал за современной трагедией Ромео и Джульетты в шекспировском варианте и подытожил:

- Любовь - дар, а не разлюбить – наказание!
- Вы не верите в силу любви? – спросили у него.
- Как же не верить, если любящие опережают современность, а разлюбившие отстают даже от прошлого. Но умение любить предполагает и умение разлюбить. И о последнем тоже нельзя забывать.
- Может, вы не любили сами и поэтому судите об этом слишком практично, – не согласились с ним окружающие.
- Любил или не любил – этого я уже по прошествии лет не помню, но то, что своевременно смог разлюбить, – это во мне осталось прочной зарубкой памяти. И второе действие не менее важно, чем первое.

Прочитав в газетах умные критические статьи, Слава Богов вздохнул и сказал:

- С умом России попенять каждый сможет, а ты сделай пользу, чтобы в Россию можно было верить!

Как-то пришёл к Славе Богу поэт.

- Я достиг совершенной мысли, что тот свет дает нам этот свет, – стал внушать новые воззрения поэт мудрецу. – И каждый из нас должен быть в ответе за свою смерть.
- Что-то я тебя не очень понял, – удивился Слава Богов.
- А понимать нужно так, что мёртвые оттуда поддерживают нашу жизнь здесь. И если ты хочешь помочь живым, то поторопись стать мертвецом. Значит, стать мёртвым важнее, чем быть живым. Смерть старше жизни.
- Но раньше я слышал от тебя другое, – возразил Слава Богов. – Помнишь, как ты доказывал всем, как много для живых значит смерть, и ничего для мертвых не значит жизнь, а тебя за это критиковали другие поэты.
- Теперь я понимаю, что ошибался, – признал поэт.
- Конечно, ты ошибался. Но и сейчас ты ошибаешься не меньше. Я думаю, что смысл жизни старше смысла смерти. И за смысл жизни нужно нести ответственность и там, и здесь. Только это обеспечивает равновесие бытия.

Как-то пригласили Славу Богова на дискуссию по русской идее, с помощью которой новые вожди намеревались вывести страну из кризиса. Слава Богов слушал и молчал.

- Так есть у нас возможности подняться с колен? – спросил у Славы Богова председатель дискуссии.
- Пока я не вижу такой возможности, – сказал Слава Богов.
- Почему же? Мы богатая страна, и народ у нас хороший, – возразил мудрецу председательствующий.
- Да, действительно, народ у нас хороший, но вот людишки дрянь. А пока людишки дрянь, то с хорошим народом ничего путного в стране не сделаешь, – сказал Слава Богов и покинул дискуссию.

- Раньше вы называли себя космополитом, – напомнили Славе Богу недоброжелатели.
- А я и сейчас не отказываюсь от этого. Но что делать, чем старше становлюсь, тем больше чувствую себя русским.
- А разве можно соединить в себе русскость и любовь ко всему земному? – не согласились недоброжелатели.
- А я не против Америки. И не против Германии. И не против Японии. И не против Израиля. И не против России. Но я по-прежнему за весь земной шар! Но на это способен только русский. Так что, чем старше становлюсь, тем больше чувствую себя русским!

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

Переводчик (немецкий язык), журналист, в 2009-2011 гг. – зав. отделом публицистики, а в 2012 г. – член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Автор семи книг. Две из них – в соавторстве, в т.ч. сб. стихотворений: «Жареный виноград» (в соавторстве с М. Орловым, г. Братск).

Серебряный призёр в номинации «Публицистика» на международном конкурсе «Русский стиль-2009» (Германия). Лауреат международного конкурса «Приключение приходит само: Мир без насилия и войны» (Польша, 2011).

Под знаком Туполева и Финкельштейна

В красивом своими *погодами* сентябре краеведы из Твери возобновляют встречи с коллегами в тверских райцентрах. Автобус выделен областным объединённым музеем и свой путь в 139 км по направлению к Кимрам начинает с улицы имени Андрея Туполева за Тверцой: этот известный советский авиаконструктор родом из несохранившегося кимрского сельца Пустомазова. Предки его были из вольных сибирских казаков, и купленное ими сельцо так же вольно раскинулось своими полями, садами и даже прудами. Но после переворота 1917 года оно, естественно, было реквизировано, и даже через десятилетия, уже в статусе известного в стране человека (прошло то время, когда мать выпрашивала льготы на обучение своего сына!) Туполев не смог вернуть его назад. Теперь бывший дом заменён, так сказать, небольшим памятником – то ли Туполеву, то ли дому, то ли – и скорее всего – им обоим.

Узнаёшь в поездках с краеведами обычно больше, чем в стандартных экскурсиях. Автобус катит мимо Оршинских болот, а книжца «Дальние экскурсии по Тверской губернии» 1928 года издания под редакцией А. Вершинского тут же выдаёт «сопутствующую» информацию: более 80% области занимают низинные и торфяные болота. Или только успеешь удивиться, почему это обелиск Победы в Кимрах не похож на привычные, а тебе тут же подсказка: это и не трёхгранный штык вовсе, а трёхгранная *сталька*: на штуковинах с этим названием точили свои инструменты сапожники.

Родом из Кимр и Александр Фадеев – мемориальную доску с его именем «временно» и небрежно закрыли строители. Зато на здании театра (!) появилась ещё одна – о том, что в этом городе «жил» Мандельштам. Причину этого – разве не ссылка? – тоже не мешало бы указать.

Впечатление от города, мягко говоря, противоречивое. В музее – история становления сапожного центра (ещё в конце семнадцатого века кимряки уходили на отхожий промысел в столицу: обучали сапожному мастерству москвичей), за пределами же музея грозят обрушиться на голову восторженного туриста кирпичи с многочисленных исторических зданий (в стиле модерн). Заботливыми и профессиональными руками созданный музей – и кованые ворота (не со взорванной ли церкви?) и могильные плиты среди его экспонатов.

Такое же двойственное впечатление оставляют и жители этого райцентра. Проблемы города на встрече с тверской краеведческой «депутацией» с болью обозначил представитель общественности Игорь Абоскалов. Городской парк веселит горожан в дни массовых мероприятий прямо на могилах (раньше здесь было кладбище, теперь мы наблюдали сложенные штабелями бутылки), напротив библиотеки – свалка, а местная газета, по его словам, от таких проблем, напрямую связанных с духовностью, научилась уклоняться. «Шабаш на могилах предков» (по выражению И. Абоскалова) ни к чему хорошему привести не может. Вот и старейший кимрский краевед Владимир Коркунов вторит ему: в школе больше не изучают краеведение! То есть местный зубр краеведения роется в архивах, чтобы издавать книги, которые некому читать. Весёленькая история.

Родом из Кимр оказался и известный тверской краевед Владимир Финкельштейн. Незадолго до его кончины в Твери, благодаря его усилиям, появилась памятная доска, посвящённая подвигу (я настаиваю на этом слове) Сергея Шульгина. Демонтировав перед приходом немцев ТЭЦ, Шульгин не взорвал, как было предписано, необходимое оборудование, а надёжно его спрятал. И смонтировал сразу по возвращении своих. Калининцам это принесло тепло (день освобождения Калинина мы отмечаем зимой), а самому Шульгину это принесло «награду» в виде ссылки на урановые рудники – за невыполнение приказа.

Юбилей Надежды Середы, профессора Тверского госуниверситета и руководителя тверских краеведов, тоже пришёлся на дату поездки в Кимры. И если в автобусе пели «Надежда – мой компас земной...», то правильно делали: это было уже на обратном пути... А впереди – работа. В том числе помощь коллегам из района, в интеллектуальном «армреслинге» с местными чиновниками оказавшимся пока не самой сильной командой.

Анатолий КАЗАКОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Лауреат международного конкурса «Журнальный вариант» (номинация «Публицистика», Крым, 2014 год).

Путешествие на родину Михаила Евдокимова

Подъезжая к Верх-Обскому, Сергей включил магнитола, и я услышал хорошо знакомую песню: «Верх-Обское, Верх-Обское...». Это было как чудо – только что проехали место гибели Евдокимова, поклонились часовенке в память о нём, и вот он, будто живой, во всю свою мощь повторяет: «Верх-Обское, Верх-Обское...». Сергей, конечно, специально включил эту песню, всё рассчитал, но это было так естественно, так сочеталось с тем пейзажем и дорогой, что мелькали за окном... Евдокимов, спеша на работу, проезжал здесь сотни раз, и в одну из таких поездок, возможно, и родилась эта песня. При мысли об этом запершило в горле...

Михаил Сергеевич между тем продолжал петь: «Мы порой не дома, а у речки жили, старой рукавицей мелюзгу ловили». От слёз здесь не спрячешься, ежели душа имеется. Я полез в карман за платком, но тут песня неожиданно прервалась.

«Всё, больше не могу, – объяснил Сергей и добавил: – Добро пожаловать в Верх-Обское...».

Назвать наше путешествие неожиданным было бы неправдой. Два года назад Сергей, корреспондент газеты «Сибирский характер», возил меня в «гости к Шукшину». Он родом из этих мест. На этот раз наш путь лежал к Евдокимову, точнее – в небольшое село в двадцати километрах от Бийска, где прошли детство и юность народного артиста и губернатора. «Что за место такое? – думал я. – Евдокимова и Шукшина разделяли всего-то пятьдесят километров. Евдокимова и Валерия Золотухина – тридцать». По пути мы проехали село Полковниково, где родился космонавт Герман Титов, следом ещё одно село, где родился поэт Роберт Рождественский...

«Здесь знаменитостей, как грибов, – походя заметил Сергей. – В моей деревне, к примеру, родились два писателя – Иван Кудинов и Афанасий Коптелов. Последнего, если учился в советской школе, ты должен знать, – изучали его лениниану: «Из искры возгорится пламя», «Точка опоры» и что-то там ещё...».

Эти слова напомнили мне наш вчерашний разговор, когда мы проезжали мимо Нижнеудинска. «Ты знаешь писателя Сартакова? – спросил тогда Сергей. – Он родом из этих мест и писал об этих краях в трилогии «Вершины Саянские»...».

В тот же день вечером мы остановились на ночлег в посёлке Нижний Ингаш у издателя, поэта и музыканта Сергея Прохорова, охотно публикующего в своём журнале «Истоки» братских авторов, и разговор о привязанности русских талантов к «малой родине» продолжился. Что за сила заставляет человека, давно снискавшего славу в столичных городах, возвращаться снова и снова в глухомань, где когда-то появился на свет? Для меня этот вопрос риторический, на него не нужно ответа – нужно чувствовать, но спроси об этом любого встречного, и тебе мало что скажут. Может, потому и рвался я так давно на Алтай, – нет в России другого места, которое бы так самозабвенно любили его сыновья. Несколько патетично, но так.

Сергей Тимофеевич оказался человеком с чувством юмора. Когда в комнату вошла его девяностодевятилетняя мама, сказал: «А вот и мой Кашей Бессмертный», и ласково обнял её. Я потом долго разговаривал с этим удивительным человеком, бережно хранящим старинную православную икону, и совершенно уверовал, что Господь хранит её, сердешную, за эту святыню и те простые песенки («Терлинь, терлинь»), что доносились из её спальни далеко за полночь.

Встретиться с Евдокимовым и не улыбнуться – это, наверное, нонсенс, и всё, что предшествовало этому, словно настраивало на определенную волну. Ещё до Нижнего Ингаша нам попало несколько машин цирка Олега Попова. Переночевав у Тимофеевича, мы догнали эти машины, и знаменитый артист, словно желая счастливого пути, опять улыбнулся нам с портрета на кузове.

Поля, реки, степи, города... Проезжая Мариинск, Сергей предложил остановиться у мемориала жертвам Сиблага. Зайдя в храм и помолвившись, узнал я у монахини, что Богу здесь молятся и за то, что руководит в их землях Оман Гумирович Тулеев. Почему-то вспомнилось его выступление по радио: «Хлеба мы собрали много, и если я узнаю, что кто-то продаёт хлеб дороже указанного мною, торговать он больше не будет». Кстати сказать, хлеб там и сейчас стоит двенадцать рублей...

Вот и Алтай. Сергей хоть и говорит, что не видит особых отличий в сибирских ландшафтах, но свой край, по глазам вижу, узнает без придорожных надписей. Поля, поля, и все засажены подсолнечником, гречихой, пшеницей, кукурузой. Едем к месту гибели Евдокимова. Два года назад я уже здесь бывал и, следуя в часовенку, которая была возведена в честь Михаила, молюсь и думаю: «Вот и сподобил Господь побывать здесь ещё раз, видно прошлый раз чего-то недопонял я... Мы ведь так и живём всю жизнь, недопонявая».

В прошлый раз здесь было безлюдно, а сегодня машина за машиной. Накапывает дождик, но какие-то люди в униформе скребут и машут метлами.

«Сегодня, в семь вечера, губернатор приедет, венок возлагать», – поясняет один из уборщиков.

До Бийска ехали молча. Чтобы говорить, силы нужны, а они будто иссякли.

По дороге на каждом шагу продают мёд и белые грибы, огромных размеров помидоры, картошку. Не китайская отравка – всё доморощенное, здоровое, вкусное. В голове вертятся рифмы. У Валентина Пикуля в романе «Каторга» говорится, что в тюрьме многие писали несовершенные стихи, но интересны они были не правилами написания, а правдой жизни. Отнеситесь так и к этим стихам: «Парнишка деревенский вырос. /Прославился на всю страну. /Мальцом водил телят на выпас. /Душой болел за нашу старину. /Он юмором своим открыл сердца. /И полюбился людям неслучайно. /Ведь искренность и доброта жила /в неутомимом сердце постоянно. /Он верил в облачную синеву. /О бане русской пел счастливо. /Но грустные глаза глядели в высоту. /Где птицы пели в такт ему игриво. /Артист от Бога, что там говорить. /Но простотой и мудростью влекомый, /он шёл в народ любить, творить... /Земли Алтайской сыну поклонюсь. /Народ таких людей не забывает...».

И вот Верх-Обское. Подвезли одну девушку до деревни, и почему-то запомнилось её удивлённое лицо: видно, не так часто подвозят. Люди – везде люди. Накануне, подъезжая к Тайшету, заметил стоящего на обочине человека с самоваром. Сергей тормознул. Подхожу к здоровому мужику, знакомлюсь – назвался он Сашей. На столе у него ящик с большими кедровыми шишками и кедровая вытяжка. Осведомился о стоимости чая. «Десять рублей. Вам с сахаром или вытяжкой?» – «А что так дешево? – спрашиваю. – В столовых – как минимум двадцать...» – «Так не богатства ради, а для души», – смеётся Саша, чем-то напоминающий мне снежного человека...

Вместо обычного стакана налил мне большую кружку, положив два пакетика чая, и залил кедровой вытяжкой. Пока я пил лесное угощение, Саша всё подкидывал лучину в самовар, разглядывал меня, беспокоясь, что чай негорячий, и просил подождать, пока согреется до кипятка. Прощаясь, протянул свою руку, и я невольно вспомнил монолог Евдокимова: «Пальцы, как микрофоны, – наш человек».

Вот и жители Верх-Обского напомнили чем-то мне этого Сашу – приветливостью, что ли, и простотой. Такие же, как и те глиняные скульптуры, что установлены в парке перед Верхнеобским Домом культуры, – вполне узнаваемые персонажи: мужик с веслом, мужик с красной мордой: «У меня морда красная, а у отца нет. Когда из бани иду, далеко видать»...

Верхнеобский Дом культуры чем-то напомнил мне Братский ДК «Транспортный строитель». Несколько месяцев назад в ДК открыли музей Евдокимова. Само слово «музей» настраивает на торжественный лад, но в музее Евдокимова нет ничего, что бы наводило на мысль о величии того, кому он посвящён. Впрочем, также и в шукшинском музее – обычная деревенская утварь, собраны концертные костюмы, письма на родину, редкие фото. Почти всем посетителям музея показывают «эксклюзивный» фильм – последнее интервью с Евдокимовым. Михаил Сергеевич в фильме очень грустный, и если, слушая его интервью, вспомнить ещё и песни «На горе, на горюшке» или «Алтай», то тут и сердце может не выдержать. Работник музея рассказала, что жили Евдокимовы небогато, и показала ботинки с каблуками, сделанными руками Михаила, заверив при этом, что он умел делать всё. Ей можно верить: «Мишу я хорошо знала. Он в клубе у нас работал».

Во время беседы подошёл местный мужик и поведал (не рассказал, а именно поведал, словно былинный герой) о приезжавших недавно артистах, среди которых был Александр Маршал: «Концерт длился до двух ночи, и было много народу». Вторя ему, работница музея Надежда, рассказала: «Он ведь сначала артистов из Москвы за свои деньги возил. Теперь они в память о Мише каждый год приезжают, на этот раз были третьего августа».

Выступают приезжие артисты в ДК и на стадионе, который, кстати, тоже построен на деньги Евдокимова.

«У нас в Верх-Обском находится самый большой флаг в России», – с гордостью продолжил Местный, намекая на ограду евдокимовского стадиона, выкрашенную в триколор.

Зашла речь и о гибели Евдокимова. В Верх-Обское каждый день приезжают люди с разных мест России, и когда кто-нибудь говорит, что погиб Евдокимов в результате случайной аварии, местные обижаются, – здесь все на сто процентов уверены: «Мишу убили».

«Странное отношение к Евдокимову, – подумал я, – с одной стороны, он для них свой в доску «Миша», с другой – символ нашей демократии, наглядное пособие – чего можно, чего нельзя...»

Когда в ДК не осталось ни одного человека, я попросил зажечь свет в концертном зале, и живо представил Евдокимова на этой сцене. Надежда рассказывала, что именно здесь и выступал много раз Миша, и зал всегда был битком набит. «Раньше у нас было большое племенное хозяйство, потом всё порушилось, и Миша от этого страдал, – продолжала она. – Он, когда уезжал хоть на день, плакал, а когда возвращался, собирал всех и был безудержно весел. Я не знаю, кто бы ещё так мог радоваться встрече с земляками. Он не воспринимался нами как губернатор. Он был для нас просто Миша...»

Сразу же за ДК находится особняк Евдокимова. Несмотря на красный кирпич, выглядит он уныло, будто склеп. «Сейчас там никого нет, – поясняет «гид», – наши девочки (из ДК и музея) ходят, за порядком следят, но иногда из Москвы приезжает вдова Евдокимова. Сестра Миши живёт в другом доме...»

Тот же мужик показал нам погост, где покоится Михаил Сергеевич. На кладбище построена часовенка в честь Евдокимова, перед её входом на камне высечена молитва, а по другую его сторону – слова Владимира Высоцкого и О. Сковля: «...Почему в тоске?.. Ты рисуешь волю кровью на песке. Ты

идёшь туда, где тебя не ждут. Ты один всегда и Король и Шут...». Вот и сбылась моя давняя мечта поведать этому удивительно любившему свою малую родину человеку сокровенное. То, что никому и никогда не скажешь. Говорить с живыми о добром и вечном, что воду в ступе толочь, и, тем не менее, живу с верою в добрых людей, пишу, пою об этом и понимаю, что есть в мире такое, чего словами не вышептать. Сергей говорит, что впервые по-настоящему Евдокимовские песни услышал у меня дома. Долго этому удивлялся и сказал, что, видно, не зря в Братск приехал.

Вокруг погоста растут берёзы, напоминая чем-то подкову, и с одной стороны открыт путь на могилку Михаила по центру. Рядом похоронены его родители. Вот и поклонился могилке дорогого мне человека, вот и сподобил Господь. Посмотрел в небо, и берёзы подковой зашумели, словно говоря Михаилу: опять к тебе гости...

Мужик – «наш гид» – поведал, что когда к Евдокимову приезжали московские друзья, то в неформальной обстановке, не для съёмок, он возил их в Горный Алтай. «А куда конкретно?» – полюбопытствовал Сергей. «В Чемал, на Усть-Семёнский перевал...»

И вот, миновав Бийск, мы уже мчимся по Чуйскому тракту. «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов, – речитативом проговаривает Сергей. – С детства помню эту нескладуху про Кольку Снегирева...».

Проезжая мимо Сросток, хочется перекреститься. Здесь я уже бывал, и, завидев с дороги знакомый силуэт школы (библиотеки), в которой когда-то работал молодой Шукшин, почувствовал, как заняло под сердцем. «Заедем на обратной дороге», – заметив моё волнение, говорит Сергей.

В Сростах, наверное, самый дорогой бензин на Алтае. Мы проехали много вёрст – нигде больше 30 рублей за литр 95-го не просили, было и двадцать шесть, а в Сростках – аж 32! «На Шукшине зарабатывают, – не удержался от комментария с нажимом на великий и могучий мой друг. – Вишь, сколько народу тормозит, завидев надпись «Родина Шукшина». Остановился – тут его и надо ободрать, как липку. В другом бы месте этот номер не прошёл...».

Неожиданно на смену относительно равнинной местности пришли горы. В один момент. Будто по мановению волшебной палочки. Такого калейдоскопа пейзажей не было за всю дорогу от Братска до Барнаула. Оказавшись в теснине зелёных гор, чувствуешь небывалый подъём духа, радуешься, как ребёнок, но проходит час-другой, и ты, житель равнинных мест, быстро угасаешь. Горы словно давят на тебя, и начинаешь понимать людей, страдающих клаустрофобией...

Манжерок – один из первых больших посёлков на нашем пути – напоминает восточный базар: всюду торгуют. Сувениры и мёд. Останавливаемся в одном месте – «Мёд от Петровича».

«Вы не знаете Петровича? – удивляется торговец с интонациями одессита-еврея. – Его здесь все знают, отменный мёд...».

Горный мёд в два раза дороже степного, но, говорят, намного полезнее. Поверим на слово. Тут же продают медовуху – говорят, без дрожжей. Покупаю бутылку медовухи с добавлением парги и пыльцы, совсем забыв, что у меня на это стойкая аллергия. Дышится здесь легко, напрочь забываешь о своих болячках, и красота – какой не видывал. Теперь я знаю, как ответить на вопрос, заданный мне с виниловой пластинки ещё в детстве: «Что такое Манжерок?».

Вправо поворот на Усть-Семёнский перевал, а нам прямо – в Чемал, на остров Патмос, где находится православный храм Иоанна Богослова... Величественные горы, уникальная река Катунь, кругом мелькают аккуратные домики, и рекламные щиты с призывами к рафтингу, конному туризму и просто погостить, к примеру, в усадьбе некоего толстяка Го. Но почему-то грустно. Где-то здесь, среди гор, казалось мне, бродит тень Евдокимова, весёлого и грустного, сильного и слабого одновременно...

На обратной дороге, проезжая место гибели Евдокимова, заметили губернатора, возглавлявшего цветы. Этот, казалось бы, христианский жест, сопровождался «антуражем», напоминающим войсковые учения: то тут, то там стояли люди в погонах и мигающие машины. Не проехали и десяти километров, как эти машины настигли нас. «На обочину! – инфернально заорал мегафон. – Сделал остановку!»

И тут же скользкой чёрной змеей, быстро и плавно, промчался мимо губернаторский кортеж.

Какой-то водитель, свернув на обочину, разразился тирадой: «Как при царе шапку ломали, так и сейчас!.. Как думаешь, при Евдокимове так же орали?» – «Он без конвоя ездил...» – «Ну, не всегда же... Да чёрт с ним!.. Ты от кого едешь – от губернатора или артиста?» – «От Евдокимова».

Через несколько километров, завидев грибников, снова сворачиваем на обочину и слышим торг: «Белые есть?» – «Последнее ведро» – «Губернатор скупил?» – «Сказал, в следующий раз заедет. Жалел, что деньги дома оставил...».

«Язвительные, однако, ребята», – подумал я. Ох, и трудно ж, наверно, к ним в милость попасть, а Евдокимову удалось. Потому что свой был, от сохи. Нынешний губернатор Алтая это, конечно, понимает, и его жест с подношением цветов поневоле вызывает уважение...

Назад в Братск возвращался поездом. Попутчиками оказались молодые ребята, ехавшие сначала до Красноярска, а потом на север, в Туруханск, на заработки. Говорили, что получают по сто тысяч, а в Новосибирске больше двадцатки не платят. Вот и едут, чтобы прокормить семьи. Хорошие парни, родом из новосибирских деревень. Рассказал им, куда ездил, показал фото, и печаль вдруг исчезла: эти ребята любили Евдокимова, как и я, как и вся Рассея...

Привал на поэтической тропе

Эльвира ЩЕРБАКОВА

г. Воронеж

Аспирант ВГПУ, корреспондент газеты «Учитель ВГПУ». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Под «Парусом Надежды»

Незаметно пролетели выходные, озаглавленные для всех любителей поэзии и песни под гитару у костра Международным фестивалем авторской песни «Парус надежды». Этот душевный праздник собирает друзей уже в девятнадцатый раз.

Ещё на афише фестиваля была обозначена обширная программа, включающая в водоворот творчества и детей, и взрослых. А поэтическая обстановка места, где проходит фестиваль – поляна с яркими цветами и душистыми травами на берегу красивого Воронежского водохранилища рядом с лиственным лесом – только вдохновляла на творческий отдых. Все мероприятия были распланированы на три дня таким образом, что скучать собравшимся здесь было просто некогда.

20 июня состоялось торжественное открытие XIX Международного фестиваля авторской песни «Парус надежды». По традиции, праздник начался ударом в колокол, который произвела юная любительница музыкального искусства. И полились песни и стихи со сцены, выступления гостей и лауреатов прошлых лет фестиваля. Вокруг царил душевная атмосфера, зрители подпевали и хлопали в такт, каждый чувствовал себя легко и непринуждённо. А вечером зажёгся Большой журфаковский костёр, собравший вокруг себя студентов и выпускников журфака ВГУ разных лет, а также всех заинтересованных. Песни и разговоры не смолкали до утра. А ночью небо осветилось вспышками праздничного салюта в ознаменование новых и прежних звёзд фестиваля, сияющих на сцене «Паруса надежды».

21 июня с самого утра начались занимательные мероприятия. Для детей были организованы «Лингвистическая бегалка» с Анной Болхоевой и творческая лаборатория с Натальей Дашковой. Экспозиция музея занимательных наук «Эйнштейниум» приглашала желающих посмотреть на чудеса науки и техники, в частности посидеть на стуле из гвоздей. Все неравнодушные к родному языку собрались на «Территории слова» с профессором филфака ВГУ Иосифом Стерниным, который отвечал на вопросы по лингвистике. По традиции, состоялась встреча учеников, коллег, друзей учёного и писателя Л.Л. Семаго.

Но, как, наверное, самое важное для многих приехавших на фестиваль, днём начались конкурсные прослушивания по номинациям: «Где вы, поэты?», «Авторы», «Исполнители», «Ансамбли». Компетентное жюри внимательно выслушивало всех, подавших заявки на участие, делая свои пометы и душевно беседуя о творчестве. В состав жюри в этом году вошли Владимир Туриянский (Москва) – председатель жюри, Александр Супрун (Запорожье), Анатолий Беляев (Москва), Виктор Батраченко (Воронеж). После прослушивания были определены участники, прошедшие во второй тур для выступления на концерте на сцене фестиваля. Этот день был самым дождливым. Ненастная погода пыталась сорвать и концерт участников, но он несмотря ни на что состоялся. Тёплое творчество конкурсантов согревало зрителей, которые очень жарко поддерживали всех выступающих без исключения. Новые таланты блистали со сцены, удивляя всех присутствующих мастерством и лиричностью. Затем мастер-класс на сцене показали лауреаты прошлых лет и гости фестиваля. А в 4 часа утра 22 июня, в День памяти и скорби, зажёгся большой Поминальный костёр, где исполнялись песни и стихи, посвящённые участникам Великой Отечественной войны.

Итоги фестиваля были подведены уже не на Большой поляне, а в зале ДК Железнодорожников г. Воронежа на заключительном концерте. Объявили победителей и вручили призы. В номинации «Автор» лауреатом стала Наталья Акимова, которая приехала на фестиваль из Липецка, а дипломантами в этой номинации названы Игорь Раймов и Олег Борисов. Лауреатом в номинации «Где вы, поэты?» стала Елена Селиванова, дипломами отмечены студентка ВГПУ Анастасия Кривошеева и автор данных строк (Эльвира Щербакова). Коллектив из Репьевки «Рапторы» стал дипломантом в номинации «Ансамбль». Замечательный дуэт сестёр Мартыновых из села Каширское никого не оставил равнодушным и был также отмечен жюри. А четырнадцатилетняя Ольга Зорина стала дипломантом в номинации «Исполнители». Специальный приз фестиваля памяти Леонида Семаго был присуждён Александру Солдатову из Боброва. Таковы итоги XIX Международного фестиваля «Парус Надежды». А в следующем году состоится юбилейный XX фестиваль, подготовка к которому начинается уже сейчас.

В эти же выходные в Рамони прошёл фестиваль авторской песни «Рамонский родник». Отгремели фестивали песнями, стихами, которые так любят на воронежской земле. А нам остаётся только творить и писать, чтобы снова выступить под «Парусом Надежды».

03.07.2014

Юрий ЛУБКИН

г. Москва

Поэт. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

40-летие БАМа шагает по стране

Очередной номер «Северо-Муйских огней» (№2 март-апрель 2014), как и предвиделось, почти полностью посвящён 40-летию БАМа. Действительно, эта стройка – событие века, которое вряд ли когда-нибудь будет вычеркнуто из памяти многих поколений наших людей. Об этом свидетельствуют и стихи многих поэтов, представленных в номере, боевито занявших сердцевину журнала, «в обнимку» с историческими фотоиллюстрациями и картинами художника Юрия Фролова, что сразу же определяет настрой и тематику поэтических строк. И, действительно – вместо бравура и хвalebности мы видим нечто другое. А именно: правду жизни, точнее, правду БАМа – ту правду, о которой порой не принято говорить, особенно при разных красивых датах. И здесь надо снять шляпу перед смелостью редакции.

Впрочем, вернёмся к самим стихам, особенно к тем, которые не могут оставить равнодушными тех, кто был участником поистине наших народных великих событий и достижений, а также тех, кто поверхностно знаком с БАМом и сейчас, надеюсь, желает получить более глубокую духовную информацию о событиях, связанных с этим грандиозным строительством века.

Открывает подборку Юрий Буров (Санкт-Петербург), проходчик ТО-11, поэт-бард. И с первых строк режет правду-матку:

*Ты вспомни друг дни первого десанта:
Стояла долгая холодная зима,
Шли вездеходы, как в колоннах танки.
И нам с тобою было не до сна.*

Во втором стихотворении, посвящённом друзьям, которых уже нет в живых, эта правда окончательно берёт за живое. А как иначе:

*Моя гитара не поёт, а плачет.
И три моих аккорда не берёт.
Всё ходим мы под смертью и удачей,
Не знаем только, чья из них возьмёт.*

В стихотворении «Кессон», подробно-профессиональном, есть замечательный образ:

*А за спиной отчаянных ребят
Встаёт тоннель и матушка Расея.*

И в заключительном стихотворении подборки Юрия Булова есть такие строчки:

*Много песен пропето, много в мире дорог.
Но а наша с тобой – из бетона и стали.*

Здесь не соглашусь с автором: – Ваши песни – из правды и крика души!

Елизавета Бильтрикова (Улан-Удэ) удивила и порадовала прекрасным лирическим «Другу по БАМу, по судьбам» – очень чётким по своей сюжетной линии, с великолепной антитезой – находкой: «Бальзама иль яда из чаши? Падение иль Эверест?».

Юрий Аникин (Калининград) ещё раз подтверждает, что «БАМ по-прежнему в сердце живёт». И, как бы подводя итог своей хорошей подборке, венчает её замечательным наблюдением:

*Здесь сибирским калёная холодом,
Снова полная дерзких идей,
Мне уже незнакомая молодость
Устремляется в завтрашний день.*

В интересной подборке Валентина Кривчикова (Северомуйск), в стихотворении «Обелиск» выделяется и сразу же бросается в глаза нешаблонный образ:

*Шары гранитные, как ядра, тут лежат,
Как символ боя или сечи лютой...
Проходчик ни один не отступил назад,
Никто перед разломами не струсил.*

Браво!

Анатолий Пугаченков (Таксимо) отважился посвятить оду строителям БАМа, подкрепив её исторически-правдивой фактурой. Ода получилась «на славу», хотя философские заключения автора, возможно, кому-то покажутся спорными. Бесспорно одно: ода удачна, неожиданно смела и крепка! Остальные поэты в основном представлены по одному стихотворению. Но и среди них есть интересные мысли и находки.

Татьяна Логинова (Северомуйск): «Даурская сирень» – прекрасная чистая песня! Надеюсь, не придётся долго ждать композитора!

Также хороши песни Татьяны Шаманской (Таксимо) «Северомуйский тоннель», Петра Лосева «Огонёк», Евгения Авдеева (Нижнеангарск) «Гимн Бамовских династий».

Евгений Куменко (Иркутск) делится яркой находкой: «*Но жизнь пестра, как селезень весною.*»
Красиво!

Виталий Кузнецов (Северомуйск) поэтически рассказывает историю жизни Северомуйской долины, с её преображением из «Долины Смерти» в «Долину Жизни». Очень мощная баллада, которая впечатляет замыслом и исполнением! Прочитал уже несколько раз и другим советую прочитать.

Олег Чистяков (Северомуйск) в отрывке из поэмы «Разбуженный край» последней строфой воспекает Великий трудовой подвиг строителей:

*Видит проезжий сполох зари,
Кто это создал? Богатыри?
И старожил отвечать ему рад:
Северомуйский тоннельный отряд!*

Сильно и смело!

Во втором своём стихотворении Олег Чистяков восхищает строфой:

*Время гражданской войны ветром хмурым
Вымело след заграничных акул,
Вырос скалой Комсомольск-на-Амуре
В скрипе зубов и обветренных скул.*

Великолепный образ!

Галина Феськова (Таксимо) верно подмечает: «*В наших душах чего-то нет*», «*А душа в наше время не в моде*».

Но подборка стихов нас ободряет – не всё ещё потеряно!

Стихи Татьяны Кухарской завораживают своей лирикой и грустинкой, являя нам жемчужинку:

*Жизнь, как лето Севера, промелькнула бабочкой.
Одарила внуками, выбелив виски.
Девочка уральская уже стала бабушкой.
И на память в сердце родились стихи.*

Олег Головки (Северобайкальск) за себя и за многих своих земляков как бы даёт клятву верности родному краю:

*Здесь души моей корень и ствол,
Здесь для слуха и глаз благодать.
Если путь и бывает тяжёл,
То иного не надо желать.*

Очень сильно!

И, как бы подытоживая всё вышесказанное и несказанное, Александр Кобелев (Новонкутск) пророчески заявляет:

*И снова тронут наши души
"Северо-Муйские огни".*

Действительно, тронула душу подборка. Спасибо всем! Извините, кого не отметил. Дерзайте, и придёт и Ваш час!

С уважением, Юрий Лубкин.

История земель сибирской

От редакции.

Дорогие друзья, уважаемые читатели «Северо-Муйских огней», в предыдущих номерах нашего журнала (№42-2013, №1(43)-2014) мы начали первую в литературной истории Восточной Сибири публикацию материалов готовящейся к изданию книги Октября Михайловича Леонова «ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ РАЗДУМИЙ».

Всем, кто живёт в духовном притяжении к Сибири, к её истории, к необозримым просторам русской северной земли, предлагаем продолжить незабываемые минуты путешествия по страницам путевых заметок легендарного иркутского историка, журналиста и писателя, долгое время жившего в городе Братск и посвятившего свою жизнь изучению и сохранению истории земли сибирской.

В октябре 2014 года О. М. Леонову исполнилось бы 90 лет...

Октябрь ЛЕОНОВ

Полторы тысячи километров раздумий

Путевые заметки (продолжение, начало в №42-2013, №1(43)-2014)

Необъятная Земля... Но в ней нет ничего,
если вы ничего не заметите.

«Двое среди белого безмолвия»

«Первая высокоширотная радиогазетная экспедиция» – так и в шутку, и всерьёз называли себя в пути журналисты из Анадыря Октябрь Леонов и Альберт Мифтахутдинов.

Вдвоём на собачьей упряжке они в апреле выехали из Уэлена и через 48 дней достигли мыса Шмидта. Преодолено более 1200 километров по просторам Заполярья.

По дороге журналисты побывали в колхозах, останавливались у пастухов оленьих стад... Наблюдения, сделанные в походе, тысячи строк в блокнотах послужат материалом для очерков и рассказов о мужественных людях Севера».

«Магаданский Комсомолец», № 68 /727/, 3 июля 1962 года, воскресенье.

Переход шестой

- С Тынечейвыным беда...
- Тынечейвын на последнем месте...
- Тынечейвын собирается бежать из тундры...

Такие слухи несло тундровое эхо, начиная с самого Уэлена. И мы тревожились за нашего хорошего друга, бригадира оленеводов нешканского колхоза «Полярник», делегата XXII съезда партии Валерия Тынечейвына. Поэтому не стали задерживаться долго в Энурмино: до Нешкана оставался один переход. Упряжки вели старик Кайкак, отец Росхинома, и молодая флегматичная чукчанка Эунеут. Причём на этот раз женщина-каюр была у меня.

– Хороших собак запрягай, Кайкак, – говорил накануне Мифтов, – нам надо быстро быть в Нешкане.

– И-и-и... – расплываясь в улыбке, отвечал добродушный старик, – собаки – нымелькин, дорога – немалькин... Быстро будем Нескан...

В утро нашего отъезда собирались хоронить старуху Этлену, соседку Кайкака. Она уже лежала в гробу, одетая в нарядный, расшитый бисером и разноцветными кусочками оленьей шкуры керкер. Старший сын её Тынумкын пристраивал в изголовье... электрическую швейную машину «Тула».

– Кайкак! Зачем это?

– Хорошая мастерица была Этлена, – ответил старик, – пойдёт к верхним людям – скучно будет без машинки... Так велела.

– А есть у верхних людей электричество?

Озадаченный старик помолчал, дымя трубкой.

– Ко-о... Наверное, есть... Если колхоз есть – электричество тоже есть.

– А если нет там колхоза? – донимали мы его.

– Как так, нет? – рассердился Кайкак. – Сколько туда колхозников ушло? А Бен Волл, думаешь, допустит, чтобы колхоза не было? Да и люди не захотят теперь без колхоза!.. А испортится электростанция, машинку рукой крутить можно!

Окончательно посрамлённые, мы замолчали.

Хорошо накатанная тропа почти прямой линией вытянулась вдоль низменного берега. Справа – ровная снеговая гладь моря, слева – такая же гладь тундры, спереди – бело, сзади – тоже. Глазу не на чем отдохнуть, зато собаки бегут быстро, всё дальше унося нас от Энурмино.

Примерно на середине пути из-за небольшого мыска выскочили две упряжки. Собаки, словно обрадовавшись встрече, рванули и понесли так, что ветер засвистел в ушах. Каюры не успели

затормозить, и – рычит, визжит, лает мохнатый клубок из полусотни псов... Перепутались потяги, алыки...

– Смешались в кучу псы и люди, и визг, и рык собачьих глоток слился в протяжный вой, – перефразировал Лермонтова Мифтов, меланхолично растаскивая собак.

Минут десять мы наводили порядок, и только когда собаки улеглись на снегу, зализывая раны и ещё ворча, мы смогли поздороваться. Это был Росхиرو, уже возвращавшийся из Нешкана с грузом моржового мяса, и...

– Алька! – зазвенел в морозном воздухе девичий голос.

– Светка! – тенорком пропел Мифтов, и две закутанные в меха фигуры бросились обниматься.

Это была Светлана Костюкова, секретарь Чукотского райкома комсомола, возвращавшаяся в Лаврентия. Я сделал пару «компрометирующих» снимков, полюбовался Светланой: высокая, раскрасневшаяся, она, заразительно хохоча, что-то говорила Мифтову, – подошёл к ним и прогнусавил чеховским злым мальчиком:

– А я скажу-у-у.... А я скажу-у-у...

– Ой, не надо! – притворно-испуганно воскликнула Светлана.

– Слушай, Стариу, – зловеще произнёс Мифтов, – если ты раскроешь тайну нашей страсти... я... я натравлю на тебя сорок восемь этих церберов и... даже похоронить будет нечего!

За олениной и чаем Светлана рассказала нам главные нешканские новости.

– А что с Валерием? – спросил Мифтов.

– Плохо у него, ребята... Не ладится что-то. Не получается. С ним мне не удалось встретиться, а в колхозе разное говорят... Ну, да вы сами услышите. Кстати, к нему поехал Тебетов, Николай Васильевич, завотделом пропаганды райкома партии. Он разберётся.

Слова прощания, пожелания удачи... и наши упряжки снова бегут к Нешкану, к Валерию.

В пути хорошо думается. Ровно бегут собаки, чуть покачиваются нарты, и только скрип полозьев да редкие покрики каюров нарушают тишину...

Нешкан.

Усталые, мы вваливаемся в правление. Сбрасываем рюкзаки кухлянки. Входит улыбающийся, загорелый до черноты Николай Васильевич Тебетов.

– Привет, скитальцы! Какими судьбами?

– Ясно, какими... Журналистскими. Привет! Ну, что тут новенького?

– Ничего особенного. Вчера вернулся из тундры.

– Как дела у Тынечейвына? Мы ведь к нему тоже собираемся.

Тебетов насупился:

– Напрасно... Плохо у него. На последнем месте бригада. Потери большие – столько же, сколько во всех остальных восьми бригадах...

– Не может быть!

– Что я не знаю, что говорю?

– Как же так?

– А вот так... Так что нечего вам там делать. Валерия вы в стойбище не застанете: всё время пропадает в маточном стаде. Был там и председатель колхоза, и секретарь окружкома с секретарем обкома прилетали. Не нашли его...

– Ничего. Найдём.

– Поймите же, нет смысла ехать вам в бригаду! Он сам скоро здесь будет.

– Почему?

– Во-первых, скоро Первое мая. А какой дурак будет в праздник сидеть в тундре? А во-вторых, райком принял решение направить Тынечейвына на учёбу...

– Как так?!

– Да. Во Владивосток. В совпартшколу.

– Но это их политический ляп! – взорвался Мифтов. – Что скажут пастухи? Все колхозники? Дезертиром назовут его!

– Не назовут. Так надо. Дела в бригаде идут из рук вон плохо, и мы просто угробим Тынечейвына, если оставим в тундре. Лучше уехать ему сейчас, поучиться. Надо же растить местные кадры! А из него неплохой партийный работник получается. Мы же ему плохого не пожелаем.

– Но...

– Собственно, чего разглагольствовать вокруг этого вопроса? Вот журналистская привычка! Есть мнение райкома. Окружком поддерживает.

– Не может быть... Не может Валерий в такое трудное время бросить бригаду! Вы с ним-то говорили?

– Что ж вы думаете, насилуем мы его, что ли? «Не может...», – обиделся Тебетов. Потом вытащил из папки вчетверо сложенный лист бумаги и протянул нам:

«Бюро Чукотского райкома КПСС. Заявление. Прошу направить меня на учёбу в совпартшколу. В. Тынечейвын».

– Ясно? – довольно улыбаясь, произнёс Тебетов.

Ясно? Нет, не ясно. Не верим! Не может Валерий дезертировать. Ведь он – коммунист. Делегат партийного съезда. И какого съезда. И какого съезда! Того, что влил в сердца всех советских людей великую энергию, направил её на достижение мечты сотен поколений! Нет, не может!.. Однако, вот оно – заявление. Тут что-то не так...

Председателя колхоза Демидова нет. Он в тундре. Должен быть к Первому Мая. Ждём его, ждём Тынечейвына. Тебетов улетел, увёз заявление... Узнаём подробности.

Действительно, пятая бригада занимает по сохранению поголовья одно из последних мест в колхозе. Если у Каляю за первый квартал потери составили три сотых процента, то у Валерия – около пятнадцати процентов. В бригаде развал. Дисциплины никакой. Тынечейвын пишет письма: в правление, в райком партии, в окружком...

Письмо в окружной комитет партии было опубликовано в газете «Советская Чукотка». Мы читали его и гордились Валерием: много важных вопросов поднял он. Тут и рациональное использование пастбищных угодий, и полное удовлетворение растущих культурно-бытовых запросов тундровиков, и оплата труда пастухов, и организация труда в бригадах, и конкретные нужды.

В нём не было ничего такого, что вызывало бы тревогу. Правда, настораживало одно место. Вот это: *«Четыре дня мы с Вакатто воевали с пургой, а вышло солнышко – увидели, что часть оленей откололась. Сразу бросились на поиски. К счастью, животных удалось быстро собрать. Теперь бы обсушиться и отдохнуть. Устали так, что кожа, стёртая мокрыми от пота штанами, слезла с ног. Но как обсушиться, если керосин в бригаду не завезли, а от жирника, заправленного жиром, толк не велик. Так ещё несколько дней ходили на дежурство в мокрых брюках и кухлянках. Холодно. А что поделаешь? Всё это кое-кому может показаться мелочами, но для тундровика они существенны».*

Что-то не понравилось нам в интонациях этого абзаца... Но и в этом же письме бригадир заверил, что пастухи бригады справятся со своими обязательствами. Это письмо было в феврале 1962 года.

А вот письмо правлению колхоза от 6 марта: *«Сообщаю о крайне тяжёлом положении в бригаде №5. В конце февраля стадо разогнали волки и затравили сорок голов. Целые сутки стадо бегало. От истощения пали два кляпучевка, один наупечве, у двух важенок выкидыши. Корма в тундре очень мало. Голод. На маленьких кусках открытых пастбищ стадо держать невозможно: треть оленей не пасётся – негде. Часть наших пастбищ занята эмменскими бригадами Гиункеу, Рахтылькота, Еттылина. Просим направить срочно на части. Иначе останемся без телят. Направляйте всех, кого можно, из партийного, комсомольского, советского актива. Очень обидно, что много труда вкладываем, а одним мигом халатности губим стадо. Я ещё весной прошлого года обращался с предложением о переукомплектовании бригады, но увы... Вы посмотрите движение количества оленей в нашей бригаде по месяцам и увидите, в какие месяцы больше отходов. Как раз тогда, когда я отлучался, начинался падёж. И в результате мой почин превращается в пустой звук. Куда бы я ни обращался – в колхоз, в район – толку маловато. Лишь только здоровье себе порчу. Мы в последнюю пургу ели всё холодное, мёрзлое, кое-как кипятили чай. Вы скажете опять: не может быть! Но это так».*

Письмо от 7 апреля: *«В бригаде худо. Корма нет. Гололёд. Провиденцы ещё с февраля заняли наше отельное пастбище в районе горы Кучвэм. Мы оказались в трудном положении. Стада разбила на части, чтобы легче кормить было. Нам необходимо срочно: керосин, тёмные очки (очень болят глаза) и срочно нужен фельдшер. Юра Еттыгин заболел, в стадо ходить не может. У меня в желудке усиливается боль. Ракрыля задержал – искали корм...».*

Письмо от 15 апреля: *«Дела в бригаде, кажется, налаживаются. Отёл идёт, но есть выкидыши и мертворожденные. Часть потерявшихся оленей нашли в бригаде Аляна из Лорино. Он хотел скрыть их. Это нечестно! Мы летом прошлого года и на пастбища свои их пустили, и оленей помогали искать. А сейчас Алян присвоил чужих оленей и молчал. Он опозорился перед всеми оленеводами. Бригада оказалась в беде во время моего отсутствия, а соседи даже не соизволили проведать наших...».*

Возвратился из тундры Демидов. Узнал о заявлении Тынечейвына, вскипел:

– Какого чёрта этому вашему Тынечейвыну надо?! Всё пишет и пишет... В окружком, в райком, туда... сюда... Всё жалуется! А чем его условия хуже? У других тоже и гололёд, и к концу зимовки керосину не было – не плакали... Людей мало? Да у него в бригаде пятнадцать человек! Где ещё такая бригада есть? А оленей растерял, волкам скормил... Дисциплину развалил... Теперь, конечно! На учёбу!.. Бежит ваш Тынечейвын. Струсил!.. Ну где, я вас спрашиваю, где я буду бригадира брать? Кого ставить? Может, Кергына снова, а?

– Да подожди, Александр Иванович... Ведь не решено ещё ничего.

– Какое там – не решено! Уж если райком и окружком взялись, значит решено... Нехорошо только так-то... без ведома правления. Был же я у Тынечейвына, правда, его не видел, но никто и не сказал. Тайком всё...

И прав, и не прав Демидов. Надо во что бы то ни стало разобраться в этом деле.

– Вот что, Александр Иванович... Мы поедем к Тынечейвыну и узнаем, в чём дело. А вы, пока не вернёмся, не предпринимайте ничего. Добро?

– Ладно, – махнул рукой Демидов.

Тоскливым был праздник... Как ни старался развеселить нас Константин Фёдорович Бакулин, вместе с которым мы жили, настроение было препоганейшим... Каждое утро мы ходили по домам и уговаривали каюров ехать. Никто не хотел. Мы мрачнели и грызлись с Мифтовым из-за каждого пустяка...

В таком-то вот состоянии мы пришли к исходу третьего дня праздника к пожилому каюру по имени Лили. Весёлый человек – Лили...

- Послушай, Лили! Мы хотим сегодня выехать в бригаду Тынечейвына.
- Ладно. Подожди. Попей чаю.
- Лили, говорят люди, ты – компас. Тебя зовут: «Хороший компас – Лили»!
- У нас любят шутить. Шутка, как чай, нымелькин... А настоящий компас – Ракуль.
- Вот и отлично! Нам нужны две нарты. Едем сегодня. Хорошо?
- Хорошо. Едем. Завтра.
- Когда завтра?
- Рано-рано. После обеда.

Зачем спорить с весёлым человеком? И мы сидим. Устанавливаем рекорды по чаепитию. Беседуем о Валерии Тынечейвыне. Печь весело гудит, закопчённый тундровый чайник демонстрирует своё главнейшее достоинство: он бездонен и весело посвистывает, совсем как каюр Лили...

Ночь проходит почти без сна. Эх, Валерий, Валерий...

Наутро Демидов уехал в Тойгунен, а мы стали собираться в путь по бригадам. Решаем последние дела в правлении. Майнрентыргин, заместитель Демидова, говорит:

– Вот телеграмма: «СООТВЕТСТВИИ РЕШЕНИЕМ БЮРО РАЙКОМПАТА НЕМЕДЛЕННО НАПРАВЬТЕ ТЫНЕЧЕЙВЫНА СДАЧУ ЭКЗАМЕНОВ УЧЕБУ ТЧК РАЙКОМПАТ КАЛЯ». Вы у него будете. Скажите – пусть едет.

Белый кудрявый комок, почти сливаясь с настом, быстро перебирает короткими толстыми лапами в бешеном беге за нартами. Красный лоскуток языка болтается в раскрытой пасти. Чёрные бусинки глаз умоляют: «Подождите же!». Щенок. Проклятый щенок! Он увязался с нами от самого Нешкана, и его неумолкающий ни на минуту звенящий лай иголками впивался в мозг первые десять или пятнадцать километров. Эти иголки разламывали голову на части, а она и так разламывалась от дум...

Эх, Валерий, Валерий! И только когда в порыве щенячьей прыти этот маленький злой дух выскочил вперёд упряжки, был сбит набежавшими собаками и вдавлен в снег полозом нарты, он умолк и бежал сзади, умоляя бусинками глаз: «Подождите же! Куда вы так торопитесь?»

А мы торопились. Нам дорог был каждый час. Там, в Нешкане, осталась телеграмма, санкционировавшая бегство Тынечейвына из тундры. Мы везли ему эту весть и не верили: «Не может быть... Не может быть! А впрочем – чем чёрт не шутит... Эх, Валерий, Валерий!»

И мы спешили. Мы радовались, когда упряжки стремительно неслись под уклон. Мы тащили нарты на бесчисленные увалы между лагуной Нескан-Пильхын и Колючинской губой. Мы до минимума сокращали чаёвки. Лили, весёлый каюр Лили, мрачнел:

– Этке... Зачем так быстро? Собачки устанут. Лапы побьют. Совсем сидеть будем в тундре... Этке!

– Ничего, Лили, – отвечали мы, – собачки хорошо отдохнули в Нешкане. Они хорошо отдохнут в стойбище Тынечейвына. Татам, Лили!

Ракуль молчал и гнал собак:

– Рай-рай-рай-ко-ра-ат... Рай-рай-рай-рыкокальгин... Рай-рай-рай-и...

Двадцать часов хода. Две чаёвки. На двести с лишним километров протянулся за нами нартовый след от Нешкана к южному концу Колючинской губы. Где-то снова пересекли Северный полярный круг. Ночь и день в пути. Под вечер запуржило, кисеей затянуло дальние сопки по правому берегу Ионивеема...

– Ме-е-й! – раздался крик Лили. – Яранги!!!

Он стоял на коленях на нарте и показывал влево на сопки: там, у подножья одной из них чуть различались три сероватых пятнышка. Вдруг над ними вспыхнула и стала медленно падать красная звёздочка... Вторая... Третья! Ракеты! Собаки завывали и понесли нарты на эти звёздочки...

– Хороший компас – Лили! – довольно говорил Лили.

– Рай-рай-рай-яра-ат! – покрикивал Ракуль, хотя псы и не нуждались в этом. Они сами знали, что эти красные падающие огоньки означают конец изнурительного пути, означают кормёжку и отдых. Заслуженный отдых.

А мы... мы не знали, что ждёт нас там... Эх, Валерий, Валерий...

Вот и всё. И ты становишься полноправным членом дружной семьи. Для тебя уже стоит на примусе чайник. Для тебя варится мясо, режется строганина и разбиваются мозговые кости. Для тебя, уставшего после долгого пути, выбиваются шкуры полога. И пока ты не поешь и не отдохнёшь, никто не будет приставать с расспросами и разговорами.

В стойбище Тынечейвына – три яранги у подножья горы Выйверем в устье распадка – нас встретил пьяный гомон.

– Я – Тынано, старший пастух, – еле выговорил высокий человек, покачиваясь. Ещё один, протянул руку:

– Ляутепин, строитель... Помогаю Тынечейвыну. Зачем к нам приехали? Вино привезли?

Подожёл Ракуль. Он сердито сказал что-то Тынано и Ляутепину, и те умолкли. Ракуль открыл в улыбке гнилые прокуренные зубы и показал на вход в ярангу, откуда валил сизый едучий дым...

– Тыноургин! Куку! Принимайте гостей!

– Етти... О-етти!

– И-и-и...

За ужином в ярангу вошел Тынано. Сел. Молча курил.

– Тынечейвын здесь?

– Уйна...

– А где он?

– В маточном стаде.

– Давно?

– Пять дней.

– А почему в стойбище такое веселье?

Молчит Тынано. Дымит трубкой... Говорит Лили:

– Так праздник, однако Первое мая...

– Какое же первое, когда сегодня – четвёртое?

– В тундру праздник долго идет... А может, бражка осталась, – усмехнулся Лили.

Весёлый человек, Лили... Н-да-а...

– Тынано, когда можно будет поехать в Тынечейвыну?

– Сегодня ночью Анек подгонит сюда печвеков. Утром поедет с Вакатто сменять Тынечейвына и Ринтыкымына...

Утро обернулось следующей полночью.

Тынечейвын тщательно выколотил снег из меховых брюк и торбазов, отряхнул камлейку и, войдя в палатку, тяжело опустился на корточки возле примуса. Вскоре загудело синее пламя, жадно облизывая дно закопчённого чайника. Валерий стянул с ног размокшие торбаза и потянулся за другими, что висели в связках на стенах палатки.

– А, чёрт! Ни одной сухой пары нет...

Посидел, шевеля распаренными пальцами ног, потом дёрнул за кукуль, в котором спал Ринтыкымын. Тот открыл глаза:

– Приехали?

– Нет. Иди подежурь. Устал я... Четыре важенки отелились. Телята хорошие... Смотри, ещё должны телиться сегодня... Торбазов сухих нет. Чижей тоже...

– Чижи я подвысушил: солдатская привычка! – весело ответил Ринтыкымын, вылезая из кукуля и одеваясь. – Потерплю сегодня. Только... почему не идут сменять нас? Может, умерли все, а?

Тынечейвын молчал, а про себя думал. Наверное, ошибку сделал, что ушёл на праздник в стадо, оставил стойбище на Тынано... Только и важенок нельзя было Тынано доверить: отёл. Смотреть в оба надо, а Тынано перед праздником бражку заварил...

– Пей чай и иди... Смотри, мести начинается... Будь внимательней.

– Ладно уж, – улыбнулся Ринтыкымын, – сам знаю... Слушай, бригадир! Может, разгоним этих бездельников. Останемся – ты, я, Вакатто, Анек, Еттыгни. А? Больше порядка будет!

– Давай, давай – иди... Советчик...

Ринтыкымын отставил кружку, положил в сумку кусок холодной оленины, повесил на шею бинокль, закинул за плечо чаат, взял карабин и вышел.

Тынечейвын с наслаждением прихлебывал с блюдечка чай, думал.

Что же делать? Пропадает всё... Когда это было видано, чтобы по пять суток пастухи не меняли товарищей? Разогнать лентяев? Без правления нельзя, а правление молчит. Год молчит... Эх, проездил я, просовещался! Тынано... Думал, помощником будет, а он... Старики всё мутят... Чем я им не понравился? Не обижаю, работы трудной не даю. А, ладно! Как-нибудь до осени потерплю, а там – Владивосток, тёплое море, электричество, кино, театры... Светлая комната, бельё чистое... Нымелькин! Ме-е-е-й... Э, Тынечейвын, неладно получается. Неладно... Что пастухи скажут? Старик ехидничать станет: выгнала тундра коммуниста. Да-а-а...

Долго сидел Валерий. Уже остыл чайник. Ночь пришла, тихонько вползла в палатку... Тынечейвын зажёл свечу, взял примус, поднёс его к уху, поболтал. Чуть плеснулось на дне. Толкнул ногой канистру, пустая. Встал, морщась, с трудом натянул мокрые чужи, торбаза и, захватив чаат, вышел из палатки. Поймал приученного к нартам быка, второго – неуча: пускай привыкает. Запряг быков в нарту, крикнул Ринтыкымыну:

– Я поеду за сменой. Ты смотри тут...

Отвязал нарту, и зажужжал тыны над спинами оленей.

Скоро чёрная точка скрылась в снежной дымке.

Итак, в следующую полночь две беговые олени нарты были снаряжены, чтобы ехать в маточное стадо. Теперь я, прошу извинить меня, оставляю на время основное повествование, чтобы рассказать, что такое романтическая прогулка на оленях по тундре.

Сначала о нарте. Представьте себе сооружение метров двух длины, связанное ремешками из палочек толщиной... ну, в большой палец, кроме полозьев, имеющих ширину ладони. Полозья и сиденье соединены обломками оленьих рогов арочной формы – копыльями. Сиденье – шириной в полметра и длиной в метр, возвышается над полозьями сантиметров на тридцать. На нём еле умещаются два человека в довольно-таки громоздкой меховой одежде. Практически – сидишь, подняв колени к подбородку. Попробуйте посидеть в таком положении пять минут. А десять?.. А час? Ну, попробуйте!.. Нам предстояло ехать около четырёх часов...

Олени бегут со скоростью 10-15 километров в час. По ровной, как стол, тундре – это, конечно, удовольствие. Но тундра, почему-то не похожа на стол: нарта переваливается с боку на бок, подпрыгивает, качается... И нужно, сохраняя неподвижное положение, ухитриться не упасть. Уже через несколько минут чувствуешь, как кто-то, бессмысленно жестокий, начинает вколачивать тебе в позвоночник здоровенный кол. Напрасно ты уверяешь это жестокое существо, что ты не вурдалак и ничьей крови не жаждешь – кол вбивается всё дальше... Пошевелишься – нарта проваливается одним полозом в снег, угрожающе кренится, ты судорожно хватаешься за каюра, а он презрительно-негодующе оглядывается. И снова кол врезается до тех пор, пока накрепко не приколачивает тебя к нарте... Каюр же – хоть бы что! Положив ноги на передок и держа левой рукой ременные вожжи, непрерывно вращает правой, в которой зажат тыны. Костяной наконечник тыны, сделанный из моржового зуба, всё время летает на длинном гибком пруте над спинами оленей, жужжа, как овод, и изредка с силой бьёт их по задним ногам. И олени – глупые олени! – не соображая, что зимой оводов не бывает, раскрыв рты и вывалив фиолетовые языки, бегут, как оглашённые, закидывая седоков ошметками снега, спрессованного их щёлкающими копытами... И ветер свистит в лицо, только это не тот ветер, что овеивает лицо, разгорячённое романтической болтовней в уютной гостинной. Он – острый, который несёт жгучие крупинки позёмки и проникает сквозь малейшую щель кухлянки... А когда окончен путь, ты не можешь самостоятельно встать с нарты и с ужасом понимаешь, что обречён отныне ходить, задрав колени к подбородку... Вот что такое прогулка на оленях по тундре. Я бы... Впрочем, кто знает... Может быть, ещё и ещё поехал...

После двух часов пути, когда я совершенно перестал ощущать своё тело, впереди мы увидели чёрное пятно. Нарты остановились. Олени, опустив рогатые головы и не боясь заработать ангину, жадно хватили снег. Анек и Вакатто, пока я со стоном пытался принять свойственное человеку вертикальное положение, сошлись вместе и говорили:

- Ринтыкымын?
- Ко-о... Тынечейвын?
- Тынечейвын!

И, правда, это был он, Валерий.

- Здравствуй, Валерий!
- Здравствуй... Кто это?
- Не узнаёшь?
- А-а друг! Етти... О-етти!
- И-и-и...
- Как здесь?
- К тебе в гости.
- Немелькин!

Валерий был без малахая. Чёрные волосы заиндевели.

– Понимаешь, какой упрямый бык попался! Не хочет идти в упряжке. Ничего – обломаю! Он думает, что упрямее меня, – и широко улыбнулся своей белозубой улыбкой.

- Ну, как дела, Валерий?
- Э-э-э... Ты чаевал?
- Да...

- А я – нет. И с тобой – нет. Зачем так быстро спрашиваешь? Кто среди тундры разговаривает?
- Прости, Валерий... Очень хотел тебя видеть, спросить...

– Старик Ракыль как говорит? Зачем спешить в важном деле? Столько проехал – немного подождёшь... Анек! Вакатто! Керосин взяли! Хорошо. Пусть Ринтыкым едет отдыхать.

В четыре утра собаки в стойбище подняли вой, увидев нашу упряжку. А ещё через полчаса мы уже сидели в чоттыгыне у костерка. Валерий с жадностью уплетал горячее мясо с чёрствым хлебом, который мы привезли: «Соскучился, понимаешь, по хлебу...».

Потом, обжигаясь, мы пили горячий чай, приготовленный старухой Куки, и только потом, когда, разделись и влезли в душную теплоту полога, начался разговор. О новостях. Общих знакомых. О том, о сём. Наконец, Мифтов не выдержал:

- Ну, хватит о пустяках! Ты скажи нам, Валерий, всерьёз собрался драпать из тундры?

Помолчал Валерий.

– Зачем – драпать? Учиться надо... Вот немного подтяну бригаду и поеду. А потом – вольный я. Желудок болит. Лечиться надо...

– Э-эх, – горько выдохнул Мифтов, – что же ты сделаешь за это время? Ведь всё равно не успеешь вытянуть бригаду! А что обещал? Помнишь!?

Мы говорили долго и, может быть, сбивчиво, но говорили откровенно, от души... Припомнили его выступления, наши разговоры, когда он ехал со съезда... Сейчас мне думается – много лишних резкостей было сказано... Валерий молча курил. Потом тихо произнёс:

– Зачем кричите? Не глухой я... Да и не сейчас еду.

– Нет, сейчас должен ехать.

– Как?! – привстал на шкурах Валерий.

– Так. Телеграмма от Каля есть. Велено тебе немедленно сдать бригаду и ехать.

– Как же так... быстро...

Мы молчали. Молчал Тынечейвын. Молчала тундра. Она ждала ответ бригадира... Валерий встал, вынул затычку из отдушины полога.

– Накурили-то как... Давайте спать.

Что ж, отдохай, Валерий Тынечейвын. Отдыхай... А потом – думай. Думай, Валерий! Тебе решать, что скажет твоя совесть коммуниста.

Проснулись мы поздно, часов в одиннадцать. Валерия в пологе не было. Его голос доносился из чоттагына... Там собрались пастухи. Сидели на корточках, курили, слушали, что говорил им бригадир. Он, осунувшийся, с покрасневшими глазами, говорил что-то по-чукотски. Тынано посасывал трубочку, иногда на губах его появлялась чуть заметная усмешка... О чём говорил Тынечейвын? Прощался с бригадой? Давал очередное задание? Попытался объяснить своё решение? Какое? Вот когда мы кляли себя за плохое знание языка! Ладно, подождём.

Бригадир кончил говорить. Пастухи поднялись и ушли. Тынано у выхода оглянулся и снова усмехнулся. Ракыль положил руку на плечо Тынечейвына и слегка пожал его...

– Доброе утро! Долго спите, тундровики, – приветствовал нас Валерий, – давайте завтракать.

Куки, то и дело обсасывая пальцы, скребла ногтями почерневшее деревянное блюдо, на котором режут и подают вареное мясо. На блюде оставались светлые полосы... Тынечейвын перехватил наши взгляды, усмехнулся грустно, снял с одного из фанерных ящиков крышку и протянул старухе:

– Сюда клади мясо...

Молча позавтракали. Вышли из яранги. В распадке пастухи окружили стадо почвеков. Со свистом взлетали чааты. Олени скопом шарахались в сторону, глухо шлёпали копытами по расквашенному снегу, стараясь прорваться сквозь кольцо пастухов, а два или три рогача крутились на месте, схваченные крепкими ременными путами. Их быстро валили на землю, на несколько минут склонялись над ними, и олени, освобождённые от пут, обиженно хоркая, бежали к стаду.

– Кастрируют, – ответил Валерий на наш безмолвный вопрос, – и личинок овода выдавливают.

Потом мы стояли в цепи и орали на оленей, а Тынечейвын орудовал чаатом. Когда выпадала свободная минута, мы любовались Валерием. Вот он стоит, свободно держа свёрнутый чаат в правой руке. Несколько быстрых взмахов над головой... Петля летит в стадо... Матёрый бык рвётся, опустив, рогатую голову к земле или закинув её на спину... Ноги Тынечейвына упёрлись в снег, тело выгнулось и напряглось. Рывок! – и олень на коленях, а то и сразу тяжело падает на бок. Подбегают пастухи, прижимают его к земле...

Часа через два, усталый и разгорячённый, Валерий отпускает пастухов. Мы садимся на нарту. Закуриваем.

– Когда едете?

– Думаем, в ночь сегодня.

– Куда дальше?

– К Чейвынкеву, Вальтагину – и в Нешкан.

– Так-ак...

Снова молчим. Потом Валерий тихо начинает говорить:

– Знаю, ответа ждёте... Да-а... Вот, ведь какое дело... Не спал я, думал... Трудно мне, друзья! Тяжело... Знал, что трудно будет, но что так – не представлял. Я работы не боюсь! Вы не думайте... Но, видите, что в бригаде делается? Анек трое суток с печвеками один ходил. Потерял 22 головы, задремал, видно. Искать надо. Мы с Ринтыкымом пять суток без смены... А почему? Бригада на последнем месте выходит... А почему? Наверное, негодный я бригадир, а? Может, так и сказать?... Пошёл я в бригаду с открытой душой, с большим желанием, думал: новые порядки заведу, к культуре приучать буду. Стал чистоту требовать – старики заворчали: шибко русским стал Тынечейвын, а то, что русским в домах хорошо – в тундре не годится. Начал своё гнуть – откочнулись старики. А у нас, знаете как: слово старшего – закон, хоть бы и плохой... Тынано на что сначала помощником был, теперь – что бы ни спросил, один ответ: ко-о-о... Много в бригаде народу: три яранги, пятнадцать человек! А работают? Анек, Энлё, Ринтыкымын, Вакатто да я. Тыноургин – старый, редко на дежурство ходит. Еттыгин – больной, после аппендицита шов разошёлся. Остальные бражничают и других с пути сбивают... Пока меня не было, заседал пока, оленей растеряли. Да и при мне... В марте сто двадцать шесть голов потеряли в тундре, вот какое дело... А тут Тебетов приехал. Посмотрел, посмотрел... Он целую неделю здесь был, стадо помогал разбивать, не то что другие командированные... Говорили мы с ним по душам, он и посоветовал: пиши, говорит, заявление, райком может на учёбу послать... Как же так, бригаду бросать, что ли? Ничего, говорит, ты же не убегаешь – на учёбу тебя посылают. Окружком, говорит, поддерживает, в обкоме не против... Ну, думаю, раз так – значит правильно! И

написал заявление... Надеюсь к осени хоть немного подтянуть бригаду, чтоб не стыдно уезжать было... Оказывается, сейчас ехать надо... Бросить всё... А тут ещё про письма вы мне напомнили...

Да, письма... Их показывала нам Рита, жена Валерия, перед нашим отъездом в тундру.

– У нас некоторые уже говорят: бежит Валерий, испугался... А я не верю! Не может он этих людей обмануть, – и положила на стол пачку писем.

С разрешения Валерия я переписал потом некоторые из них, сохранив полностью стиль авторов. Вот они.

Из совхоза «Агроном» Краснодарского края: *«Здравствуй, тов. Валерий Тынечейвын! О Вас я узнала из газеты «Правда». Как и тысячи советских людей, я очень рада Вашему благородному поступку. От всей души я благодарю Вас. Читая в газетах о Вас и многих других, как Вы, я воодушевляюсь и проявляю больше энергии в жизни.*

Хочу Вам сказать, что я ни от одного человека не слышала искренних уверенных слов о победе Коммунизма. Каждый день я сталкиваюсь с холодным, безразличным отношением людей к работе. Ещё когда я училась в восьмом классе, я этого не замечала. И если мама говорила мне, что люди работают безо всякого чувства, кроме наживы, я возмущалась и говорила, что это единицы, которых надо перевоспитывать... А потом узнала, что директор нашей школы, критиковавший любителей наживы, сам замешан в махинациях со стройматериалами... Так, в десятом классе меня будто подменили. Мои чувства были оскорблены грубой действительностью. Все мои стремления, цели мне приходится держать при себе. Так хочется много сделать, а ничего не получается. Читайте о подвигах в газетах, книгах, или смотрите в кино – и часто в бессилии хочется плакать. И в то же время испытываешь воодушевление! Но дальше бурных чувств дело у меня не движется. Иногда даже страшно: мне 18 лет, а я уже душевно опускаюсь...

Мне очень хочется знать, как насчёт этого у Вас дела в колхозе? Какова действительность? Мне очень хочется знать – как сложилась Ваша жизнь? Ведь в Вашем образе я вижу хорошее настоящее и будущее. Каждое Ваше слово будет мне нести большую пользу.

Желаю Вам, тов. Валерий Тынечейвын, хорошего и только хорошего в Вашей жизни. Вы, наверное, испытываете силу полного счастья? Ваша Валя Ф.»

Фамилии Вали Тынечейвын просил не упоминать, если её письмо будет где-либо напечатано.

Из московской школы № 557: *«Уважаемый Валерий! Вы очень славный труженик и добрый человек. Я тоже коммунист. Учитель. Прошу Вас, если можно, пришлите Вашу фотографию и напишите о себе. У нас в школе есть портретная галерея славных людей нашей Родины. Будет местечко и для Вашего портрета. Приезжайте к нам в гости. Сердечный привет от моих ребят. Желаю Вам всего хорошего. Ваш друг Фаина Фурманова»*

Из Орска: *«Привет с далёкого Урала! Здравствуй, уважаемый и незнакомый товарищ Валерий! Сейчас мы с Вами познакоимся. Зовут меня Николай Остапович. Фамилия – Войт. Год рождения – 1924-й. Имею жену и двоих детишек. У меня есть большое желание поехать к Вам в колхоз и работать вместе с Вами. Специальности: арматурщик, бетонщик, каменщик, музыкант. Моя жена тоже очень хочет поехать на Север. Словом, мне хочется поехать в ваш колхоз работать, а вы помогаете мне в этом. Буду Вам очень благодарен. До свидания Николай. Ваш снимок в газете я храню, как дорогую память».*

Из города Александрии Кировоградской области, от мастера по намотке магнитных усилителей, делегата XXII съезда партии Веры Пашковой: *«Валерий! Когда я получила «Правду» за 1961-1962 год – сразу же увидела твою фотографию и была очень обрадована твоим успехом в развитии оленеводчества. Я на работе всем рассказывала о тебе, что вместе были на съезде, вместе ходили, разговаривали, смеялись. Не знаю, как приходится тебе, а я уже выступала по материалам съезда 32 раза. Сейчас готовлюсь к экзаменам в институте. Зачёты все сдала на 4 и 5, только по черчению на 3. Желаю успехов, Вера».*

От неё же: *«Здравствуй, дорогой друг! Поздравляю тебя с Первым Маем! Сейчас я готовлюсь к весенней сессии. Осталась одна контрольная и курсовой проект. На работе дела идут хорошо. Наши усилители идут и в сельское хозяйство. Может, придётся тебе встретиться с ними – знай, что катушки мотали наши девчата. Киножурнал о тебе я тоже видела. Какой у вас наряд – всё меховое! Но я не знаю, тепло ли в нём.*

Приезжайте к нам на Украину в гости. Привет тебе от делегатов съезда Нины Васильевой из Кировограда. Передавай привет с Украины всем членам своей бригады. Хотела бы знать о твоих делах. Жму руку. Вера».

Из Казани: *«Здравствуй, Валерий... вич! Извините, отчества не знаю. Прочитав на страницах «Правды» о Ваших достижениях, вся моя семья и я лично поздравляю Вашу бригаду с достигнутыми успехами и желаем всегда быть в передовых! Семья Антоновых».*

Из Чувашии: *«Привет от незнакомца друга Саши! Валерий! Я хочу приехать до вас в колхоз. Я люблю оленей и мне интересно за ними поухаживать. Если можно, напиши мне, как до вас доехать. Какая станция, и где сходить? Князьков А.П.»*

Из Калининграда: *«Здравствуй, тов. Тынечейвын! Посмотрев на Ваш портрет в газете, я была удивлена: Вы весь стоите, одетый в мех. И шапка, и шуба – всё из меха! Видать, зима у вас очень холодная. Кто Вам пишет, Вы удивляетесь? Это пишет Вам ученица восьмого класса. Я смотрю на Вас и мёрзну. Как тепло Вы одеты! А у нас идёт дождь.*

Мне 15 лет. В этом году я думаю поступать в сельскохозяйственный техникум и быть ветфельдшером, а потом поехать к вам на Чукотку работать. До свидания. Привет Вашим родным и товарищам. Смотрю на Ваш наряд и думаю: «Ну и зима у вас – замёрзну!» Извините. Юрченко Люда».

Снова из Москвы из 557-й школы: «Спасибо Вам за ласковое письмо. Читал о Вас в газете. Я – ученик 7-б класса. Учусь хорошо. В Ленинские дни вступил в комсомол. Этим горжусь. Мне нравится Ваша профессия, и я горжусь тем, что такой человек, как Вы – мой друг.

Привет Вашим друзьям. Саша Горлов».

Приписка рукой учительницы: «Рада дружбе с Вами, Валерий! У Вас столько неукротимой энергии. Она пленительна... Ваша Ф. Фурманова».

– Стал вспоминать я письма эти – всю душу они мне наизнанку вывернули... Что я отвечу Вере Пашковой, как смогу быть примером для метущейся души Вали Ф.? Как я, наконец, перед партией своей отчитываюсь? Ведь коммунист я...

Он встал и, отвернувшись, долго смотрел в снеговую даль тундры... Потом вытащил из-под кухлянки листок бумаги.

– Вот... Возьмите. Отвезите в Нешкан и отправьте. Ладно?

«АНАДЫРЬ ОКРУЖКОМПАРТ ФЕОКТИСТОВУ ЛАВРЕНИЯ РАЙКОМПАРТ КАЛЯ СВЯЗИ СОЗДАВШИМСЯ ТРУДНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ БРИГАДЕ СЧИТАЮ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ЕХАТЬ МНЕ УЧЁБУ ЭТОМ ГОДУ ТЧК ПРОШУ УЧЕСТЬ МОЁ ЖЕЛАНИЕ УЧИТЬСЯ СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ЗПТ КОГДА ИСПРАВЛЮ ПОЛОЖЕНИЕ БРИГАДЕ»

Дружище ты наш дорогой! Чудесный ты человечик! Мы готовы были плясать от радости за него, обнимать и целовать этого чертушку Тынечейвына, но... тундра не любит сантиментов и бурных излиятий чувств. Мы, как и подобает настоящим мужчинам, только сказали: «Нымелькин!», – и крепко-крепко пожали Валерию руку.

И снова мы сидим на нарте. Валерий говорит, говорит, как человек, принявший единственно верное решение и сваливший с плеч тяжёлый груз сомнений.

– Вы думаете, я примирился с тем, как живут люди в тундре? Не-е-т! Чем наши пастухи хуже тех, кто живёт в Магадане, в хороших квартирах, спит в чистых постелях, в тепле, умывается каждый день? Вижу всё: и бескультурье, и грязь... Вот вы на Кукы косились... А она всю жизнь посуду чистит. Что с ней сделаешь? Молодых в бригаду нужно! Ведь я об этом Демидова просил, райком партии – бесполезно. Понимаете, как получается... Чтобы принести культуру в тундру, культура! Ведь молодые-то привыкли уже к электричеству, радио, постелям чистым, газетам... А здесь ничего этого нет. Заколдованный круг? Нет! Сейчас пока что нужно? Движок маленький... Л-6 или ЧА-2, с генератором. В каждой яранге – свет, радио, электроплитки и никакого дыма... магнитофон. Библиотеку – передвижку, газеты свежие. Журналы. А ведь можно и куклы с чистым бельём сделать! Как у геологов. Видите? Да ещё если с оплатой труда порядок навести! Ведь что получается? Пастуху за одну голову семь сотых трудодня в месяц начисляют. У нас 2100 голов. Выходит – 147 трудодней в месяц на бригаду. Нас – одиннадцать пастухов. Тринадцать с небольшим трудодней на человека. Из расчёта по 4 рубля 16 копеек за трудодень – это всего с натурой – пятьдесят пять рублей в месяц! Допустим, у нас раздуты штаты. Пусть будет шесть пастухов, учётик и бригадир – и то по 75 рублей получается. Какая уж тут материальная заинтересованность! А труд-то какой... Нет, надо в порядок оплату привести. Можно это всё сделать? Можно. Писал я об этом, говорил... все соглашались, а делать не хотят. Вот что обидно... Чтобы тундру перестроить – всем надо силы приложить. Один в тундре – не воин...

Он помолчал.

– Знаете. Ещё о чём я мечтаю, друзья? Чтобы был у нас на две-три бригады свой зоотехспециалист, лечил бы оленей, помогал учёным советом... От овода как спастись? Опрыскиваем, но не всегда удачно: попробуй две тысячи оленей опрыскать, да по несколько раз! Личинок вылавливаем, а шкура-то всё равно – дырявая. Что из неё сделаешь? А вот...

Он вытащил из записной книжки сложенный листок какого-то журнала:

– Вот... В научно-исследовательском институте сельского хозяйства Крайнего Севера товарищи Савельев, Вобликова и Силков нашли такой препарат. Называется... фосфорорганический инсектицид системного действия... Укол сделал оленю в определённое время – личинки пропали все и рассосались, не выходя наружу. Это же здорово! Так за несколько лет можно всего овода перевести! А где он, этот ин-сек-ти-цид? И ещё... Пастухи сейчас круглый год в тундре. Правильно это? Нет! Почему не сделать смены? По пятнадцать дней дежурят 4-5 пастухов в стаде, потом – вертолёт или «Аннушка» доставляют им смену. Людей не хватает? Неправда. Сейчас многие просто не хотят идти в оленеводство: шутка ли – всю жизнь в тундре! А тогда и люди нашлись бы. Не прав я?

Возразить было трудно...

Вскоре мы распрощались. Валерий уехал в сопки искать отбившихся оленей. Наши каюры запрягли упряжки, и снова по тундре понеслось:

– Рай-рай-рай-ко-ра-ат... рай – рай-рай-рай-й...

И снова потянулся нартовый след в глубь тундры. Тот противный щенок остался в стойбище. На душе было хорошо-хорошо... Нет, не ошиблись мы в человеке!

Продолжение следует...

Байкало-Амурские страницы

*Стук колёс ж/д состава
Ночь пробудит, и волна
До вершин хребтов достанет, –
Содрогнётся тишина.*

*Эхом горы отзовутся,
И в ответ раскаты нам –
Песней юности вернутся
Про дорогу – БАМ.*

В. Кузнецов

40-летию БАМа посвящается

Виктор ПРЯДКИН

г. Москва

Кандидат экономических наук, профессор международной академии общественных наук.

Добывал золото, был военным моряком-подводником, строил БАМ. Работал на руководящих должностях в Управлении Байкало-Амурской железной дороги. Занимал высшие должности в муниципальной и государственной службе.

В последние годы увлёкся литературой и историей строительства БАМа.

Автор книги «На изломах XX века», сборника стихов «Красная рябина», документального очерка «Тайна «Поднятой целины», нескольких документальных очерков об истории строительства БАМа, под общим названием «Неизвестный БАМ».

Глава из книги «Неизвестный БАМ»

Вместо предисловия

В своих предыдущих очерках я в основном говорил о неизвестных событиях, произошедших на строительстве БАМа довоенного, назовём его БАМ-1. Однако остались в тени, неизвестные широкому кругу читателей, и некоторые события при строительстве БАМа послевоенного, я имею в виду 70-80 годы прошлого столетия. Для удобства понимания излагаемого материала, назовём его БАМ-2. Сразу хочу подчеркнуть цель моих работ. Я хочу, чтобы общественность знала об этой грандиозной стройке не из бравурных песен и стихов и не из официальных публикаций того времени. Я уже говорил, что они существенно искажались. Например, информация о гибели пяти и более человек в те годы просто засекречивалась. Данные о гибели менее пяти человек, имели гриф «Для служебного пользования».

Немало событий таит в себе БАМ и с неохотой делится ими с нынешним поколением. В данной работе я хочу приподнять таинственный занавес Северомуйского тоннеля. Это самый интересный, самый сложный и самый дорогой объект из всех БАМовских искусственных сооружений. Его начали строить в 1977 году, первый поезд прошёл через тоннель в 2001 году, а в постоянную эксплуатацию его сдали в 2003 году. За этот период, исчисляемый двадцатью шестью годами, многое что произошло в мире и в стране. Собственно той страны, в которой его начали строить, не стало, развал СССР для БАМа обернулся катастрофой! Но давайте всё по порядку.

Мировая практика тоннельного строения имеет на своём счету тоннели в разы длиннее Северомуйского. Хочу сказать несколько слов о самых интересных тоннелях мира, которые запоминаются какой-то своей исключительной особенностью.

Готардский базовый тоннель – железнодорожный тоннель, строящийся в Швейцарии и имеющий проектную длину – 56 978 метров. Западный тоннель – 56 978 метров, восточный тоннель – 57 091 метров (включая служебные и пешеходные ходы – 153,4 км). Тоннель строится для уменьшения крутизны подъёма и позволит Швейцарии подключиться к европейской системе скоростных железных дорог. После завершения строительства он станет самым длинным тоннелем в мире.

Тоннель имеет два отдельных ствола (соединённых между собой галереями приблизительно через каждые 325 м), по которым поезда будут следовать в противоположных направлениях. Внутри тоннеля будут находиться две аварийные железнодорожные станции, связанные с поверхностью аварийными шахтами.

Для обеспечения на линии скоростного режима в 250 км/ч новая магистраль Цюрих-Милан практически не будет иметь изгибов и пройдёт на высоте 500 метров над уровнем моря.

Его начали строить в 1993 году, пусковые испытания запланированы на 2015 год, а окончание строительства: 2016-2017 годы. Полная стоимость проекта 6,428 млрд \$.

Евротоннель, тоннель под Ла-Маншем – железнодорожный тоннель, проходящий под проливом Ла-Манш и соединяющий континентальную Европу с Великобританией. Был открыт 6 мая 1994 года. Тоннель имеет протяжённость около 51 км, из них 39 км непосредственно на дне моря. Проект был завершён за семь лет. Американское общество инженеров-строителей (American Society of Civil Engineers) объявило Евротоннель одним из семи чудес света современности.

Евротоннель состоит из трёх тоннелей – двух основных, имеющих рельсовый путь для поездов, следующих на север и юг, и одного небольшого служебного тоннеля. Служебный тоннель через каждые 375 метров имеет проходы, объединяющие его с основными. Он разработан для доступа к основным тоннелям обслуживающего персонала и аварийной эвакуации людей в случае опасности. Все три тоннеля имеют две развязки, позволяющие поездам беспрепятственно перемещаться между тоннелями.

Тоннель Сэйкан – железнодорожный тоннель в Японии, длиной 53,85 км с подводным фрагментом длиной 23,3 км. Тоннель опускается на глубину около 240 метров, на 140 метров ниже уровня морского дна.

Это самый длинный тоннель в мире, хотя у тоннеля под Ла-Маншем между Англией и Францией более длинная подводная часть. Он пролегает под Сангарским проливом, соединяя префектуру Аомори на японском острове Хонсю и остров Хоккайдо – как часть линии Kaikyū железнодорожной компании Хоккайдо.

Однако пятнадцатикилометровый Северомуйский тоннель по сложности проходки не имеет аналогов в мире. Специалисты – тоннельщики всего мира, признали его проходку самой сложной из имеющего у человечества опыта проходок.

При строительстве тоннеля была разработана и применена технология химического закрепления неустойчивых грунтов в зонах тектонических разломов и прокладка специальных дренажных штолен, применялось низкотемпературное замораживание жидким азотом в неустойчивых и слабоустойчивых грунтах. Впервые была разработана и внедрена автоматизированная система управления технологическим процессом (АСУТП) при его строительстве.

На сооружении тоннеля трудилось в разное время шесть тоннельных отрядов численностью работающих до 10 000 человек. Подготовительные работы по строительству тоннеля начали в 1975 году, проходку начали в 1977 году. Понятие «уникально» можно применять к любому периоду его строительства. Так была пробита параллельная штольня – фактически второй тоннель диаметром как в метрополитене. Он использовался в качестве транспортного, дренажного и разведочного. Местами он залегает на глубине 1 километр, соединяя два соседних ущелья: Ангараканское и Муяканское. На строительстве тоннеля испытывались строительные механизмы и машины из десяти стран мира.

Лучшим иностранным специалистам предлагались любые деньги для участия в строительстве тоннеля, но все они отказывались.

К сожалению, не обошлось без жертв. Разные источники приводят разные цифры. Люди гибли как на строительстве самого тоннеля, так и на строительстве его двух обходов. Впрочем, всё по порядку.

История вопроса

На административной территории Бурятии в составе Станового нагорья пролегает Северо-Муйский хребет. Название хребтам дано учёным и знаменитым анархистом П.А. Кропоткиным, возглавлявшим экспедицию по изысканию скотогонного пути из Южного Забайкалья на Ленские золотые прииски. В 1866 году он с экспедицией впервые пересёк описываемый район и нанёс его на карту вместе с Делюн-Уранским хребтом, а долину назвал Муйской. Днище её лежит на высоте 471-700 метров над уровнем моря и прорезано реками Муя и Витим и притоками Витима. В долине немало горячих безымянных и минеральных источников.

Северо-Муйский хребет разделяет Верхнеангарскую и Муйскую котловины. Его длина 350 километров, а высота до 2537 метров. Геологическое строение сложено гранитами и кристаллическими сланцами. Вершины и гребни хребта обладают резкими ледниковыми формами, по периферии – плосковершинные гольцы. Склоны покрыты лиственничными лесами, выше 1300-1500 метров над уровнем моря находится пояс редколесья и заросли кедрового стланика, ещё выше – горная тундра. Здесь проходит водораздел между озером Байкал и рекой Витим. В специальной литературе я прочитал, что около ста лет назад, после сдвига тектонических пластов, хребет сместился на 1,5 метра. Река Имангра потекла в обратную сторону, а окрестные деревья засохли.

Вот эта горная страна и встала на пути строителей БАМа. Были предложены разные варианты, в частности, П.К. Татаринцев и другие специалисты предвидели большие трудности при строительстве тоннельного перехода. Был предложен вариант трассы: от Усть-Кута по долинам рек Лены и Олёкмы с выходом в районе Хани. Этот вариант имел как свои преимущества, так и недостатки. Длина трассы увеличивалась более чем на 200 километров. Преимущество заключалось в том, что не надо было строить Кодарский и Северомуйский тоннели, а Якутия имела бы своё железнодорожное транспортное обеспечение ещё в 80-е годы прошлого столетия.

В результате было принято два важных решения: пробивать в Северо-Муйском хребте тоннель, а пока его строят, проложить временный обход. Обход строили с августа 1982 г. по март 1983 года, протяженностью 24,6 километра. Уклон на километр пути составлял до 40 метров, из-за этого грузовой поезд состоял всего из нескольких вагонов, которые тянули тепловозы-спарки. Поэтому по обходу могли следовать лишь грузовые поезда в несколько вагонов; движение пассажирских поездов было запрещено. От станции Ангаракан до станции Казанкан людей везли на автобусах-вахтовках через перевал.

Начало строительства

Технический проект на строительство Северо-Муйского тоннеля был разработан Ленметрогипротрансом. Проходка со стороны западного портала началась в середине 1977 года, со стороны Восточного – в конце 1977 года. Кроме того в обе стороны от вертикальных стволов диаметром 7,5 метра, пробитых с вершины Северомуйского хребта (глубиной 302, 334 и 162 метра).

Геологическое и гидрологическое строение хребта было малоизвестно. Поэтому приняли решение вести разведку одновременно со строительством. Пробуренные через каждые 500 метров скважины картину не прояснили. Тогда ещё не существовало станков для горизонтального бурения до 400 метров с отбором керна.

Чтобы уменьшить опасности, параллельно подковообразному по форме сечения тоннелю (68 кубических метров) на расстоянии от 15 до 30 метров от его оси пустили разведочную транспортно-дренажную штолью сечением 18 кубических метров. Её продвижение вглубь скалы должно было опережать тоннель на 200-300 метров, позволяя уточнять геологические условия работ, отводя воду из горного массива и улучшая вентиляцию всей выработки. Кроме того, из штольни открывались дополнительные забои для проходки тоннеля. Проходка из трех стволов обеспечила свыше половины длины тоннеля. А 4-й ствол глубиной 242 метра пришлось строить между западным порталом и стволом №1.

Двадцатого сентября 1979 года на западном участке, пробивая тоннель в граните, врезались в высоконапорный ангараканский пльвун. Специалистам в данной области созвучие «пльвун в граните» покажется диким, это действительно звучит абсурдно, однако было именно так. Давление взорвало гранитную перемышку, отделявшую забой от зоны разлома. В штольню устремился поток воды, песка, камней под давлением более 14 атмосфер. Перед этим диким давлением невозможно устоять. Стихийный поток унёс десятки жизней проходчиков. Погрузочную машину весом 23 тонны отбросило, как пушинку, на 300 метров.

Забегая вперёд, скажу. В 1981 году, после детального изучения снимков из космоса, проектировщики поняли, что «монолит» Северо-Муйского хребта разрезан в месте прохождения тоннеля четырьмя региональными разломами. Одна из разломных зон оказалась протяжённостью более 800 метров. Если говорить обычными, не специальными терминами, это уходящие в глубину трещины шириной от 5 до 900 метров забитые щебнем и песком, к тому же обводнённые. Самая широкая и стала причиной катастрофы, о которой говорилось выше. Светила мирового тоннелестроения признались, что ни с чем подобным нигде в мировой практике не сталкивались.

Остановка проходки

Прорыв останавливали, закачивая бетон непосредственно в штольню тоннеля. И на два года работы на этом направлении были заморожены. Потом, чтобы продолжить проходку, пришлось снова пробивать бетонную «пробку».

«Работы были приостановлены до 1981 года. Только 10 октября 1981 года проходка со стороны западного портала была продолжена. Два года ушло на ликвидацию последствий. Было удалено почти 13 тысяч кубических метров горной породы, обрушившейся при обвале.

В результате подробного изучения истории тектоники и сеймики в районе тоннеля выяснилось, что причина выброса – следствие давнего землетрясения, которое «раздавило» реку Ангаракан и заставило её изменить направление. Возникла плотина, перекрывающая прежнее направление и породившая подземное озеро, которое оказывало гигантское давление на все нижележащие пласты грунта. Забой оказался под этим давлением и – «взорвался».

Чтобы продолжить проходку, нужно было убрать давление подземного озера. На это понадобилось примерно два года. Первое время ушло на поиск решения – с таким препятствием специалисты столкнулись впервые. Возникал вопрос о том, чтобы отказаться от проходки Ангараканского разлива и попытаться его обойти». (Б.А. Мосты и тоннели. А. Тарновская, Л. Ларинова, А. Филимонова)

Возобновление проходки

Итак, в октябре 1981 года проходка со стороны западного портала была продолжена. Для укрепления грунта над тоннелем в зонах разломов бурили из штольни «ходки» и устраивали выше кровли тоннеля камеры, которые заполняли монолитным бетоном. Не буду утомлять читателей техническими терминами и перечнем уникальных работ. Повторюсь, все приглашаемые зарубежные

специалисты отказались работать на Северомуйском тоннеле и настойчиво рекомендовали отказаться от этой затеи.

Однако строители тоннеля продолжили начатое дело, применяя всё новые и новые технологии, не применявшиеся до того ни в одной стране мира. Стены самого тоннеля делали в наиболее сейсмоопасных местах трехслойными и даже четырехслойными, покрывая их сначала черновым бетоном, армированным металлическими анкерами, второй слой был сборным – тюбинговым (тюбинговое покрытие, напоминающее металлические соты, можно видеть на стенах тоннелей метро), далее следовал дополнительный слой железобетона. А кое-где отделку завершала металлизолация. Таким образом, пространство тоннеля оказывалось заключённым в несколько «труб», каждая из которых довольно подвижна относительно остальных.

«С большим трудом доставляли громоздкую горную технику, материалы. Проходческий щит 1936 года, которым прокладывали «лучшее в мире московское метро», требовал починки и замены износившихся деталей. Работала здесь и импортная техника: буровая «рама» из Японии «Фурукава», проходческий комплекс «Вирт» из Германии, «Тамрок» из Финляндии. Смонтировали 250-тонный «Роббинс». Прилетел из Штатов владелец фирмы Дик Роббинс, излазил прилегающие горы и по-русски сказал: «Хреновая порода!» Потом добавил по-английски: бросьте затею, начните лучше в другом месте. Мужики перекурили и погнали заморское чудо-юдо на работу». («Российская газета», 1999 г., Дмитрий Иванов.)

Постоянный обход

В июне 1984 года на БАМ прилетает правительственная комиссия, которую возглавляет член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета Министров СССР Гейдар Алиев. Мне повезло, и я первый раз в жизни увидел не в кино и не на газетном фотоснимке, а живьём руководителя такого ранга. Первые секретари республиканских, краевых и областных комитетов КПСС (через которые проходит БАМ) стояли перед ним вытянувшись по стойке «смирно». Меж тем, с простыми рабочими, инженерами он был прост в обращении. Лично у меня о нём осталось очень приятное впечатление.

Выслушав мнения и доводы специалистов, Алиев принимает решение строить постоянный обход Северомуйского тоннеля. Помню, ребята шутили – «постоянно-временный», что-то наподобие «старый новый год». Дальнейшая жизнь показала, что это было мудрое решение и единственно правильное в то время, поскольку строительство тоннеля после прибытия комиссии затянулось без малого на 20 лет! Как уже было сказано выше, в постоянную эксплуатацию тоннель приняли лишь в 2003 году.

К 1989 году (около 5 лет) построили новый 54-километровый обход, с уклоном 18%. Столь длительный срок строительства объясняется тем, что на трассе обхода пришлось пробить ещё два тоннеля. Они получили название «петлевые тоннели» и расположены с обеих сторон перевала, поскольку рельеф местности не позволил сделать изгиб серпантина на склоне. Этот поворот выполнен внутри горы – поезд въезжает в портал, а через некоторое время показывается из другого портала над или под первым, совершив оборот на 180 градусов. Особенно хорошо это заметно на западном тоннеле (№1) – его порталы расположены почти друг над другом.

Обход начинается в широкой котловине, образованной при впадении реки Итыкит в реку Ангаракан. В этом месте располагается западный портал Северомуйского тоннеля и находился посёлок Тоннельный, в котором жили преимущественно строители тоннеля. К сожалению, в 2004 году посёлок снесли, несмотря на протесты жителей.

Далее обход пересекает по мосту нижнее течение реки Итыкит, после моста на 11-м километре обхода расположена ж.д. станция Осыпной, одноимённый пристанционный посёлок. Это единственный на обходе жилой посёлок.

Далее дорога делает петлю, дважды пересекая реку Ангаракан и на 16-м километре трассы, выходит на знаменитый «Чёртов мост» – полукруглая мостовая конструкция высотой 35 метров, расположенная на двухъярусных опорах над рекой Итыкит.

Через 2 километра начинается двухкилометровый петлевой тоннель, внутри которого дорога поднимается и разворачивается на 180 градусов: порталы тоннеля находятся практически один над другим. После ещё одного моста через реку Итыкит дорога практически преодолевает подъём к перевалу и идёт почти параллельно старому обходу. Вскоре после неярко выраженной седловины перевала расположена станция Перевал (27 км). Ниже станции река Окусикан протекает через два перевальных озера.

На восточном склоне перевала дорога делает, постепенно опускаясь, три огромные петли, ниже которых на 49-м километре расположена станция Горячий ключ. Далее, после моста через реку Окусикан, начинается (54-й км) ещё один, более короткий петлевой тоннель, после которого начинается котловина, в которой у восточного портала Северомуйского тоннеля расположен довольно крупный посёлок Северомуйск.

На 60-м километре обход соединяется с главным ходом БАМа, а через три километра обход окончательно завершается на станции Казанкан.

На подъёмах возникает необходимость толкать составы вспомогательными локомотивами.

При строительстве двух петлевых тоннелей (на обходе Северомуйского тоннеля) тоже погибли люди. Не помню точно, примерно 1985-86 гг., произошёл обвал, сколько человек погибло, мне неизвестно.

Обход поддерживается в рабочем состоянии и сегодня по обходу идут рабочие поезда. Мне довелось десятки раз проезжать по этому обходу. Смотреть из окна вагона на проплывающие пейзажи – занятие не для слаборервных.

Проходка тоннеля продолжается

В апреле 1999 года, когда до сбойки оставалось всего 160 метров, произошёл обвал обводнённой породы, и опять погибли люди. Участок тоннеля фактически пришлось строить заново.

Строительство Северомуйского тоннеля продолжалось с перерывами 26 лет. 30 марта 2001 года произошла сбойка Северо-Муйского тоннеля на 300-метровой глубине.

За период строительства было переработано более 2 млн. м³ грунта, уложено 700 тыс. м³ монолитного железобетона, смонтировано 70 тыс. тонн металлоконструкций.

Общая длина горных выработок тоннеля – 45 км. Вдоль всей длины тоннеля проходит выработка меньшего диаметра, используемая для откачки воды, размещения инженерных систем и доставки технического персонала. Вентиляция обеспечивается тремя вертикальными шахтными стволами. Безопасность прохождения поездов через тоннель обеспечивают, помимо прочего, системы сейсмического и радиационного контроля. Для поддержания микроклимата в тоннеле на обоих его порталах установлены специальные ворота, открываемые только для прохождения поезда. Инженерные системы тоннеля управляются специальной автоматизированной системой, разработанной в Конструкторско-технологическом институте вычислительной техники Сибирского отделения Российской академии наук.

Для движения поездов он был открыт 5 декабря 2003 года. По протяжённости (15 343 метров) он является самым длинным тоннелем в России. По разным данным, на его строительстве погибло от 50 до 100 человек.

Конечно, это несравнимые жертвы с Дюссе-Алинским тоннелем, где полегли тысячи! Да и строили Северомуйский туннель с помощью специальной техники, а Дюссе-Алинский вручную. И хорошо, что на Северомуйском тоннеле установили красивый памятник погибшим.

На этом можно и закончить моё очередное повествование о неизвестных страницах истории строительства БАМа, впрочем, ещё пара малоизвестных эпизодов.

Развал СССР

Ликвидация Союза и провозглашение Российской Федерации для БАМа обернулись чёрными днями. Наверное, только ленивый не писал в прессе о том, что БАМ – это «дорога в никуда», «одна из крупнейших ошибок социалистического строя» и т.д. Я неоднократно говорил и писал, что авторы этих «писулек» абсолютно безграмотные люди, далёкие от экономики и не представляющие себе, что такое Российский Дальний Восток и север России вообще. Каково это было читать двухмиллионной армии строителей БАМа, через жизнь которых, через сердце каждого прошла эта дорога. И всё-таки тяжелей всех был нанесённый удар по строителям Северомуйского тоннеля. Об этом тяжелейшем времени я решил рассказать публикациями журналистов того времени.

«В конце декабря лично премьер-министру Виктору Черномырдину пришла срочная телеграмма, подписанная председателем ЦК независимого профсоюза железнодорожников и транспортных строителей Иваном Шинкевичем. В телеграмме говорится о том, что «на строительстве комплекса Северомуйского тоннеля на БАМе сложилась катастрофическая обстановка», вызванная многомиллиардной задолженностью государства по финансированию этого строительства (в те годы денежное исчисление было иным, нежели сегодня, 1000 руб. равнялась 1 000 000 руб., – прим. автора). Тем, кто непосредственно строит тоннель, – то есть двухтысячному коллективу АО «Бамтоннельстрой», – более пяти месяцев не выплачивается заработная плата. В телеграмме ЦК профсоюзов указывалось, что занятые на строительстве тоннеля люди «доведены до голодания», на 4 дня осталось топлива для отопления жилья, после чего при 40 градусах мороза все помещения будут моментально заморожены». В середине декабря более ста строителей в знак протеста пошли даже на объявление голодовки, которая была приостановлена после того как коллективу пообещали выделить 43 миллиарда рублей в счёт погашения долга, который к началу декабря достиг 87 миллиардов. Однако деньги на счёт АО не поступили. К концу года, по информации от руководства профсоюзов, ситуация на строительстве обострилась до такой степени, что рабочие получали лишь одну буханку хлеба и немного крупяных изделий на человека в день» (Андрей Пиотровский, «Известия», 06.01.96г.)

«Вчера в посёлке Северомуйск (Бурятия) были госпитализированы 8 из 13 голодающих строителей Северомуйского тоннеля, требующих выделения средств на переселение их семей в центральные районы России. Несмотря на госпитализацию, участники акции протеста отказываются принимать пищу». («Коммерсантъ», Иркутск, №122 (2961), 08.07.2004 г.)

«Двести проходчиков 15-километрового Северомуйского тоннеля на Байкало-Амурской магистрали продолжают находиться под землёй, требуя погашения 78-миллионной задолженности по

заработной плате. С 3 ноября пять смен тоннельного отряда №21 акционерного общества «БАМтоннельстрой» поэтапно оставались в стволе тоннеля и с 5 ноября полностью прекратили работы. При этом поступивший к ним накануне график погашения долгов заказчиками тоннеля – Восточно-Сибирской железной дороги и Министерством путей сообщения РФ – не устроил рабочих. Из документа неясно, когда они могут рассчитывать на первые поступления из выделенных железнодорожниками 35 млн. руб. Очередные платежи заказчиков, направленные на стройку, дают возможность выплатить рабочим заработную плату не более чем за один месяц из восьми. Примечательно, что в ходе акции протеста её участники выдвигают дополнительные требования. В частности, они касаются индексации заработной платы, организации переселения людей на «большую землю» после завершения строительства тоннеля, которое намечено на 1999 г. Одновременно рабочие настаивают, чтобы эти вопросы были рассмотрены специально созданной государственной комиссией по проблемам ключевого объекта БАМа» (Сергей Березин, Улан-Удэ).

Несколько малоизвестных фактов

Сегодня это кажется невероятным, но были разработаны и другие проекты, когда решался вопрос, как переходить Северо-Муйский хребет. Например, был разработан и предложен оригинальный проект, чудовищный по своей сути. В нём предлагалось вместо тоннеля выемка. Для реализации этого проекта нужно было пробить вертикальную штольню и заложить ядерный заряд, который бы и разнёс преграду! Дёшево и сердито! К счастью, оказались среди специалистов здравомыслящие люди, которым удалось (с большим трудом) доказать, что экологии региона, в т.ч. и уникальному на планете озеру Байкал будет нанесён непоправимый вред.

Но вернёмся к делам серьёзным.

Ещё один малоизвестный эпизод из строительства Северомуйского тоннеля.

В 1988 году мне предложили перейти работать в управление БАМЖД, на должность заместителя начальника специальной службы дороги. Я согласился. В 1996 году я исполнял обязанности начальника специальной службы дороги. Меня вызвал тогдашний начальник Байкало-Амурской железной дороги С.М. Бабаев. Когда я зашёл к нему в кабинет, он протянул мне бумаги: «Читай!».

Это была копия коллективной жалобы строителей Северомуйского тоннеля на имя Президента РФ Б.Н. Ельцина. Дословно не помню, но в жалобе говорилось, что в строящемся Северомуйском тоннеле присутствует радиоактивный газ радон. Проходчикам не выдают средства защиты, не выплачивают пособия и другие полагающиеся в этом случае льготы. Мною было получено указание от начальника дороги разобраться в сложившейся ситуации по существу и доложить обстановку.

Дело в том, что на нашу службу, которая занималась в основном мобилизационными делами, возложили контроль над перевозкой опасных грузов и контроль мониторинга радиационной обстановки (осуществляла этот мониторинг дорожная СЭС) на объектах дороги.

В этот же день я вызвал специалистов из радиационной лаборатории дорожной СЭС с главным санитарным врачом дороги. На совещании они мне честно доложили, что у них отсутствуют нормативные документы и измерительные приборы по радону. Срочно самолётом отправил одного из них в командировку в город Ленинград. Вернулся он уже обученный и с соответствующей аппаратурой. Когда впоследствии замерили концентрацию газа в тоннели, пришли в ужас. Она в десятки раз превышала предельно допустимую норму.

В этом же году (1996) дорогу расформировали, и дальнейшая судьба этой проблемы мне стала недоступна. Однако последствия создавшейся ситуации не давала мне покоя, а узнать – сложно, поскольку вся информация в те годы попросту засекречивалась. И всё-таки мне удалось впоследствии прочесть один документ. В государственном докладе «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 1997 году» было написано: «Высокие значения эквивалентной равновесной объёмной активности радона обнаружены на... строящемся Северо-Муйском тоннеле (до 3000 Бк/м³), что приводит к значительному переоблучению работников...».

Таким образом, недопустимое присутствие радиоактивного газа радон в Северомуйском тоннеле было признано официально.

Уже в наши дни мне написал бывший проходчик тоннеля. Он сказал, что после принятых нами мер им стали платить надбавку к зарплате в размере 1000 рублей в месяц. Тоннельщики сразу дали имя этой надбавке – «гробовые»!

В нескольких публикациях в интернете я прочёл, что проходчики тоннеля наткнулись на горячий источник и несколько человек заживо сварилось. Я обратился к нескольким бывшим проходчикам за разъяснением, и они не подтвердили эту информацию.

Северомуйский тоннель сегодня

Северомуйский тоннель – это не просто отверстие в горе, а сложнейшее инженерное сооружение. Там были смонтированы и успешно функционируют системы сейсмического и радиационного контроля, противопожарной безопасности, связь, освещение. Кроме того, недавно было установлено огромное количество видеочкамер, и теперь диспетчер видит весь тоннель на всём его протяжении. Шахтные стволы превратились в вентиляционные, микроклимат в тоннеле помогает

поддерживать специальные ворота, открывающиеся перед каждым поездом и закрывающиеся за ним снова и многое другое.

За время сооружения этого тоннеля были освоены новые технологии, которые приняты на вооружение не только в России, но и в других странах. В частности, технология химического закрепления неустойчивых грунтов в зонах тектонических разломов.

Вечная мерзлота, осыпи, обвалы, тектонические разломы и обилие подземных вод делают эксплуатацию тоннеля чрезвычайно дорогим удовольствием. В тоннель каждую секунду сбрасывается 1200 кубометров воды. Река Окусикан, протекающая в тех краях, питается термальными источниками, поэтому не замерзает зимой (температура воды около 15 градусов), что создаёт дополнительные сложности.

Ввод в эксплуатацию Северомуйского тоннеля дал возможность безостановочного движения по БАМу тяжеловесных грузовых поездов (до его открытия такие составы приходилось расцеплять и перемещать через обход частями). Время в пути на участке сократилось с 2 часов до 25 минут.

Тоннель построен как однопутный, двускатный (уклон от середины к обоим порталам). Величина уклона – 6 тысячных в одну сторону и 7,5 тысячных в другую.

Участковая скорость при проходе через тоннель составляет до 48 км/ч, техническая – до 56,8 км/ч.

Компания «Российские железные дороги» (РЖД) инвестирует в развитие Северомуйского тоннеля более 776 млн. рублей до 2017 года. Об этом сообщила ИТАР-ТАСС в пресс-службе Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД).

«В рамках программы развития тоннеля запланирована реконструкция его дренажной системы, модернизация конструкции пути, систем вентиляции и подогрева воздуха, модернизация системы пожарной сигнализации. Кроме того, будет внедрена система автоматизированного мониторинга, геодинамической безопасности пути и тоннеля», – отметили в пресс-центре.

По-разному сложилась судьба двух посёлков, построенных как базы для строителей тоннеля. Посёлок Тоннельный, расположенный недалеко от западного портала, выселен и стёрт с лица земли. Его жителей переселили в соседний посёлок Северомуйск, некоторые уехали в южные районы Бурятии.

Расположенный у восточного портала Северомуйск стал одним из многих бамовских посёлков. Здесь живут люди, работа которых связана с обслуживанием железной дороги и, в частности, Северомуйского тоннеля. В план достроечных работ вошло благоустройство Северомуйска, строительство нескольких капитальных зданий и всей необходимой инфраструктуры.

«Проблемы ветхого жилья на БАМе и развития образования в Бурятии обсудил в ходе своей рабочей поездки в Москву глава Бурятии Вячеслав Наговицын. Вопрос был поднят на встрече с министром регионального развития РФ Игорем Слюняевым», – сообщает пресс-служба главы и правительства РБ.

Как сообщало ранее ИРА «Восток-Телеинформ», на программу переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда в зоне Байкало-Амурской магистрали должно быть выделено почти 600 млн. рублей, где 290,35 млн. рублей – средства федерального бюджета и столько же средств республиканского. Первым муниципальным образованием, где началась реализация мероприятий по переселению, стал Муйский район. После него на очереди Северобайкальский район и г. Северобайкальск. В 2013 году на эти цели предусмотрено свыше 629 млн. рублей, в 2014 – более 677 млн. рублей, в 2015 – свыше 732 млн. рублей. В общей сложности на мероприятия по переселению до 2015 года будет направлено 3 млрд. 160 млн. 660 тыс. рублей.

Заключение

Как известно, человеческая жизнь не вечна. Приходит время, когда люди начинают анализировать прожитые годы, задумываться о пройденном жизненном пути. Часто мы задаём себе вопросы: «Для чего жили и как жили?». Строители Северомуйского тоннеля, впрочем, как и строители всего БАМа, на мой взгляд, счастливые люди. Несмотря на все перенесённые беды и страдания им удалось, живя на Земле, оставить на ней свой неизгладимый след. Как говорилось и писалось, БАМ – это будущее нашей страны, будущее нашей Родины. Кто бы ни пришёл к власти, какой бы не установился общественный строй, им не обойтись без северных территорий, а БАМ направлен туда!

Я низко кланяюсь строителям Северомуйского тоннеля, живым и мёртвым. Это без всякого преувеличения герои нашего времени! Я глубоко убеждён, пройдут годы и строителям БАМа будет дана реальная оценка.

Арнольд ХАРИТОНОВ

г. Иркутск

Член Союза российских писателей, Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РФ.
Член литературно-экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Сад в деревне Дубрава

Рассказ о матери бамовского бригадира Леонида Казакова

«Мы в Сибири не гости, а хозяева. И работать хотим, думая не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне». (Из выступления Леонида Казакова на XXV съезде КПСС 2 марта 1976 года.)

Знаменитому бригадиру было тогда 25 лет. За плечами у него были не только два бамовских года, но и проложенная трасса Хребтовая – Усть-Илимская. Неплохое начало судьбы!

Сегодня на дворе не только завтрашний, а послезавтрашний день. КПСС осталась в истории, которая нынешним 25-летним кажется такой же далёкой, как, к примеру, правление на Руси Ивана Грозного. БАМ давно построен. Впрочем, работы на магистрали ещё хватает – электрификация, вторые пути, развитие...

Первый среди равных

Но сейчас не об этом. Сейчас – о том, что имена прославленных некогда бригадиров подзабыты, а молодым вообще неизвестны – недолговечна земная слава. Те, кто ехал на эту громкую стройку зелёными юнцами, шагнули в пенсионный возраст. Но для нас, кто был свидетелем их тяжкого труда, на котором они зарабатывали не только радости и награды, но и многие печали и болезни, эти люди навсегда останутся в контексте славного того дела, которое они сделали на земле Сибири.

Для меня многие из этих людей остались в всю жизнь друзьями, добрыми приятелями. Пролетевшие с начала стройки сорок лет (а ведь было это как будто вчера!) вовсе не обесценили тот громадный труд, который выпал на их долю. Только неприязнь к пафосным определениям не позволяет мне назвать их жизнь и работу подвигом.

Я часто задумываюсь – почему, когда вокруг столько скверны, пьянства, разврата, преступности, эти ребята не поддались многочисленным соблазнам, а выбрали совсем другой путь – отправились в Сибирь, чтобы создавать новую действительность? При этом всё мелкое, слабое, суетное отсекалось, искатели приключений, любители сумасшедшего заработка и проходимцы отсеялись, как плевел от зёрен, а те, кто остались, в большинстве своём – гвардия стройки. Они вынесли всё – и тяжёлый труд, и суровый климат Сибири. И даже обычный советский бардак, помноженный на громадность трассы, их не испугал – они, как могли, противостояли ему. Так откуда они взялись, эти чудо-богатыри? Да спрячьте свою ироническую усмешку – если вы увидите их на фотографиях тех лет, вам придётся согласиться со мной.

Потому я решил посмотреть, в какой же семье вырос хотя бы один из них. Остановился на Леониде Казакове, в то время самом титулованном бригадире не только на западном участке, но, пожалуй, на всей трассе – в 25 лет Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС... Кто жил в те времена, тот знает – ещё неизвестно, какое из этих званий выше. И при этом не зазнался, остался тем же скромным улыбчивым парнем, каким лет восемь назад приехал в Сибирь и начал работать в бригаде брата Василия. Когда же брат надумал возвращаться на свою малую родину, бригада единодушно выдвинула на бригадирство Казакова младшего.

И вот добираюсь до посёлка Климово Брянской области, где жила мама Леонида Мария Михеевна, его младшая сестра Маша с мужем и сыном. Сейчас прикинул – было это 28 лет назад...

Климово, июнь 1986 года

Ранним летним утром я вышел на длинную пустынную улицу. Она была зелена почти по-деревенски, но листья деревьев уже потеряли весеннюю свежесть, они глянцево-темны; во дворах можно разглядеть яркие цветы. Воздух чист и прохладен. На скамейках кое-где сидят старички, они долго смотрят мне вслед...

А дальше – по дамбе, в горку, к нескольким двухэтажным домам, один из которых носит нужный мне адрес. Вот мне уже открыли дверь маленькой двухкомнатной квартирки, и встречает меня вся семья: Маша, Мария Давыдовна, её муж, стройный блондин, офицер милиции Слава, их сын Алёшка – любопытный нос, смородиновые глаза... И Мария Михеевна – мама, бабушка, тёща. Я сразу понял, откуда у Лёни мягкая, какая-то застенчивая улыбка, чуть опущенные уголки глаз...

В эти летние дни мы подолгу разговаривали с Марией Михеевной, оставшись вдвоём – Маша уходила на работу, Слава на службу, Алешка в свой детский сад. Говорили про всё – про жизнь в Климове и в Иркутске, про урожай ягод и грибов... Как было до войны и после неё... И про саму войну, конечно, говорили – тот, кто жил «под немцем», не забыл этого до конца жизни. А она жила, да с ребятами...

Заботы материнские

Вот про них-то, про детей да внуков, всё больше и говорили. Про старшего, Ивана, который жил в Нелидово Калининской области, про Василия, что в Прилуках на Черниговщине (это за ним Лёня потянулся когда-то в Сибирь); про Николая, он в аж в Сочи обжился. Про Сергея, младшего, он один из сыновей и остался в Климово, шоферит. Про Лёню – само собой...

– Вишь, сыны все хороши, не обижусь, – негромко, как будто улыбаясь про себя, говорит Мария Михеевна, – да разлетелись кто куда. Вот и живу у дочки. Она ласковая. И зять добрый...

Как ни странно, беспокоил её больше всех... Леонид.

– Скажи, – допытывалась она, – ты ведь его знаешь... Не слишком высоко он поднялся? Высоко, сама знаю, что высоко... Да быстро очень... Не надо бы так-то...

Я разубеждал её как мог. Говорил, что поднят он за свой труд, действительно большой и тяжёлый, дорогу ведь построить – не крышу в деревне починить. Что человек он по натуре скромный, никакая гордыня его не одолеет, так что маме опасаться нечего. Она слушала, качая головой и вздыхая.

Тревога эта поселилась в ней с тех пор, как полежала она в кремлёвской больнице, куда сын трижды определял её на лечение. Помогло ей, правда, мало, да и что могло помочь изношенным, изработавшимся её суставам? Предлагали операцию, да она побоялась... А уж больница такая хорошая, как дворец, врачи и сестрички такие внимательные! Так и вернулась домой с воспоминаниями о больничном великолепии и ясным ощущением тревоги за сына, который может легко, да целых три раза, определить её, старую, в самую лучшую в стране больницу.

Так уж устроено материнское сердце – оно постоянно тревожится и за детей, и за их детей. Чтобы не было им плохо – несытно, холодно, чтобы болезни их миновали... Особенно за души их тревожится – правильно ли живут, если в достатке и почёте – по заслугам ли этот почёт, да по силам ли такая ноша.

Когда Леонида показывали по телевизору, и они садились смотреть всей семьёй, в комнате становилось радостно и празднично... Мария Михеевна всегда думала – неужели это он, её Лёня, первый из послевоенных детей, обычный мальчишка, стал таким большим, сильным и уверенным; сидит на зыбком экране и говорит с солидными и учёными людьми о таких вещах, которые в их деревенском доме и присниться не могли?

«Эта привычка к труду благородная...»

Выросли дети, стали большими и умными, живут в разных концах, в разных городах, кто дома строит, кто дорогу, камни режут, машины водят. Главное – люди все хорошие, хвалят их, отмечают.

Как же они воспитывали их в трудные эти времена, как смотрели за ними, что выросли они все стоящими людьми, надёжными работниками?

Мягкая, ускользающая улыбка чуть трогает уголки её губ.

– Да не воспитывали мы их, правда, – говорит она, и руки, беспокойные руки матери, привычно теребят фартук. – Просто жили как умели, работали... Я ведь и заданий у них проверить не могла, ликбез только и окончила. Да и у Давыда – три класса церковно-приходской школы. Но учились все хорошо, не обижусь. Не знала, чтобы, как у других, в школу вызывали, никогда такого не было, хоть и шестеро в школу выходили, в Чуровичи. Не скажу, чтоб сильно радостное детство у них было, особенно у старших. Всё знали – и нужду, и голод, и страх – война была... Собирали по полям старую картошку, я её тёрла и оладьи пекла. Да какие там оладьи? Не зря тошнотиками их называли – синие какие-то, аж до черноты. А работали как! Весь дом на них держался. Отец, бывало, собирается на пастьбу, их с собой берёт, приговаривает: пошли, ребятё, на курорт! Пастьба известно какой курорт – набегаешься за день не хуже собаки... А для них, и правда, курортом была.

У них в дому никогда не кричали, не было необходимости. Труд и уважение в семье – вот их главное воспитание. «Кто привык с малку трудиться, тот всё перенести может», – любила говорить Мария Михеевна.

Леонид не раз звал её: «Приезжай, мам, посмотришь, какая она, Сибирь, как мы там живём». «Сыночек, – отвечала, – куда я, старая, двинусь? Кости к земле тянут. Какой из меня помощник? Это раньше бы я приехала, у меня бы там цветы цвели, огурцы, помидоры зрели!» «Да не помогать я тебя зову, – сердился сын, – просто погостить». Она отмахивалась, зачем, дескать, вам такой гость, который помочь не может? Вот и поговори с ней...

Как-то я ушёл по делам в посёлок. А когда вернулся, никак не мог найти Марию Михеевну. Пришла на обед Маша, тоже всполошилась – куда же она могла исчезнуть? Кинулись искать. И нашли. Она лежала на земле возле грядки с чахлыми всходами и лёжа полола какие-то сорняки. Стоя не

могла, не позволяли больные ноги. «Работа эта малая, – говорила она, как бы оправдываясь, – Никто другой её и делать не станет, разве что Алёшка, но его, бегунца, разве заставишь? Самая моя работа!»

– Как сейчас стало добро! – любила повторять она. – Детей выучили, в люди вывели... Только внуков нянчи, работай помалку, сиди на лавочке, отдыхай... Вот как всё неправильно... Только жить да радоваться. А тут здоровья нет. Да и оно бы ничего, да вот ноги...

– Смотрю на своих ребят, – какие они все молодые, здоровые! Сердце радуется! – говорит она с такой уже знакомой мягкой улыбкой. – И страшно тоже – а вдруг опять война, ведь мои сыны все к ней успели... Таких, как они, прошлая и смела. Да ладно! Может, пронесёт? – смахивает она кручину, как паутинку со лба. И смотрит на меня с надеждой, как будто я могу её материнские страхи развеять. – Как съедутся все, с жёнами, с детьми – нет больше праздника! То-то разговоров, шуток, смеху, веселья!

– Как, – удивляюсь я, – здесь, у вас, все собираются? В двух маленьких комнатах? Ведь тесно...

– Да чего тесно! – искренне удивляется она. – Свои же все! И приезжают летом, по теплу. Так и спят на полу покотом. Самое весёлое время! Никак не наговоримся, не навспоминаемся.

Дорога. Следы войны

Мы с Марией Михеевной чуть не с первого дня после моего приезда сговаривались съездить в Дубраву, в деревню, где родились все её послевоенные дети – Леонид, Мария и Сергей. Да всё как-то не складывалось – путь неблизкий, до автобуса надо добраться, к тому же он редко ходит, да и тряско в нём, тяжело для больного, старого человека. Наконец, удалось сговориться с местными газетчиками, и я подкатил прямо к её подъезду на чёрной «Волге», самом роскошном советском лимузине. Пожилая женщина с видимым удовольствием расположилась на мягком сиденье, и мы отправились. Туда, где прожила семья 28 послевоенных лет. Куда вернулся с фронта муж, Давыд Никитович, да здесь и остался навечно – откликнулась через годы война, доконали старые раны.

Война... Она и стала главной темой нашего дорожного разговора.

Въехали на длинную улицу большого села.

– Ясиновка, – сказала Михеевна и горестно поджала губы, – до войны мы здесь жили, да и под немцем... не жили, а спасались кое-как... Это шутка в деле – человек на фронте, а я одна с тремя детьми! Да ещё мальчишки... На улицу я их сильно-то не пускала, да разве их удержишь? Убегут, а сердце-то у меня – ну болеть! Напрокудят чего-нито, а это тебе не свои дяденьки – враги, немцы, по-русски не понимают, да при оружии, им что большой, что маленький, всё равно «рус»... Пристрелят, и глазом не моргнут.

До этого я побывал в музее и переписал в блокнот цифры потерь по Климовскому району. Вот он, тот блокнот, сохранился...

7229 человек ушли на фронт и не вернулись.

1015 человек оккупанты замучили и расстреляли, 1846 молодых людей угнали в Германию.

Сожжены четыре средних, 24 неполных средних и 45 начальных школ.

Уничтожено 166 колхозов, три машинно-тракторных станции – а в них было сто тракторов – какое богатство по тем временам!

А сколько деревень сожжено, сколько крестьянских изб!

Мария Михеевна считает, что Ясиновке ещё повезло – только раз расстреляли каждого десятого, всего шестнадцать человек – каждый муж, отец, жена, мать. Спешно покидая село, сожгли несколько изб. Кто виноват, что одна из них оказалась Казаковых? Слава Господу, что все живы остались, не каждой семье так повезло. А хата что? Её и заново недолго отстроить...

– А вот и тот колодец, – кивнула головой в левую сторону от дороги Михеевна, – помнишь, я рассказывала...

Конечно, я помнил... Дело было зимой. В этот колодец в отчаянии прыгнула партизанка, которую везли на телеге полицаи, два дремучих мужика. Они в него даже стрелять не стали, мол, сама замёрзнет, а на выстрелы партизаны могут объявиться, дело к ночи. Наутро её чуть живую из колодца извлекли, собирались сдать немцам, но поставленный фашистами староста, человек пожилой, обременённый большой семьёй, дал ей бежать... Рисковал, конечно. Но уцелел.

История эта известна, она даже в какой-то фильм эпизодом вошла. Партизанку эту звали Мария Коршун. Она потом письмо в село написала, благодарила людей, которые её спасли. Но опоздала – старосту сразу после освобождения села от фашистов к стенке поставили, суд над изменниками Родине был короток, никто и разбираться, слушать его не стал. Мария Михеевна, которая пережила запредельный ужас оккупации, горестно изумлялась: как же так, расстрелять человека, который поневоле пошёл в старосты, не узнав, кто он, что он?.. Такова ещё одна страшная гримаса войны.

На родном пепелище

За разговорами да по сухой дороге – дождей давно не было – не заметили, как доехали до деревни Дубрава. Собственно, деревни никакой не было, была одна длинная прямая дорога на месте главной улицы да какие-то развалины в конце её. Но сады-то, сады – беременные урожаем, они зелёными тучами нависли над дорогой, ветки гнулись от обильных плодов. Плоды ещё не созрели – до августа далеко. Вот только собирать их будет некому – нет деревни Дубрава, как будто не было.

Впрочем, желающие собрать есть – на дворе 1986 год, предприимчивые люди появились, приезжают на грузовиках, набивают кузова, и на базар. Да и то слава Богу – что же добру пропадать?

Такая судьба у семьи Казаковых: один их дом смела война, другой не пощадило время...

Исчезла куда-то деревня, как будто ураганом её унесло. Только среди высокой травы, злой крапивы, лопухов и чертополоха угадываются контуры бывших изб и подворий. Исчезли палисадники, пропали колодцы, овины и баньки, нет ни одной крыши, чтобы аистам свить гнездо.

Это для меня она исчезла. Но не для материнской памяти. Мария Михеевна ходит по своему подворью, грузно опираясь на палку, тяжело переставляя больные ноги. И всё узнаёт. Да она ничего и не забывала. «Иди сюда, здесь добрая путинка», – гостеприимно показывает она в кромешные колючие заросли. И я сразу узнаю это новое слово – ну конечно, путинка – это маленький путь, дорожка, тропинка – и саму эту путинку вижу, которая вдруг откуда-то взялась здесь и, как ниточка от волшебного клубка, повела по саду, не давая колючкам причинить хоть малое зло и гостью, и хозяйке. И повела не абы куда, а к тому месту, где когда-то была изгородь с воротцами в поле, по которому вилась и исчезала вдаль дорога. Здесь она когда-то стояла и смотрела вслед своим ребятам, которые сначала уходили в школу в Чуровичи. «Скроются из виду, а сердце-то ну болеть – вдруг волк встренет, а то и лихой человек?»

А потом – один за одним – ушли, чтобы уехать в дальние дали. Отсюда начиналась дорога бамовского бригадира Леонида Давыдовича Казакова.

А чуть в стороне под крестами и звёздами лежат отцы и деды. Деревенский погост... Здесь нашёл вечный покой Давыд Никитович Казаков, землепашец и солдат, колхозный бригадир и пастух.

Мария Михеевна была, как всегда, ровна, приветлива... Но как ни хорошо она держалась, горечь матери большого семейства, пришедшей на родное пепелище, была видна, она незримо текла из её глаз, чувствовалась в суровой складке губ, в отвердевших скулах. Слёз не было, печаль её была ровна. Но я почти физически чувствовал, как ей тяжело стоять там, где когда-то в скромных радостях, в трудах и заботах текла её жизнь. Где раздавались простые, понятные и вечные звуки – свист косы, детский смех, утренний крик петуха, мычание коровы... Сейчас тихо, совсем тихо кругом. Слышно только, как жужжит пчела, где-то вдаль щебечут птицы да изредка кукушка начнёт отсчитывать годы чьей-то жизни.

Но ведь не зря стояла на земле деревня Дубрава, нет, не зря. Жители её пахали землю, растили хлеб, строились... Перемогали войны, принимали земляков, лишившихся в лихолетье крова... Встречали рассветы, пели песни, играли свадьбы, рожали детей, чтобы потом стоять у прясла и смотреть, как они уходят... Такова она, жизнь.

Прощание

Намаявшись за день, Мария Михеевна рано легла спать. Тут же под тёплым бабушкин бочок пристроился Алёшка. И заканючил: «Бабуся, расскажи сказку». «Устала я сегодня, Алёша», – сквозь полудрёму ответила бабушка. «Ну, хоть коротенькую... коротю-ю- юсенькую», – не унимался внук, и по его голосу было видно, что понял он – будет ему сказка. И правильно понял – последнее, что я услышал, засыпая, был мягкий бабушкин голос: «Ладно, слушай сказку про козью хатку...».

Когда Леонид ещё работал на БАМе, он пользовался любой возможностью, чтобы вечером на Киевском вокзале сесть на поезд «Москва-Новгород-Северский», утром сойти на маленькой станции Климово. Пройти знакомыми улицами, войти в знакомый подъезд, нажать кнопку звонка... Услышать шорох, шаркающие старческие шаги. Замерев, ждать, когда тебе откроется дверь...

Но... ничего этого нет и больше никогда не будет. Потому что давно уже нет мамы. Миллиарды людей живут на свете, а её, единственной, нет. Никогда не повторится её жизнь. Жизнь замечательной женщины Марии Михеевны Казаковой.

Да и Леонид уже не тот чубатый парень, лихой бамовский бригадир. Сорок лет назад начал он – один из многих – строить главную свою дорогу. Работы на его век хватило с избытком. Глядь, а уже надо получать пенсионную книжку.

Мария Михеевна и Давыд Никитович Казаковы (фото из архива автора).

Недавно я звонил в Климово. Мне отозвался звонкий девичий голос, и я представил молодую, красивую женщину по имени Маша. Но вдруг спохватился, что и для неё минуло двадцать восемь лет. И ведь мог забыть, зачем звонил. Вспомнил! И поздравил Марию Давыдовну с шестидесятилетием. И Алексей четвёртый десяток разменял, взрослый, самостоятельный мужчина.

Что делать, жизнь не остановишь... Но и горевать по этому поводу бессмысленно – подросли дети, вырастут внуки... правнуки.

Жизнь продолжается, и это прекрасно!

Анатолий ПОДЗАРЕЙ

г. Протвино, Московская обл.

Анатолий Иванович Подзарей – автор книги «Мы строили БАМ не в белых перчатках» (Протвино, 2008).

Участвовал в строительстве восьми тоннелей Байкало-Амурской магистрали. Прошёл путь от рядового инженера до руководителя крупного подразделения – тоннельного отряда №16 Управления строительства «БАМтоннельстрой».

Работал на строительстве (с 1975 г.) 12 лет и все годы вёл дневниковые записи.

Из документальной повести «Мы строили БАМ не в белых перчатках»

Сентябрь на Байкале

В своей жизни я повидал много интересных мест нашей страны. Побывал в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, Прибалтике, Карпатах. Но такой особенной красоты, как сентябрь на севере Байкала, не видел нигде. Осень здесь короткая, один месяц без снега – это сентябрь, но под конец месяца уже первый снег выпадает.

Когда поднимаешься на перевал «Пихтун» между Северобайкальском и Нижнеангарском, перед глазами открывается панорама: сопки в жёлтых пятнах берёзовых перелесков между хвойных лесов. Справа, там где обрываются горы, открывается бескрайняя ширь голубого Байкала. Воздух ядреный и прозрачный – на другом берегу видны далёкие цепи гольцов и кучевые облака над ними. В такие минуты душа рвётся вверх, хочется взлететь птицей и нестись над водой навстречу солнцу.

В начале сентября я вернулся из отпуска. Отдыхал в Одессе и Керчи. Купался в водах Чёрного и Азовского морей. На автомашине объездил Крым, Днепропетровскую и Донецкую области, и в конце августа, когда на деревьях стали появляться первые жёлтые листья, меня потянуло на север Байкала, в тайгу. Проезжая в поезде от Донецка до Улан-Удэ, я не отрывался от вагонного окна, наблюдая, как меняются краски природы приближающейся осени. Пролетая в самолёте из Улан-Удэ до Нижнеангарска над Байкалом, я видел берега, покрытые жёлтым покровом осени и любовался ставшим родным озером.

С первых дней выхода на работу сразу окунулся в производственные дела, объездил все промплощадки тоннелей, побывал в забоях, провёл оперативки и необходимые совещания с линейным персоналом и главными специалистами. Заехал в райком партии и получил задание срочно побывать в подшефном колхозе «Победа», ознакомиться с ходом заготовки сена и принять все меры к выполнению задания.

14 сентября на моторной лодке я выехал в село Байкальское, где расположен колхоз. В поездку взял с собой Голубничего, главного диспетчера, а лодку попросил у своих рабочих, больших любителей рыбалки и охоты Олега Алтунина и Александра Ткачева. У них была лодка с двумя моторами, она стояла в гараже на берегу в районе первой стройплощадки. Лодка оказалась большой – настоящий катер с каютой. Завели мотор «Нептун» и понеслись по водной глади. День был воскресный. Стояла тихая солнечная погода. Байкал был на редкость красив. Мы не отрывали взора от панорамы, окружающей нас.

Больше половины пути я сидел за рулём и несколько раз наблюдал, как на зеркальной глади появлялись головы нерп. Мои спутники хватались за ружья. Через полтора часа за крутым мысом мы повернули к берегу, где у небольшого причала стояли несколько рыбацких катеров. От причала тянулась пыльная дорога в деревню. Это было село Байкальское.

Директор колхоза Василий Григорьевич Болдовский был мне знаком. Раньше, с 1979 по 1981, он был председателем Ново-Уоянского поселкового Совета. Я часто останавливался у него, когда проезжал из Северомуйска в Нижнеангарск. Получив полную информацию о ходе косовицы и побывав у наших людей, во второй половине дня мы решили возвратиться в Северобайкальск. По ходу мы заехали на Слюдянские озёра, которые находятся на половине пути между Северобайкальском и селом Байкальское. Эти три озера расположены в живописной долине и протоками соединяются между собой и Байкалом. Пока ещё не тронутые цивилизацией водоёмы по размеру небольшие, в среднем по два километра в ширину и пять в длину, неглубокие, вода в них прозрачная, видно песчаное дно. В летнее время вода прогревается на всю глубину. Озёра служат прекрасным местом для отдыха.

За озёрами поднимается гряда сопков, в которых в давние времена каторжники добывали слюду для изготовления стекла. До сих пор по склонам сопков видны отвалы породы, выданной из горизонтальных шурфов. Заехав на первое озеро, мы обнаружили стаю уток. Началась охота. Под вечер взяли трёх крупных уток. На костре приготовили ужин. Пока готовили еду, на озере заиграла рыба. Ребята были здесь не раз и рассказали, что здесь водятся большие окуни, щука и сорога.

Поздним вечером вернулись к Мысовым тоннелям, втащили в гараж лебёдкой лодку. Поездка в подшефное хозяйство по Байкалу, посещение наших работников на сенокосных лугах, знакомство со Слюдянскими озёрами и общение с природой оставили неизгладимое впечатление и дали большой заряд энергии для преодоления проблем, связанных со строительством тоннелей.

Анатолий ГОРБУНОВ

г. Иркутск

Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийского конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена, имеет грамоту Королевского посольства Дании и Фонда «НСА-2005», лауреат премии Международного конкурса детской и юношеской книги им. А. Н. Толстого.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Бабушкины уроки

Рассказ

Юрию Горбунову на память о детстве

Любит бабушка Арина вихрастого Юрку больше всех из внуков. Часто говаривает:

– В нашу, Горбуновскую, родову пошёл. Всего-то тринадцать лет парнишке, а в травах разбирается пуще взрослого. Лекарь!

– Испортишь огольца, – не выдержал дедушка Николай. – Пустое это дело, травки-муравки...

– Память у тебя девичья! – взбурлила кипятком бабушка Арина. – Вспомни, кто нашу Жучку спас, когда её змея ужалила? Юрка отваром чабреца отпоил. А кто тебе шипицу на мизинце соком чистотела выжег? А чьими, скажи, венниками в бане паришься? Ты, что ли, их наготовил и развесил на жерди под крышей? Ходить мало-мало стал, так сразу и закомандовал, кому что делать...

Дедушка Николай стыдливо устался в пол. Прошлой весной у него отказали ноги, и он ходил, держась за стенки. Бабушка Арина и Юрка лечили ворчуна живым лекарством. Начерпают в мешок рыжих муравьёв, принесут домой, дедушка Николай залезет в него по колени и слезами умывается. Кусаются-то лесные усатики похлеще овода.

– Бабушка, вылечи, пожалуйста, дедушку от девичьей памяти, – пожалел Юрка.

– Это я быстро! – расхохоталась бабушка Арина. – Дам ремня и в угол не емши поставлю.

Водит она внука по окрестным лугам и перелескам, собирают разные травы, любуясь на мохнатеньких пчёл и поджарых кузнечиков. Каждой былинкой интересуется Юрка: «Эта от чего... а эта...».

Бабушка Арина едва успевает объяснять. Приятно ей, что внук тянется к знаниям, как зверобой к солнышку. Всё она знает, всё умеет. И грыжу зашепчет, и от испуга избавит. Зубы на белене заговаривает и голову правит. Малых ребятшек из дальних плаваний на сушу возвращает: выпотрошит из щуки проглоченную рыбку, высушит, истолчёт в порошок, споят его ночному капитану – тягу к морю как рукой снимет.

Когда начали возводить Братскую ГЭС, внук давай агитировать бабушку махнуть на стройку, лечить комсомольцев. Согласилась было, но тут же опомнилась.

– У нас своих комсомольцев девать некуда: Томка, Галька, Валька, Вовка, дедушка... Лучше лебеды пороссятам насеки и запарь.

Живут Горбуновы в посёлке Ново-Ленино, в своём доме. Хозяйство держат, огород сады. Юркина мать, Мария, с дочками и сыночками крутится белкой в колесе. Бельевая верёвка, натянутая в ограде, вечно завешена пелёнками да распашонками. Отец работает в кооперации, уходит рано, приходит поздно. Вся опора у Якова – сын и бабушка Арина. Младшие горбунята только и умеют огурчики с грядки таскать и уросить. Дня не проходит без приключений: то крапивой обожгутся, то шишку на лоб себе поставят. Бегут со слезами к Юрке вавку лечить. Тот на неё подует, поприговаривает:

У мошки заболи,
У комариков заболи,
У вякушки заживи...

И спровадит шалуна к бабушке Арине на дальнейшее лечение. А та потерябит за ушко, вытрет слёзы подолом чистенького фартука и страху нагонит:

– Боженька ослушника покарал! Если будешь верхом на заборе ездить, одежонку рвать, или у колодца ошиваться, ещё не так накажет.

– Бабушка, а Боженька где живёт? – осторожно поинтересовался Юрка.

– Известно, на небе, – перекрестилась она. – Кто старшим перечит, ведёт себя плохо, тому достаются от него кривая судьба и дырявое счастье.

Юрка живо представил кривого на один глаз соседа и проржавевшее насквозь ведро, давно валявшееся за огородом. Такой доли себе парнишка не желал и старался всё делать так, чтобы понравилось Боженьке.

Однажды отец простудил почки. Нужной травы у бабушки Арины не оказалось.

– Сбегай, Юра, к Малой Еланке, – попросила она. – Растёт по тамошнему ручью белозор. Сам – низок, стебелёк тоненький, пять округлых беленьких лепесточков, а серёdochка золотая. Шибко от почек помогает. Только смотри, не заблудись!

Жаль Юрке отца. Мигом собрал котомочку, свистнул верную Жучку и отправился искать белозор.

Идёт по родному краю. В небе дикие голуби вьются, по сторонам берёзки хороводы водят, поля колосятся. Через дорогу суслики перебегают. Жучку дразнят. Жёлтенькие овсяночки на кусточках звенькают: синь-синь, си-ти-ти... Высь высокая. Даль далёкая. Раскинуть бы парнишке руки, обнять ненаглядную родину, да некогда: отец хворает. Топают Юрка – пыль из-под сапог винтом клубится. Видит, семенит навстречу старичок, постукивает посошком о дорогу, словно проверяет её на прочность. Жучка бросилась к нему – хвостом виляет, ластится!

Юрка сдёрнул с вихрастой головы кепчонку, вежливо поклонился:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, подорожник! – старичок остановился. – Водички не найдётся?

Юрка достал из котомочки манерку, тот отпил чуть-чуть и вернул, улынувшись:

– Куда путь держим?

– Траву белозор ищут. Отец хворает, – затуманился парнишка.

Старичок огладил седую бороду и ласково заворковал:

– Знаю такую травку. Дойдёшь до развилки, свернёшь налево и упрёшься в ручей. Там и найдёшь, что ищешь. Когда-то сам святитель Иннокентий из него пил. Раньше-то на месте Малой Еланки монастырский амбар стоял, вот святитель и приезжал хозяйство оглядеть и по окрестностям побродить. Где он ступал, там птахи гнёзда вили. Ну, ладно, шагай, подорожник, пока солнышко с голубой горки вниз не покатилося.

Юрка прошёл немного и оглянулся, а старичка и след простыл, как будто его и не было.

Ручей от развилки оказался недалечко. Берега серебрились от цветущего белозора разлившимся сияющим облаком. Парнишка аккуратно рвал заветную траву, складывал в пучочки и перевязывал стебельками кровохлёбки. Покручивая свои листочки то в одну, то в другую сторону, загадочно шелестели осины, то тут, то там раздавались таинственные шорохи. Всюду мерещился святитель Иннокентий, так почему-то похожий на старичка с посошком.

Вернулся Юрка домой на закате – уставший, но счастливый! Рассказал бабушке Арине о встрече со странным путником.

– Боженька был! Тебя на доброту проверял, – сразу догадалась бабушка Арина.

– Он же на небе живёт, – не поверил Юрка.

– Живёт-то живёт, но иногда и на землю спускается. Старичком или ещё кем нарядится и ходит среди людей, грешников уму-разуму учит, – из глаз бабушки Арины так и сыпались весёлые искорки.

На целебных настоях белозора отец быстро поправился и подарил сыну складной ножичек для сбора грибов...

В двух верстах от посёлка Ново-Ленино высится хвастливо зелёным теремом сосновый бор. С августа и до самых заморозков носит народ оттуда рыжики. Не зевают и бабушка Арина с внуком. За старание и скромность наводит их каждый раз милостивенький Боженька на свежие места, где не топтано и не резано. Вот опять с утра пораньше наткнулись на полянку. Рыжики – волнистые, ядрёные! С грибниками в прятки играют.

Юрка наступил на один и расстроился:

– Бабушка, ты ходишь тихо, а грибов набираешь больше?!

– Примечай, – делится своими секретами она. – Где кошачья лапка и подорожник, тут и рыжики. Петельками ходи, на цыпочках.

Сели на колодину перекусить, вокруг пни в брусничных шапках столпились. Спелые ягоды так в рот и просятся. Юрка не утерпел, попробовал и закатил от наслаждения глазки к небушку.

– Чистый мёд! Вот бы на зиму припасти, от простуды спастись.

– Не всё сразу, – остепенила бабушка Арина. – Потерпи, голубчик, до завтра...

И не обманула. Разбудила Юрку ни свет ни заря, пришли на заветный курешок, давай наперегонки вчерашним пням поклоны бить.

«Крепко держит слово!» – с уважением поглядывает Юрка на проворную бабушку, ловко обирающую отборные брусничины с кустиков.

Нащипали с горкой лукошко и, довольные, понесли в две руки лесные гостинцы маленьким горбуньятам и дедушке Николаю на радость. Идут беспечно по ухабистой дороге, навстречу беспощадному времени, роняя в пыль драгоценные ягодки.

– Синь-синь, си-ти-ти, синь-синь, си-ти-ти, – звенькают жёлтенькими овсяночками годы над полем жизни.

Ничто в этом мире не вечно! Пришла пора, и мудрая бабушка Арина переселилась в райский сад к Боженьке, где растут волшебные травы. Лечит ангелов и тоскует по земным росам.

Юрка вырос и стал замечательным врачом! Уроки доброты и милосердия, полученные в детстве, не прошли даром.

Анна АТРОЩЕНКО

г. Гомель, Республика Беларусь

Член Союза писателей Беларуси, Белорусского союза журналистов, Международного союза писателей и мастеров искусств.

Что посеешь, то и пожнёшь!

Рассказ

Раздался долгий и надоедливый звонок. Август от неожиданности даже вздрогнул. Недовольный, быстро вскочил, оглянулся. Кто посмел его потревожить в такую рань? Ещё ночь на улице. А головушку, как магнит, притягивает мягкая подушка... Неужели «небесная канцелярия» о чём-то опять напоминает? Интересно: какую важную информацию желает срочно передать? Наверное, уже напоминает, что закончился июль. Времечко быстро летит! Пора принимать эстафету! И старательно трудиться. Впереди – много дел, которые необходимо оперативно выполнить.

Смело открыл засохшую и скрипучую от жары дверь, внимательно осмотрелся. Стояла глубокая ночь. Тишь и безлюдье царили в природе. Только звёздочки мерцали на тёмном небе. И, словно давние подружки, о чём-то весело переговаривались между собой. Приветливо и широко улыбалась жёлтая луна. Видимо, жёлтоглазая опять заприметила, что Август пришёл. И, как старому другу, порадовалась встрече. Вокруг разносился терпкий аромат мяты, благоухание цветов. Пора цветения ещё не закончилось! Природа блаженствовала, купалась в тепле, зелени, разнообразных ароматах... И не удивительно! Лето ещё не закончилось. Просто наступал другой период, который предназначил незримую тропинку к осени...

Август присмотрелся к деревьям, кудрявым кустарникам. Вздохнув, с сожалением заметил кое-где жёлтые листочки – вестники осени. Неожиданно подумал: «Деревья, как и все женщины на свете, тоже старательно пытаются спрятать седину!» Но, увы: желтизна упорно выглядывала из-за раскидистых веток. Словно предупреждала: спешите, спешите! Уже осень у порога!

Взглянув на этот невесёлый сюжет, Август чутьочку загрустил. Вздохнул, но, поразмыслив, неожиданно улыбнулся. И с радостью снова оглянулся вокруг. Ведь не зря же он пришёл на землю. Не зря! Как и в прежние времена – в садах созревают душистые яблоки, груши, сливы. А на полях – ветерок колышет тугие колосья ржи, пшеницы... Хороший будет урожай! Богатый! Утром поля снова оживут. Засуетится люд, загудят комбайны, побегут по дорогам машины с зерном. Закипит работа. И не удивительно! Уборка хлебов – самый ответственный момент, требующий старательности и оперативности.

... Проанализировав ситуацию, Август направился к дому, в котором мерцал яркий свет. На этот шаг его толкало любопытство. Ведь на улице уже далеко за полночь, а в этом окне кто-то бодрствовал. Может, какие-то заботы не давали успокоиться этим людям? Или горести постучали в дверь?

С любопытством заглянул в окошко. И увидел за столом женщину. Склонив головку над листом бумаги, она усердно что-то быстро записывала. Глаза были печальными, на бледных щеках сверкали светлые бусинки слёз. Август подумал: «И почему она плачет? Разве не рада моему приходу? Или кто-то невзначай обидел недобрым словом, злым и завистливым взглядом? Ведь недаром говорят: злое слово – страшнее пистолета! Словом можно убить и возвысить человека, подарить крылья за спиной!».

Поднатужившись, Август пролез в узкую форточку. Тихонько приблизился к женщине. Протянув руку, стал нежно гладить её по мягким, рыжеватым волосам, которые издавали аромат цветущего луга. Блаженствуя и тайно радуясь, тихонько ласкал и ласкал эти волосы, стремясь успокоить милое создание. И вдруг случилось чудо. Худенькие плечики перестали вздрагивать от горьких рыданий! А щёки моментально высохли от солёных слёз. Женщина, оторвавшись на миг от своей рукописи, устало посмотрела в тёмное окно. С удивлением провела ладошкой по голове, быстро оглянулась. Но Августа она, конечно же, не увидела. Ведь он был невидим для неё!

Печать печали и отчаяния постепенно растаяли на грустном лице, как снежинки в тёплой руке. Нежный женский лик озарился лучиком робкой улыбки, глаза засияли, как весеннее солнышко. Август тайком ликовав от счастья. Значит, не всё ещё потеряно. Если женщина улыбается, в душе торжествуют свет и радость.

Пускай впереди уже осень, дожди, листопад, за которыми последует суровая зима. В своих холодных ладонях она принесёт метели, снег, морозы... Но надо помнить одну простую общеизвестную истину: каждая пора года по-своему неповторима, хороша и притягательна! Плавный переход лета в разноцветное осеннее царство создаёт особенную и удивительную красоту. Колдовские краски в природе удивляют и восхищают. И каждому подарят – светлую надежду и мечту, которым, возможно, суждено стать реальными. Если, разумеется, очень пожелать этого... Главное, преодолеть хандру в это время, жить с верой в сердце и в душе. И, несмотря на все трудности, испытания – идти только вперёд, чтобы отыскать свою дорогу жизни!

Чудеса на свете случаются! Только надо верить. И всегда быть добрее не только душой, но и своими делами, поступками. Ведь слова и даже мысли, как утверждают опытные психологи, материальны. Если не раздавишь зло в своей душе, отпустишь на свободу – добра не жди! И надо всегда помнить: зло имеет способность возвращаться обратно, как бумеранг, к создателю! И недаром гласит известная пословица: что посеешь, то и пожнёшь!

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Член литературного общества в ФРГ «Немцы из России», всегерманского интеграционного совета «Немцы из России», Международной ассоциации писателей и публицистов, а также Берлинского литературного общества «Berliner-Literaturbund» и Международного сообщества писательских союзов.

Рассказы**Охота**

Охота пуще неволи. Который день в осеннем лесу блудили охотники. Затея в голове ногам покоя не даёт. В такую глушь забрели, что самим страшно стало. Спустившись вдоль реки, они неожиданно набрели на заброшенную запретную зону, сталинский концлагерь в лесу.

Огромное огороженное пространство проросло молодым лесом. В некоторых местах стояли ещё уцелевшие кривые бараки без окон и дверей. «Железной рукой загоним человечество к счастью!» - висели на них покосившиеся красные плакаты из кровельной жести и мрачно напоминали о страшном «светлом» прошлом. Упавшие вверх ногами вышки, повалившийся забор из огромных брёвен, всюду ржавая, колючая проволока. Трава по грудь, крапива и звенящая тишина.

За забором, у бескрайнего болота, кладбище советских заключённых – строителей нового, коммунистического общества – светлого будущего всего человечества. Ржавые звёзды на железных памятниках охранников, рядом множество деревянных кривых крестов на общих братских безымянных могилах, которые исчезали вдаль, сравниваясь с болотным горизонтом. Благими намерениями устлана дорога в ад. Труд превратил человека в труп.

Сняв шапки, склонили заблудившиеся охотники головы. В ушах стоял лай собак, стоны живых скелетов, крики часовых, удары прикладов. Мольбы и проклятия, выстрелы и предсмертный хрип. Слезы вдов и сирот в далёких деревенских избах. Ночные детские молитвы...

Как же надо не любить свой народ, чтобы так над ним издеваться! Охота было идолам кабинетных икон построить новую вавилонскую башню с рубиновыми звёздами! Атеизм, мёртвые идеи, красные лозунги, громкие призывы «Всё для всех!» закончились общим кладбищем в болоте.

Очнувшись от шока, оба охотника поспешили прочь от жуткого могильника. Направление взяли по покосившимся телеграфным столбам, которые упёрлись в молодые таёжные джунгли. Зэковская, каторжная дорога, политая кровью и слезами, заросла мхом, травой, кустами, зелёным лесом. Продираясь сквозь заросли, мужики наткнулись на современный автомобиль «Ниву». Вездеход стоял в низинке. Он со всех сторон вплотную зарос деревьями и кустами. Охотники встали как вкопанные. Глаза от удивления выкатились и округлились. Они затрясли головами. Не сон ли это? Что за дела? Мираж?

Подошли поближе. Автомобиль выглядел хорошо, но заброшенно. Жутко. На багажнике, на крыше – большое старое птичье гнездо. Всё остальное завалено многолетней листвой, хвоей, ветками, паутиной, временем. Подталкивая друг друга, держа ружья наизготовку, охотники подошли к машине вплотную. Стёкла, затянутые изнутри каким-то налётом, тайной, дымкой, туманом, грязью, чем-то ещё, были не прозрачными, а матовыми. Охотник открыл дверь. Ужасный смрад ударил по ноздрям сквозь чистый лесной воздух. Оба человека отскочили от машины. В кабине сидели два скелета в трухлявой, истлевшей, пепельной одежде. Рядом лежали ружья. На приборной доске, на жёлтой выцветшей газете, стояли стаканы, сохранилась засохшая закуска – остатки бывшего лесного пиршества. Видно, желая остыть от шока, остановились на минутку эти люди прямо посреди дороги и помянули рабов Божьих, бывших красных рабов, роботов труда из трудовых армий – «простых советских заключённых». Горько стало. Выпили. Вспомнили своих пропавших родных и угорели, задохнулись в машине с работающим мотором. Застыли в минуте молчания навсегда.

Охотники вспомнили, что ещё в детстве в школе слышали, что в лесу пропали без вести два охотника с новой машиной. Солдаты прочёсывали лес, рабочие завода ездили на поиски, самолёт искал. Безрезультатно. Тайга умеет хранить тайну, особенно в запретной зоне. Выбравшись из лесу и добравшись до дома, охотники сообщили обо всём участковому милиционеру. Вскоре следственная группа закончила свою работу. Косточки через много лет наконец-то предали земле, похоронили на кладбище, а «Ниву» передали хозяйке, теперь уже старой обнищавшей вдове.

Повторно выплакав глаза, нужда подтолкнула её продать машину, избавиться от страшной памяти. Люди помогли привести машину в приличный вид и исправное состояние. Цена притягивала. «Нива» привлекала к себе блеском и товарным видом, но отшибала покупателей страшным едким запахом, который вывести было невозможно. Как ни старались всем миром: отмывали, духарили – ничего не помогало. Сколько средств вложили. Переделали обшивку, поменяли сиденья, заменили все коврики. Не помогло! Кажется, смертельным духом пропиталось само железо.

Скрыть прошлое нельзя. Любая тайна всегда становится явью. Покупатели потихоньку рассекречивали причину смрада, страшную историю страны и рокового автомобиля. Охотники исчезали. В машине мертвецов ездить не хотели. Не судьба, видно, было этому вездеходу колесить по

свету, как не судьба процветать жестокой, бесчеловечной, безбожной власти. Так и стоял автомобиль в тупике, за сараем, пока вдова жива была.

Время шло, всё прошло, быльём поросло, больная вдова подолгу не выходила из дома. Вездеход затянуло кустами, рядом выросли деревья, и каждую весну всё скрывалось из глаз. Власть перевернулась, а память осталась. Новое поколение, как новый лес, с зелёной, слепой наивностью опять ищет под солнцем счастливую дорогу в голубое небо. Каждому охота познать радость счастья вечной любви. Жизнь продолжается.

Стёпка

С полными корзинками грибов возвращался Стёпка к своему новенькому «Запорожцу», спрятанному в лесу в кустах у дороги. Наконец-то и у него появился личный транспорт. Продираясь сквозь дремучие заросли тайги, он наткнулся на огромную кучу пустых бутылок. Она давно заросла кустами, видно не первый год они здесь лежали, не один самосвал когда-то высыпал сюда в снег. Все бутылочки были целенькие. В таёжном посёлке об этом ещё никто не знал. До сих пор лес молча хранил свою сокровенную тайну.

Это же целое состояние! Стёпка не верил своим глазам. Двенадцать копеек бутылка! Здесь их несколько тысяч. Если всё собрать и сдать – работать не надо, было бы на что и гараж построить для его маленького «Запорожца», с долгами рассчитаться и, наверное, ещё б на заначку осталось. Стёпка слышал, что в Москве на центральном стадионе, после футбола, дворники пустые бутылки самосвалами сдают, и все уже на чёрных «Волгах» ездят. Живут не хуже министров.

Стёпка поставил корзинки на землю, взял бутылку, повертел в руках. Бутылка как бутылка, местами на горлышках ещё был сургуч, наклейки от непогоды и времени давно истлели. Внутри некоторых были листья, паутина, мусор, ил, вода. Придётся хорошенечко вымыть. Стёпка подогнал свой «Запорожец» и загрузил под завязку, сколько влезет, еле-еле сам влез. Осторожно, чтоб не греметь посудой, повёз клад домой. Путь неблизкий! По лесной дороге километров восемь будет. До наступления темноты успел сделать ещё несколько рейсов. На другой день оформил отпуск. Все следующие дни он тайно возил из леса пустые бутылки домой, маскировался как мог. На окнах «Запорожца» появились мафиозные шторки. Дома он всё спрятал во дворе, в сарае, в сенях, на летней кухне, на чердаке. Ворота на время были наглухо закрыты, визиты отменены. Жена и дети, соблюдая конспирацию, таскали из колодца воду, мыли день и ночь во дворе бутылки. А Степан всё привозил и привозил стеклотару.

Кругом бутылки, бутылки, бутылки, бутылки. Вскоре класть их во дворе было больше некуда. Он успокоился и подключился к санитарной их обработке. Он отбивал сургуч с горлышка, отбирал бракованные, сортировал по цвету, извлекал чуть битые и подозрительные бутылки. Мыл их со стиральным порошком, со щёткой, бензином, сушил, считал, складывал в мешки. Заготовку грибов из-за недостатка времени отменили.

«Зимой будем мармелад кушать, – объяснил он семье. – Сейчас надо деньги делать. Спешить надо. Скоро белые мухи полетят». Через полторы недели кончилось «бабье лето», начались осенние дожди. Работы во дворе по метеоусловиям решили прервать. Потирая руки от предстоящей прибыли, радуясь, как ребёнок, привалившему счастью, Степан погрузил в «Запорожец» первую партию готовых мешков с бутылками и повёз их сдавать. Но в приёмном пункте бутылки принимать отказались. Сказали, что они не винные, а из-под олифы и под пищевые продукты не годятся. У них и горлышки не подходят по размеру под винные пробки. Так что абсолютно никакого интереса. Вот так! Видно, время не пришло разбогатеть. Ещё неделю возил Степан по раскисшей от дождей дороге вымытые бутылочки обратно в лес на своё место, ругая себя за наивность и терпя насмешки всех жителей посёлка, которые прилепили к нему в ту пору кличку «Алкаш», хоть и не пил он и не курил никогда. Совсем не пил, не переваривал даже запах, потому и в бутылках разбирался слабо, хотя от природы мудрый был, рассудительный и терпеливый.

От насмешек и от обиды Степан даже в церковь пошёл. Да и прилепился. Зима в тот год была суровая, и «Запорожец» простоял до весны в сугробе. А как снег сошёл, решил Степан всё же построить для машины гараж, в несгораемом исполнении. Но с дефицитным фондовым материалом, строительным кирпичом, в глубинке было трудно. Дорогой кирпич, и его не достанешь. Пораскинул Степан мозгами и вдруг вспомнил про свои бутылочки в лесу. Опять привёз их всех обратно из леса домой. Подготовил фундамент, замесил цементный раствор и на зависть обалдевшим насмешникам сложил из них вместо кирпича прекрасный, просторный бутылочный гараж, куда свободно вмещались три «Жигуля» и «Запорожец». Внутри всё доской-вагонкой обшил, а снаружи стенки аккуратно заштукатурил. Не гараж получился, а мавзолей. Лучший на всю округу. Получилось недорого, а заодно и землю-мать от загрязнения освободил, как санитар природы. Кличка обидная как-то сама собой отсохла и забылась. Зато зауважали все Степана пуще прежнего, а из этой истории все вывод сделали: человек предполагает, а Бог располагает.

Дмитрий ФЕДОРОВИЧ

г. Гомель, Республика Беларусь
Член Союза писателей Беларуси.

Тайга

Рассказ

Есть на свете такие необъятные, неухватимые с наскока понятия, чтобы осознать которые, следует запастись терпением. Должно пройти время – и немалое, потому что сам предмет понимания – тайга – слишком велик и сложен для человека. Чтобы прикоснуться к ней душой, почувствовать её размеренную и неторопливую жизнь, нужно впустить тайгу в себя, слиться с ней, да и то по прошествии месяцев и лет часто обнаруживаются в ней новые, неожиданные грани. В этом тайга схожа с морем или горами – они также наделяют человека своим, особым пониманием.

Чтобы попытаться узнать, что же такое тайга, нужно, по моим понятиям, никак не менее двух-трёх месяцев безвылазного пребывания в крошечной лесной глуши, когда твёрдо известно, что как ни старайся – ни завтра, ни послезавтра вырваться отсюда не выйдет. Тайга должна сломать человека, довести его до состояния некоей отчаянной безнадёжности – и вот тут-то побеждённому сознанию даётся откровение: оказывается, что спешить и рваться никуда не надо, и окружающий мир любит тебя – впрочем, точно так же, как любит он всякую иную тварь, какую-нибудь сойку или бурундука. И вдруг с поразительной ясностью осознаёшь себя единым со всем миром, который зависит от тебя точно так же, как и ты от него. Душа светлеет и начинает звучать в гармонии со всем её окружающим, и тайга навсегда входит в твою жизнь – всеми своими бесконечными синими далями, сырыми туманами и щедрым пониманием того, что ты в своём существовании преодолел какую-то новую ступень. Теперь, куда бы ты отсюда ни уехал, тебя будет тянуть обратно, неотвратно и мучительно, не давая ни дня передышки и вызывая досадное недоумение в случае возвращения: да полно, что же тут есть такого, к чему нужно было так отчаянно стремиться?! Богом забытая глушь! Сейчас же, немедленно уезжать и навсегда забыть сюда дорогу! Но поздно. Тайга уже пустила корни в твоей душе, и выкорчевать их не удастся до самой смерти.

Для меня тайга началась с маленькой забайкальской станции Ингода, куда меня, призывника, спустя долгую неделю пути доставил самый главный поезд страны – Москва-Владивосток. Нет, сама станция не была таёжной, она стояла посреди раздольной тёплой степи, окаймлённой по горизонту чуть заметными голубыми горами – низкими и сливающимися с искажающей дымкой дальних пространств. Тайга началась чуть позже, под вечер, когда наши запылённые бортовые ЗИЛы с рядами деревянных скамеек стали забираться в сопки.

Тайга горела. Сизый дым стлался над землёй, затрудняя дыхание, и в намечающихся сумерках склоны пестрели оранжевыми огнями. Налетающий ветер рвал и уносил дым, но он же ещё больше раздувал огонь. Пожар охватывал несколько десятков квадратных километров – насколько хватало глаз, соседние сопки либо пылали, либо слабо дымились, где огонь уже прошёл.

Посоветовавшись, командиры приняли решение прорываться через фронт пламени. Здесь, в предгорьях, тайга была низкорослой, достаточно редкой, и вероятность того, что горящее дерево упадёт на людей, была мала, кроме того, пожар ведь идёт стеной не слишком большой глубины, и при хорошей скорости наши машины должны были проскочить на уже выгоревший участок достаточно быстро.

Так и случилось. Минута, максимум две минуты жара и дыма – и вокруг нас лишь чёрные остовы деревьев, догорающие угли и пепел. Из всего этого мне запомнились наклонившаяся над дорогой сосна, пылающая, как огромная свеча – и торопливый треск огня.

Вообще, пожары в тайге не редкость. Редкий год обходится без того, чтобы там-сям по сухой траве не прошёл низовой пал – и совсем не обязательно виновниками его являются люди. Часто тайгу зажигает молния. Ствол толще человеческой руки почти всегда носит внизу следы огня – но именно верховые пожары, когда пламя добирается до кроны, страшны в своей уничтожительности, после них остаются долго не зарастающие участки лесной гари.

Есть и иные столь же завораживающие повороты судьбы – иначе их назвать не могу, – когда в жизнь входит что-то настолько большое и могучее, что впечатывается в самые основы коренных устоев существования. Происходит это медленно, исподволь – подлинно великим силам присуща властная и бесстрастная неторопливость, они действуют в совершенно иных промежутках времени, и лишь потом, когда выберет человек время оглянуться на прожитый им период жизни, захватывает дух от грандиозности произошедшего с ним изменения. Так земля, на которой живёт народ, определяет характер и тот его внутренний дух, который, собственно, и является главным отличием народа от других.

Есть и иное. Спросите альпиниста – почему он идёт в горы? Не ответит, и не потому, что не хочет, а потому, что ответить-то очень трудно, и лишь тот, кто сам ощутил прикосновение этих могучих сил, понимает всё без слов. Так же непобедимо тянет человека и море, и пустыня, и тундра... Да и сама неуёмная жажда перемещения по лику земли сродни болезни – иначе чем объяснить, что, скажем, «Клуб кинопутешественников» в своё время так охотно смотрели миллионы и миллионы? Любопытство

и охота к перемене мест заложены в самой основе человека. Та же самая цепочка – потрясение-привыкание-любовь – ждёт нас на песках Марса, на лунных унылых пейзажах – да мало ли куда забросит человечество его будущее.

Скажу больше. К чести человечества, оно и само создаёт нечто схожее по своей силе воздействия: музыка, литература, вообще всё искусство – что это, если не осмысление окружающего бытия и творческая переработка того глубинного, что является неотъемлемым наследственным достоянием? Трепет и волнение при столкновении с произведением подлинного таланта тем сильнее, чем глубже способна чувствовать душа красоту и величие мироздания. И как порой странно и завораживающе преломляется такое чувство, какими неожиданными гранями вспыхивает оно! Грин – и его призрачно-реальные города и беззвучный шум южных портов, наполненных парусниками со всего мира, Пришвин – и нежно-неуловимое чувство зелёной даурской тайги, где растёт женьшень и живёт загадочный олень-цветок с девичьими глазами, Левитан – и величественное потрясение от грозной необъятности окоёма и исконно русского вечного покоя...

Тайга обрушилась на меня таким же потрясением. Может быть, отчасти виноват был перелом всей моей прежней жизни – совершенно другой уклад, влияние расстояния (всё же многие тысячи километров!), новые люди и обстоятельства. Поразил неожиданный контраст дневных и ночных температур – днём термометр показывал выше тридцати, а ночью температура падала до плюс пяти. За ночь на крохотной речушке, протекавшей рядом, намерзали ледяные забереги. Вообще, вода в ней была страшно холодной в любую летнюю жару, потому что, как оказалось, текла по вечной мерзлоте. Как-то в особенно жаркий день я решил несмотря ни на что искупаться – и совершенно неожиданно обнаружил, что ноги скользят по дну. Нагнувшись (и даже погрузившись с головой, что потребовало немалой решительности), я ощупал дно рукой – точно, лёд! Вода была дико, до ломоты холодна. Как можно догадаться, купание моё на этом закончилось.

Вообще, реки в долине между Яблоновым хребтом и хребтом Черского совершенно не похожи на привычные и неторопливые европейские – прежде всего размерами. Редкую здешнюю «реку» нельзя было перепрыгнуть в самом узком её месте – конечно, по большому счёту, это всё-таки были ручьи. Но ручьи полноводные, глубокие и с быстрым течением. Берега их круто обрывались до глубины полутора метров, где начиналось плоское ледяное дно. Конечно, были и более крупные реки, и прежде всего красавица Ингода. Вода в ней летела, пенилась в каменных осыпях, а течение было настолько мощным, что сбивало с ног. В Ингоде водились хариусы – бойкие изящные рыбы с огромными верхними плавниками. Вода её – ледяная, чистая и прозрачная – спешила в Байкал, и становилось понятно, почему в солнечную погоду в этом озере можно разглядеть камни на глубине в двадцать метров.

Тайга запоминается своим запахом. Запах её различается в зависимости от поры года. Летом в нём явно чувствуется особый хвойный дух, который напрочь исчезает зимою. Вообще, зимой тонкий, ни на что не похожий её аромат еле-еле заметен, и проявляется лишь тогда, когда нарушишь снежный покров и листовую подстилку под ним – мало ли зачем такое может понадобиться. И вот тут-то потревоженные, повреждённые корни растений начинают источать такой резкий и щемящий запах, что голова начинает кружиться, и бывает его так много, что желудок на такое обилие отвечает спазмом и долгим тянущим ощущением. Так пахнет багульник, и тот самый пресловутый «запах тайги», о котором поётся в песне, во многом определяется этим ломким невзрачным кустарником.

Здесь нужно уточнение. Собственно, багульником называется совершенно другое растение, низенький и неприметный кустарничек, которого полно на любом мало-мальски уважающем себя болоте. И тот поэтический, романтический багульник, цветущий на сопках, не имеет к нему никакого отношения. Просто так уж повелось – называть багульником «рододендрон даурский»... Не хочу и я отступать от этой красивой ошибки.

Насколько много в тайге багульника, понимаешь весной, когда он зацветает. Вот тогда-то, только лишь сойдёт со склонов снег, сопки на некоторое время меняют расцветку – от этого дружного цветения окрашиваются они трепетным, нежно-фиолетовым цветом. И вот тогда-то и плывёт по голой, безлиственной ещё тайге бесконечно заманчивый, непобедимо тянущий в дорогу запах.

Основная древесная порода в забайкальской тайге – лиственница. В отличие от тёмных, гнетущих ельников лиственничный лес светел, радостен и лёгок. Если день жаркий и солнечный, то ветер, гуляющий меж нежной зелени ветвей, несёт непередаваемый аромат – в нём смешалось что-то от китайских сказок и мечты дальних странствий. Даже зимой, поставив в воду лиственничные ветви и дождавшись, когда на них появится нежная зелень, можно ощутить этот плывущий по комнате таёжный дух, свежий и кружащий голову.

Однажды в летнюю непогоду мне в составе небольшой группы пришлось подниматься к вершине довольно-таки высокой сопки. Где-то далеко над Байкалом завис циклон, и его влияние чувствовалось даже на таком значительном расстоянии: который день то начинал моросить дождь, то летела мелкая водяная пыль. Небо было обложено хмурыми серыми тучами, принесёнными сюда отголоском Баргузина – так называется один из байкальских ветров. Низкие тучи скрывали окрестные вершины, и от этого мир вокруг казался неприветливым, непривычно приземистым и плоским. По склонам тонкими струйками сочилась вода, спеша в реки – вообще, в сопках трудно найти ровное место, поэтому вода там никогда не застаивается большими лужами, столь привычными для равнин.

Продвигаясь вверх по косогору, мы вошли в туман – так проявлялась нижняя граница туч – и некоторое время тяжело брели сквозь сырую белесую муть, глотая текучий влажный воздух. Нам то и дело приходилось обходить появляющиеся словно из ниоткуда препятствия, оскальзываясь на крутых участках и упрямо пробиваясь вверх. Постепенно туман стал редеть, и перед самой вершиной отряд, оставив позади облачный слой, поднялся выше тумана – и какая же потрясающая и величественная картина открылась перед нами!

Под ногами плыли облака. Яркое солнце победно сияло над ослепительно белым простором, а из этого бескрайнего моря, как острова, вздымались зелёные окрестные вершины – такие же, как та, на которой стоял наш маленький отряд. Здесь было сухо, здесь буйно цвели цветы, порхали в тёплом воздухе бабочки и звенели птичьи голоса. И это великое безграничье, эту ширь без конца и края, этот простор, куда убегали дальние ряды гор, тайга дарила нам. Не сговариваясь, мы замерли и молча смотрели на планету, лежащую у наших ног: такие вещи запоминаются навсегда, на всю жизнь.

Глубже всего проникает тайга в душу зимой. Намертво впекается холодом, сыплется снегом и отстранённо глядит бескрайним ночным небосклоном. Есть что-то мистическое в долгих таёжных ночах, в неподвижном сиянии огромных косматых звёзд, когда бесчисленные вселенные холодно полыхают над лишённой края и в то же время такой маленькой Землёй, и человек чувствует себя – нет, даже не песчинкой, а самой ничтожной крохоткой! – и в то же время странным образом умудряется вобрать в себя весь сущий мир, осмыслить своё место и возвыситься до него.

И до чего же удивительным представляется, когда после долгой дороги, после гнетущего ночного мороза впереди вдруг блеснут огни человеческого жилья!

Северный мороз лют. Что с того, что в сухом климате стужа переносится легче, чем в привычной нам европейской сырости! Когда зашкаливает за сорок, когда плевки замерзают, не долетев до земли и скачет ледяным шариком, когда лёд на реках достигает толщины полутора метров, когда единственной мыслью является мысль о тепле – кто станет обращать внимание на какую-то влажность! Тут знай не зевай: не успеешь оглянуться, как щека или нос побелели – это значит, что кровь ушла из переохлаждённого участка: обморожение.

Еду в полевой кухне привозили нам прямо в тайгу. До сих пор помню странное ощущение от армейской алюминиевой посуды: когда отпиваешь из миски верхний, самый жидкий слой горячего борща, верхняя губа обжигается, а нижняя примерзает к миске. Помню, как подставлял рукав к выхлопной трубе притащившего полевую кухню «Урала», и тёплые газы текли под не спасающий от мороза бушлат – тут не до запахов, тут лишь бы не дать улететь дармовому теплу!

Мы жгли костры. Вначале разжигался небольшой костерок, чтобы накопить побольше углей для основного кострища, а затем приходила пора костров настоящих, из цельных брёвен сушняк-сухостоя. Два бревна – в обхват – укладывались рядом так плотно, чтобы насыпаемые между ними угли не могли просыпаться ниже, и всё это сверху накрывалось ещё одним бревном. И тогда, когда занимались все три ствола, приходилось крутиться на границе страшного жара и лютого холода. Такой костёр горит долго – иногда угли от него сохраняются целые сутки.

Очень часто тлели бушлаты – малейшая искра, попадая на пересушенное сукно, тут же укоренялась и пускала вглубь ватной подкладки огненные корни. Приходилось забивать пропалины сухим колючим снегом.

Зато как отрадны после губельного мороза оттепели – всего-то до минус тридцати! В такие погожие дни на ближайшей речке происходила заготовка льда: ледник был необходим, чтобы летом можно было хранить скоропортящиеся продукты. Подгонялся грузовик, команда выбирала очищенный ветром от снега участок, и в дело шли ломы. Глыбы льда сияли на солнце радугами – там, где в момент удара на поверхности скола образовывались маленькие трещинки, в которых застревал дневной свет.

Реки промерзали до дна. Ну, может, не все, но та, на которой мы кололи лёд – промерзала. Мы углублялись на метр-полтора, и уже видно было близкое дно, хотя от самого дна лёд не брали – то ли качество его там было похуже, то ли не хотелось поднимать его из ямы. Зачем – вот она, река, бери с поверхности сколько хочешь.

Воздух, невероятно чистый, зимой может обжечь лёгкие, если дышать полной грудью. Я обратил внимание на такой удивительный факт: в любой самый жгучий мороз в глубине коренной тайги пар изо рта почему-то не шёл. Но стоило кому-то закурить или проехать рядом машине – начинал валить клубами. Вначале это было странно, но потом я понял: это как в переохлаждённой жидкости – стоит в неё упасть мельчайшей соринке, и жидкость мгновенно застынет. Так же и в чистейшем таёжном воздухе – выдыхаемому человеком пару попросту не на чем конденсироваться, но лишь стоит появиться загрязнению (скажем, дыму костра), и тут же эти микроскопические частички обрастают оседающей на них влагой.

Вообще, тайга для каждого своя. И не похожа на ту песенную и романтическую тайгу – с голубыми городами и ритмичным перестуком вагонных колёс. Но от этого не менее прекрасная и загадочная. Помню, как я был удивлён, встретив целую поляну диких синих астр – оказывается, растут такие в непролазной глуши, и дикие огненно-красные лилии растут тоже. А жарки! Такого чистого и

ясного оранжевого цвета я не встречал ни до того, ни позже. Жаль только, что нежное растение это, будучи сорванным, быстро вянет, даже если сразу поставить его в воду.

Однажды мне повезло наткнуться на грибную поляну. Подберёзовики стояли так густо, что можно было в буквальном смысле косить их косой. Я думаю, что за лето с одного этого места можно было собрать самосвал сушёных грибов – и это не преувеличение ради красного словца. Грибов в тайге, вдали от человеческого жилья, великое множество. Особенно любят они светлые берёзовые рощи – совсем такие же, как и у нас в средней полосе, только не в пример чистые и нетронутые. В южной оконечности таёжного моря часто встречаются такие весёлые места, и не следует думать, что тайга – это сплошь тёмная хвоя сосен, елей, пихт и кедров. Преобладает светлая и радостная лиственница.

Очень красива, хотя и коротка, осень. После первого лёгкого заморозка лиственничные леса вспыхивают на солнце ажурной желтизной. И эти две недели, пока осыпаются мягкие иголки, тайга стоит в дрожащем золоте, купая в ласковом ветре свои вершины и поражая попавшего в её глубь человека спокойствием и не выставляемой напоказ неброской роскошью. Жёлтые пылающие кроны отражаются в холодной синеве озёр. Созревшая черёмуха висит чёрными гроздьями – ягоды её сладковаты и терпки. Сопки по утрам спешат согреть бока под последним теплом. И над всем этим – высокое лазурное небо.

Иногда зимой в Москву привозят багульник – так же, как к мартовским праздникам везут мимозу. И если поставить голые ломкие веточки в воду, через некоторое время на них распускаются нежно-фиолетовые цветки с горьким и таким знакомым запахом. Тайга манит, ждёт и снится бывлым обитателям её синих просторов. И вновь тревожаще гудят поезда на безвестных полустанках и рвутся в свои неведомые дали...

И всё равно – не рассказать о тайге всего, что прожито, пережито и пропущено через душу. Нет, не рассказать.

Татьяна МИЛОРАДОВА

г. Красноярск

Морские камешки

эссе

Воспоминание детства – море, солнце и россыпь драгоценностей под ногами: морские камешки!

В восхищении их бесконечным разнообразием и красотой перебираешь, разглядываешь, забыв даже о долгожданном купании, бережно откладываешь самые изумительные из них, в их числе и маленькие прозрачные отполированные морем кусочки стекла – они-то для тебя самые притягательные! Взрослые противятся, говорят – это только стекляшки, выброси, нечего хлам подбирать! С горечью слушаешь их и удивляешься – как они не видят красоты в этом чуде – они искрятся и переливаются в твоих руках, словно самоцветы, и так дороги для ТЕБЯ...

Став взрослой, ловишь себя на мысли, что ты так же видишь чудо в морских камешках и «стекляшках», как в детстве – это Творчество Творца, который никогда не повторяется ни в людях, ни в листочках деревьев, ни в снежинках, повергает тебя в восторг, и ты смиренно слушаешь Учителя, сберегая, записывая мысли, открытые Им для тебя...

Вот некоторые из них, мои «морские камешки»!

Родство душ записано в Вечности... Когда-то где-то случилось непоправимое, и единые некогда разлетелись по разным мирам...

Они, воплощаясь, ищут друг друга, Родных, одного Света, как одной крови.

И даётся им благодать, когда они встретятся и узнают, услышат друг друга.

Если вспомнят, ибо память их стёрта в дальних путешествиях...

Если терпения хватит и мудрости сохранить то единство, что бьётся в их сердцах...

Если Любовь, Вера, Надежда и Доверие наполнят их Души и соединят, как капиллярными сосудами, в единое целое. Когда понимают без слов и слышат на расстоянии. И берегут, как самого себя. Так, как было до расставания.

Шанс не повторяется, он единственен, ибо не бывает трёх половинок...

Ищите да обрящете; слушайте да услышите; стучите да откроется. Берегите да благословенны будете!

Музыка мира творит Вселенную, складывая из тёмных и светлых звуков вечные и великие гармонии.

Созданная из разноцветных мелодий, свободно и прихотливо сплетающихся в единое Божье творение, партитура Вселенной принимает в себя песни всех душ.

Если душа зачерствела, онемела и не откликается пением на Чудо жизни, она рвёт мировую мелодию, искажая и меняя будущее. Не вкладывая свою ноту в общее звучание, остаётся незамеченной другими душами...

Мир огромен, бесконечен, в нём мириады душ, радующихся каждому мгновению, поющих в дуэтах, ансамблях и хорах. Пусть даже неумело, но они пытаются петь, и на их звучание приходят Родные им, и Встреча безмерным счастьем наполняет их до краёв.

Если тебе кажется, что ты неслышим, одинок, Мир забыл о тебе, не обижайся, не вини других. Ты молчишь, и как тебя услышат и найдут?

Вспомни, когда твоя Душа пела последний раз? Может быть в детстве, когда ты увидел Первый снег, или был потрясён Божьим чудом – Радугой, возникшей из ниоткуда и исчезнувшей в никуда? Или когда ты улыбнулся, и тебе в ответ улыбнулся добрый прохожий?

Ты говоришь, тебе сейчас нет причины петь? Оглянись, прислушайся, очнись – ты Живой, и Мир живой, ты часть его, Чудеса его каждый миг с тобой! Дуновение ветерка, радуга в капельке росы и даже струйки дождя, стекающие по твоей щеке, – причина для пения живой Души.

Не бойся попробовать свой голос – пусть вначале получится нестройно и коряво, но это – Твоя песня, твоё сотворчество с миром. И Вселенная, создав тебя, уже приняла твоё звучание, как и звучание каждого.

Не торгуйся с ней: «Дай мне Счастье, и я спою!» Изгони корысть из сердца и воспой, как можешь, Счастье, что Ты – Есть!

Пой с любовью и благодарностью в сердце, вплети свою мелодию в Музыку Мира, раскрой Душу свою и услышишь ответ.

Всё что ни делается – всё к лучшему. Долог Путь к пониманию этого Вселенского закона. Мы так протестуем, когда происходит что-то не так, как нам в этот момент хочется, не зная, что эта неудача отвела нас от больших потерь, чем мы даже могли подумать.

Если начинаешь слышать мудрость Господню, жизнь меняется, как по мановению волшебной палочки, сбываются самые сокровенные мечты, притом ежеминутно, прямо как в сказке из детства!

Ты принимаешь всё, даже болезнь, как урок, как награду, и с этим принятием в жизнь твою врывается Счастье от каждого прожитого мгновения, и открываются новые врата возможностей, и каждый миг происходят маленькие чудеса, которым радуешься, как ребёнок!

Да, воистину, человек предполагает, а Бог располагает. И лишь гордыня твоя может испортить гармонию твоей жизни, как вандал, рисуя по совершенному, бесценному шедевру Создателя бессмысленные, но гордые каракули: здесь был Я!

Я – Всезнающий, Хотящий, Не принимающий иных. Вечно страдающий: то солнце не так светит, то люди не те, то ветер холодный, да и мир не так повернут, не лицом, и т.д. и т. п.

А может, просто ты зашёл не с той стороны к миру, и сам не знаешь – нужно ли тебе то, что ты так страстно желаешь? И с теми людьми, от которых ты отворачивался, ты испытываешь самые лучшие мгновения в своей жизни, и под проливным дождём тебе будет уютнее, чем в пятизвёздочном отеле на Багамах...

Услышав и приняв волю Создателя, ты откроешь мир полный Любви и Гармонии, ибо ты сам будешь источником их, и это то богатство, которое у тебя никому не отнять, не обесценивающееся и не подверженное инфляции. Оно всегда с тобой и становится источником ежесекундных чудес, радости и благодарности Богу за то, что ты Живой!

Неисповедимы Пути Господни. Доверяя Ему, прими все дары Его без протеста и сомнений, и, убрав слой наносного, ненужного, ты увидишь и восхитишься красотой твоей картины жизни, прорисованной Господом, и поймёшь, как был самонадеянно слеп. Слушай сердцем, отделяй зёрна от плевел, прими мир в разнообразии, разноцветии его, и никогда не говори никогда. Самое невероятное становится очевидным, когда твоё сердце распахнуто миру! Так позволь этому случиться. Дело за тобой.

Тишина... Какая твоя тишина? Чем наполнена? Тишина не пустотна, она полна не звучащих звучаний, населена сущностями тишайшей цивилизации, где все понимают друг друга без слов.

Зародыш молчит и растёт, впитывая богатство Мироздания, его идеи и мысли. Родается Человек с криком – хочет услышать своё звучание во Вселенной, определить высоту своего звука. И слушает – что прозвучит в ответ? А в ответ – у-тю-тю, какой холёсенький! Разговаривать не умеют, что ли? Ой, кашлянул, вдруг не здоров? Ладно, заболел. Новорожденный, как камертон, отзывается на каждую мысль.

Да, благословенная тишина закончилась: жужжат как рой – мыслей, слов море, а толку?

А взрослым не терпится – когда же заговорит, скажет, что ему надо: есть, спать, где болит? Это же так удобно – не надо чувствовать, думать, использовать интуицию, развивать её.

Дети молчат, прислушиваются к странному миру...

Но тут начинается: почему не разговаривает, может дефективный, недоразвитый? Ну, уж это слишком – сами вы... Себя бы послушали... Ладно, заговорю, попробую с помощью слов хоть как-то разобраться в этом мире...

И начинает дитя задавать вопросы: почему, что это, откуда, куда, как, зачем, отчего? В ответ что-то невразумительное, а потом и вовсе: да замолчишь ты, наконец!!!

М-да... Стоило ли учиться говорить? Станный мир, странные сущности... А ещё взрослые... Как дети!

И познаёт Человек мир, и учится говорить красиво и правильно, и на вопросы отвечать. И заполняется его тишина словами, да так, что и остановить он их не может – говорит, говорит, говорит... Даже когда молчит, не умолкает.

Пока не придёт Любовь... Истинно любящим слова не нужны, они слышат друг друга без слов. Их тишина не тяготит, она исполнена теплоты и нежности, как когда-то в глубоком детстве, ещё до рождения... Они слышат друг друга и на расстоянии, и выходят на одной остановке по велению сердец, настроенных на частоту друг друга...

И если вдруг «боковым ветром» извне настройку сбило, и вы не поняли друг друга, поссорились, лучшее средство – помолчать, не дать огню разногласия разгореться, выдержать паузу. Но не наказывающе-осуждающую, а любяще-принимающую. Не жонглировать пустотными словами, способными огонь раздуть из ничего. Тишина погасит огонь, понимание придёт быстрее, и мир воцарится в вашем доме!

Так и получается: полжизни учимся говорить красиво и правильно, а главному учимся позже и труднее – молчать мудро и вовремя.

Доверие. То, что было до Веры. Надежда уже была, а Любовь вызревала, готовилась родиться. Ждала лишь сигнала проявленности доверия в мире между людьми.

Почему нам стало так страшно довериться другому, даже близкому, родному человеку? Может, корни этого страха в том, что человек не доверяет Богу и сам себе? Где-то в веках потеряв ключи, открывавшие его удивительные способности предчувствовать беду, катастрофу, уходить от опасности, мысленно передавать информацию друг другу... Всё это было когда-то в нашей власти.

Предки наши доверяли своему чутью, они не сомневались, они – Знали. И умели любоваться красотой родной земли: горами, лесами, озёрами, и даже болотами, и уважать, и беречь Матушку-природу, и благодарить за дары её.

И те, кто существовали в мире с миром, слыша его, и рождали детей в любви, те жили долго и счастливо и умирали в один день.

Когда же были потеряны ключи Доверия, и как разыскать их?

Лишь Любовь поможет обрести их вновь. Любовь к Создателю, к Миру, который тебя окружает, к Себе, такому как ты есть.

Как только человек начинает доверять своему чутью, в котором Разум, Душа и Тело едины, усиливают друг друга, тотчас разрушаются Страхи, рассеиваются, как туман под солнечными лучами. И открывается сердце, наполненное Любовью, настежь, и начинает человек Жить в Доверии, радуясь каждому мигу, принимая дары Создателя, Зная – всё к лучшему и не страшась Завтра.

Как люди теряют любовь?

Вариантов бесконечное множество, но есть самый простой, лежащий, как на ладони, напоминающий кадры из сериала...

Свет, вспышка двойного свечения соединённых вновь звёзд, когда-то разлучённых, и эйфория, буйство чувств от возвращения домой, к родной душе... И в этом единении каждый забирает у другого всё тёмное, груз прошлого, перерабатывая его в Свет, в Счастье и Радость! Любовь очищает и высветляет... Разговоры, разговоры, разговоры... Общение, глядя в глаза, сквозь стремительно истончающуюся корку прошлого уже слышны мысли и чувства друг друга... Рай Душ, Душевный Рай!

Начинается реальная жизнь, проза, зарабатывание денег – нас стало больше, их нужно ещё больше, как в анекдоте: у неё зарплата – ей хватает, у него – ему хватает, стали вместе жить – и в два раза больше не хватает... Потребности растут, общество потребителей потребляет потребителей...

И вот, работа до одури, даже любимая, изматывает, а главное, крадёт время жизни двух – некогда общаться, некогда вычищать. Души в разлуке бьются как птицы в силках, задыхаясь – нарушено то, совместное, световое кровообращение – я забираю плохое из тебя, превращая в свет, ты из меня – светимся ещё ярче!

Разговоры не о том – сколько долгов удастся отдать, кто не вымыл посуду, почему одежда разбросана... Это всё, на что хватает сил и времени. Свет тускнеет, тёмные мысли накапливаются, вычищать некогда, некому... Люди разучиваются говорить по душам, души замолкают за ненадобностью. Так исчезает Любовь.

Потом, оказавшись каждый в звенящей пустоте, смотрит на другого, чужого, изумлённо – я это Любил? Это тёмное, жёсткое и понурое?!!

Как выжить любви? Как нам научиться выбирать приоритет ценностей, на что потратить время – на возможность потрепать ещё больше, или на общение с любимыми, на возможность напиться из животворящего родника друг друга, сберечь Божью искру, разгорающуюся в Свет Любви, спасающий Мир!

Счастье... Оно так реально, так близко! Оно – это ты сам, я сама. Оно внутри нас. Лишь один миг отделяет человека от Счастья, один шаг. Нужно лишь решиться на него.

Не бояться его, не дать заслонить сердце своё страху, недоверию, неверию. Ощутить всем своим существом, что счастье возможно, почувствовать, что оно уже есть, есть как небо, как воздух, как солнечный свет.

Мы дышим, не боясь, что на следующем вдохе исчезнет воздух – слава Богу, что не боимся, а то бы точно исчез...

Почему, обжегшись на молоке, на воду дуем? А потом – счастье было так близко, так возможно... Погибло, замученное страхами – нет, не может быть, что я нашёл (нашла) свою половинку и могу быть счастливы (счастлива). Он (она) опять будут как прежние, вот уже вижу знакомые черты, которые раздражали в предыдущих союзах... Что думаем, то и получаем от Вселенной.

А разум нашептывает страшилки, и воображение старается, превращая лик любимого (любимой) в осуждаемого (осуждаемую). Тупик.

Давайте поверим друг в друга, без сомнений, в то, что Любовь соединяет сердца для счастья, мира, гармонии. Не для военных действий, не для соревнований – кто круче, кто главнее, кто правее.

«Я люблю тебя!» – мы готовы повторять каждый миг, искренно, из сердца! Почему тут же не уступаем друг другу в бытовых мелочах «ни пяди земли», как будто мы по разные стороны баррикад, почему?!!

Потом не можем вспомнить – что это было, с чего началось?

Неужели это бесконечно в людях, неужели даже Любовь не умерит пыл нашей принципиальности? И мы не доживём до Счастья, погубим его в баталиях, битвах местного значения?

Так не должно быть!

О вещах заботимся больше, чем о близких.

Мою хрустальную вазу, мы думаем, как её не разбить, бережём, а сердце любимого швыряем во все тяжкие, не думая, что оно может разбиться навсегда! Увидев осколки, удивляемся, как дети, клянём несчастную судьбу...

Может, стоит остановиться, взвесить, что для тебя важнее – убранные носки, вымытая тарелка, или улыбка и хорошее настроение родного человека? И успеть подумать, как сказать, что сказать, и стоит ли это того?

Давайте ценить и беречь друг друга больше чем вещи, и помнить о хрупкости Душ и необратимости слов и поступков. Даже разбитую хрустальную вазу не склеить, а уж Сердце...

Счастье рядом, оно в нас самих. Дайте ему шанс.

Экслибрис души уникален и единственен. Многомерность пространства синтезирует сущности, составляющие разноцветие Божьего орнамента.

Ты, как пазл – подходишь или нет в тот или иной сегмент Мирового конгломерата. Ищущий – сцепляется со своим пазлом, вставая на свой Путь. Неищущий – пытается втиснуться на чужое место, сминая себя и других: жёсткость, насилие порождают катастрофу, разрушение Творения.

Кто-то ощущает себя крохотной песчинкой, плачась на жалкую судьбу, бессмысленность существования, а кто-то – Песчинкой в Мироздании. Он понимает, что от его конфигурации, правильного места, меры действий и гибкости в отношениях с другими, зависит прочность Божьего Создания, Жизнь Мира и его уродливость или Красота.

Каждый выбирает: с какой – маленькой или заглавной буквы звучит в Мире его имя. Движения одного человека из плоти и крови, не божества, стирали с лица земли цивилизации, видоизменяли судьбу народов, стран, всей планеты.

Что ты несёшь, какой цвет, свет в структуру мироздания? Преступно недооценить свой вклад в судьбу мира – ты добавляешь в этот мир либо тьму, либо Свет, либо серость – решать тебе, не соседям или коллегам по работе.

Да, на первый взгляд в мире всё хаотично, случайно, сплошное броуновское движение... Но сколько в случайностях закономерностей!

Всегда существует тот, кто рождает возмущение среди частиц, кто-то ловкий, гибкий, подталкивающий. Стань им, а не тем, кого толкают – чувствуй пространство, многомерь. Загрёшь, спрячешься – превратишься в камешек, который все пинают, не спрячешься, камуфляж серый не поможет.

Движение – это жизнь. В этой фразе ключ ко всему. Открой себя, узнай, и иди. Двигайся вперёд, живи.

Елена ДУМРАУФ-ШРЕЙДЕР

г. Гезеке, Германия

Член литературного общества «Немцы из России». Дипломант Международного литературного конкурса им В. Шнитке (2012), лауреат Международного литературного конкурса им. Р. Вебера (2013), дипломант международного конкурса «Лучшая книга года – 2014» (Берлин). Редактор и оформитель тематического сборника стихов и рассказов «Строки, навеянные осенью...»

Тополиные провода

Рассказ

- 1 -

Случилось так, что пятнадцать лет я не был «дома» и вдруг заскучал. Да не так – поговорили и прошло. Каждую ночь себя во сне вижу пацаном, босиком бегающим по солнцем залитой улице, вдоль которой растут высокие стройные тополя. Тополь – дерево моего детства, юности, и сегодня у меня рядом с домом растут семь огромных тянущихся макушками к солнцу богатырей. Стоят они как седые старцы, окутанные прозрачной накидкой тополиного пуха, а годами – меня догоняют. Очень высокие, красивые и ровные, как свечки. Признаюсь, люблю я эти деревья!

Ранней весной в безветренную погоду встанешь под тополем, прислушаешься, и можно уловить тихие щелчки. Это лопаются почки и рождаются маленькие зелёные клейкие два-три лепесточка. Охраняемые коричневой «материнской» шелухой, они ещё целые сутки не видят света. На следующий день шероховатые остатки сорвёт ветер, лепестки окрепнут и начнут самостоятельную жизнь. А ещё через день на ветке уже радуют глаз повзрослевшие листья с жёлтой пылью, которая легко клеится к пальцам и плохо отмывается. В это время тополь пахнет смолой и этим запахом кружит голову. Хорошо! Опять весна, снова всё просыпается и зарождается новая жизнь!

Родился я в России, под Новосибирском, но с шестилетнего возраста жил с родителями и тремя сёстрами в Казахстане, в селе на юге страны. Есть у меня и старший брат, но жизнь нас развела, и мы виделись очень редко.

В сорокалетнем возрасте с женою и тремя сыновьями я переехал на родину моих предков в Германию. В один день с нами покинули Казахстан и мои сёстры со своими семьями.

Моя жена Антонина сразу заметила во мне перемену, но (ох, эти женщины!) подумала совсем о другом. Но я, всё как на духу, что меня тревожит, рассказал ей и увидел перед собою заблестевшие счастливые глаза.

– Родненький, а я как страдаю, скучаю по сестре. По телефону-то не наговоришься. Давай поедим к Галке, посмотрим, погостим, и на душе станет легче, – с облегчением заворковала она, подсаживаясь ко мне поближе.

Обсудили с детьми и внуками (их у нас уже четверо), подсчитали, во что это удовольствие нам обойдётся, и решили: сначала летим в Новосибирск, к моему старшему брату, ну а потом рванём в Казахстан, к Галке. Благо, сейчас турбюро все хлопоты с визами берёт на себя. Взяли оставшийся отпуск, все отгулы и, упаковав два больших чемодана с подарками и продуктами (мы-то ещё не забыли, как было туго перед отъездом в девяносто пятом), счастливые улетели на три недели.

Не ожидал я, что сидя в самолёте с таким трепетом буду ждать встречи с братом. Он женат на цыганке, которая наотрез отказалась ехать со всеми в Германию. Весь полёт с Антониной не разговаривал, вспоминал всё, что меня связывает с Фёдором. Он в семье старший ребёнок, я – младший, и разница между нами двенадцать лет. Нянить, конечно, ему меня приходилось, мама заставляла. Но как только я подрос, мне казалось, он меня не замечал. А вот когда в аэропорту, прослезившись, долго обнимал меня, с силой прижимая к своей груди, я был счастлив, что у меня есть старший брат. Хотя ему давно за шестьдесят, а он ещё ничего, крепкий мужик! К моему стыду, я его не узнал и, если бы мы встретились на улице, прошёл мимо.

Хорошо нам у них было. И Рада, жена Фёдора, не скрывала радости, что братья встретились. Показали нам, как сын и дочь с семьями и внуками живут. Водили в театр, правда, так захотели женщины, на дневной спектакль «Старик Хоттабыч». А в выходной все вместе посмотрели гастролирующий в Новосибирске московский цирк. Через несколько дней я поймал придиричивый, разглядывающий меня взгляд Рады:

– Борис, смотрю на тебя, ты весь седой. У Фёдора даже нет столько. А мне ты помнишься мальчишкой в коротких штанишках на нашей свадьбе. Кажется, в тёмно-коричневую клеточку, на подтяжках, – и, улыбнувшись, вышла из комнаты, позвав Антонину с собой на кухню. Я задумался о штанишках, которые запомнила Рада. Опять навалились воспоминания из моих тревожных снов, и, когда вернулся брат из аптеки с лекарствами для жены (здоровье её не балует), я его попросил:

– Федя, давай съездим в нашу Сосновку. Посмотреть хочется. Стоит она ещё на этой земле?

– Стоит! Теперь уж никуда не денется? Вот, родни там никакой больше нет. А село поднялось, как северяне его выкупили. Даже асфальт по улицам проложили. За последние шесть-семь лет и фермы отстроили заново и школу отремонтировали. Говорят, детский сад новый строят. Значит, лучше стали жить, раз молодёжь женятся и детей заводят.

– Постой. Как это так, северяне село выкупили? А как же совхоз?

– Да всё это на те непонятные ваучеры, с которыми мы не знали, что делать. А умные люди поразмыслили и вот, путное дело сделали. Вот, все бы так! А многие норвят только урвать верхушки

да с деньгами сбежать. Знаешь, сколько в округе хозяйств разорили москвичи, а Сосновке повезло с хозяином.

– Так что, хозяину принадлежит весь совхоз?

– Да, да! И пашня, и скот, и сад-огород. А совхоза там нет, давно развалился. Приехали северяне, остатки от так называемого бывшего совхоза выкупили и начали восстанавливать. Когда двенадцать лет назад они здесь появились, то и я хотел назад в Сосновку податься. Уж больно скучно мы в городе жили, но остались возле тестя с тёщей жить.

– Фёдор, не говори, что из-за моих родителей остались. Кто тебя, почти пенсионера, принял бы. Дик – нынешний хозяин, со всей округи молодёжь собирал, да специалистов.

– А ты кто был? Дипломированный пенсионер, который без надобности, – услышали мы из кухни, и Фёдор согласно кивнул.

– Да, Дик кого попало к себе не берёт. И правильно делает. К порядку молодёжь приучает. Попался во время работы подвыпивший – сразу и без особых разговоров расчёт даёт. Вот мужики и не пьют. Прогул без причины – предупреждение. Второй – расчёт. Поэтому и работа идёт. Порядок и дисциплина там. Кому хочется без тёплого местечка остаться? Работают у него по договору, где всё прописано. Теперь и поощрения уже даёт работникам. Слыхал я, сейчас свой молзавод строят, а потом конюшни будут. Вроде бы Дик любитель лошадей. Правда, первые годы, пока капитал не наработал – люди тоже бедствовали. Многие уходили. Да и в других местах не лучше было. Здесь как бы частное предприятие – должен платить. А то, что в государственных учреждениях годами работники не получали оплату, так никто не вспоминал и не требовал. А теперь говорят, в Сосновке хорошо! Бывший бухгалтер – трактористом работает. Лучше у Дика трактористом, чем где-то специалистом, – рассмеялся Фёдор.

– А кто он, этот Дик? Мафиози?

– Да кто её знает? Какая она, мафиозия? Его в первый год до полусмерти избили, долго на костылях ходил, но не уехал. А в третий – два раза поджигали. Ну а потом он вооружился, и все отстали. А сейчас государство на его стороне, деньжатами помогает, в пример ставят, в прошлом году по телевизору показывали, как сам Путин к нему в хозяйство приезжал.

– Фёдь, а наш дом ещё стоит? – под впечатлением услышанного рассказа спросил я.

– Не знаю, браток. Я ведь тебе рассказываю тоже понаслышке, да что в газетах пишут. Я же там больше и не бывал.

– Что так? Ты же школу там окончил?

– Не сложилось, да и дела в тех краях не было, чтобы попутно заехать. Как после Армии вас в Казахстане навестил, приехал сюда, поступил в институт, Рада меня сразу и охмурила.

– Фёдор, ну-ка вспомни, как всё было? Не ты ли меня охмурил своими чёрными глазами. Да усы, усы чего стоили! Вот я и не устояла, – раздался смешливый голосок, и улыбающиеся женщины появились в дверях из кухни.

– Так, давайте съездим, посмотрим.

– Нет, нет. Я не могу, – отказалась хозяйка. – У меня домашние дела. Стряпать буду.

– Борь, и я останусь. Поезжайте вдвоём, – сказала Тоня и ушла следом за Радой.

– Федя, а ты как? Братишка, давай съездим. Не отправишь же ты меня одного? – надавил я на чувство ответственности старшего брата за младшего и улыбнулся. – Хочется посмотреть Сосновку. А то меня сны из детства достали. Вижу себя совсем пацаном, как среди высоких тополей бегаю, – и я вспомнил короткие штанишки, о которых говорила Рада.

– Ну что ж! Раз такие дела, поехали. Вот завтра с утра на электричке и тронемся, а к вечеру вернёмся.

- 2 -

Осень, разбросав по тротуару багровые краски, овладела настроением прохожих и, не давая опомниться последним тёплым денёчкам, вошла в свои права. Ранним прохладным утром сидя в электричке, я ощущал рядом тёплое плечо брата, и по телу растекалось ранее незнакомое чувство. «Вот, это да! Что за сентиментальность? Мне пятьдесят пять, а таких, родственных чувств ещё не испытывал. Жаль, потерялись мы с братом в этой жизни. А Фёдору, интересно, ему сейчас как?», – подумал я и косо глянул на профиль брата, похожий на отца. Но он, задумавшись, смотрел в окно невидящим взглядом, и его мысли были очень далеко. Через некоторое время, как бы очнувшись, он понял, что молчание затянулось, и сказал:

– Ох, Боря, извини, засмотрелся на осеннюю красоту за окном. Осень-то в этом году без дождей, тёплая.

И мы проговорили всё время пути, вспоминая то малое, что удалось пережить вместе. Я чувствовал, что брату как и мне всю жизнь не хватало этого приобретённого только сейчас общения.

Мы уже почти час медленно шли к нашему бывшему дому по улицам Сосновки, и Федя, показывая мне школу, клуб, магазин, почту, слесарку, электроцех и другие здания, усиленно пытался донести до моей ничего не помнящей памяти, что это и есть наша родина. Иногда он удивлялся каким-нибудь новшествами и радостно продолжал меня знакомить с родным селом. На все его рассказы моя память не реагировала, и я лишь пожимал плечами и, отрицательно качая головой, стеснительно повторял:

– Федя, я этого не помню. Не знаю. Ну, прости брат, всё забылось. Я помню только возле дома высокие тополя и на мне штанишки в клеточку (и то эту подробность я знал от Рады). Пойдём к нашему дому, к тополям.

– Да мы крутимся возле нашего дома, а какой он, не пойму. Наш дом был номер 39. Улица Победы, 39. Вот он номер, но дом не наш.

– Может, и ты забыл?

– Это ты был пацаном сопливым и не помнишь. А я из нашего дома в Армию ушёл. Ну, а вернулся уже к вам в Казахстан.

– А это улица Победы? Ах, да! Вон написано, – увидел я табличку. – Значит наш дом.

– Нет, Борис, не наш. Вход был с другой стороны, сарай на другую сторону, а перед домом резная калитка с железным забором и большое дерево дички. Это такие яблочки маленькие. Кислятина, а мы их горстями жевали, – и, передёрнув плечами, сощурился, как будто сглотив что-то кислое, он рассмеялся.

– Федя, а тополя? Тополя, где росли?

– На другой стороне улицы, – и мы вместе повернулись, но тополей тоже не было.

Увидели идущую к нам пожилую женщину с седыми высоко зачёсанными назад волосами.

– Извините, – окликнул я её. – Вы, случайно не старожитель в Сосновке? – И направился к ней. Женщина, не глядя на меня, молча прошла мимо и, подойдя к Фёдору, сказала:

– Федя, здравствуй! Не узнаёшь?

– Ну как же, узнал. Здравствуй, Аннушка, здравствуй, – улыбаясь, пожал протянутую руку, открыто разглядывая женщину.

– Я думала, не узнаешь. А мне внук сказал, что чужие люди по улице ходят и какой-то дом ищут.

– Аннушка, а это наш младший, Борис.

– Здравствуйте. Да, годы никого не сберегли, – и, улыбаясь раскосыми выцветшими глазами, пожала мне руку.

– А ваш дом дальше, он теперь тридцать третий номер. Уже лет десять-двенадцать назад первые дома сгорели, там теперь детский сад строят. Вот номера и передвинули. Значит, тридцать третий сейчас будет.

– А тополя где? На нашей улице росли высокие тополя? – не удержался я с расспросами.

– Да-а. Были когда-то и тополя. Спилили их, давно, одни пни до сих пор торчат. Федя, так ты как ушёл в Армию и в Сосновке больше не был?

– Нет. Не пришлось как-то, – сказал брат, грустно посмотрел в глаза женщины и опустил голову.

– Лет тридцать, наверное, уже прошло, а может, и больше, как при урагане один тополь с корнями вывернуло, и он повалился на соседний, а тот у основания обломился. Первый упал на ваш дом, а обломившийся вдоль улицы и накрыл две легковые машины. Вот после этого случая все деревья и спилили. Только обломленное чуть выше спиленных пней, как напоминание, осталось торчать до сих пор.

– Как, тополь упал на наш дом? – заволновался Фёдор.

– Да не расстраивайся ты. Отстроил его новый хозяин. Расширил, перестроил, сейчас не узнаешь. Вон он. И во-он тополь обломленный стоит, – протянула она руку вперёд и, сощурился, посмотрела на Фёдора. – Федя, будет желание – заходите. Антон дома, в огороде копается, – и, не протрившись, медленно сошла с дороги и по высохшей траве-мураве пошла к своему дому.

– Федь, а кто она, эта Аннушка?

– Да так. Вроде бы была соседка. В школе вместе с её мужем учились, – но почему-то его плечи опустились и улыбка исчезла.

Мы приблизились к нашему совсем не узнаваемому дому. Фёдор замер на обочине дороги и не моргая глядел на усадьбу. Потом глаза сузились, на лице появилась чуть заметная улыбка – он думал о чём-то приятном. Но вдруг он весь напрягся, и мне показалось, в его голове замелькали тревожные воспоминания.

Не желая ему мешать, оглянувшись, я увидел на противоположной стороне улицы в кустах обломленный тополь и пошёл через дорогу. Я усиленно пытался вспомнить хотя бы ещё какую-нибудь малость из моего детства. Но ничего не мог, ничего, кроме огромных тополей, которых давным-давно нет. Глядя на потемневшие большие пни, я почувствовал, как мне стало тоскливо и в груди что-то защемило. Как же так? Я недавно видел во сне высокие, до самого неба тополя, а их, оказывается, нет уже более тридцати лет? Я дотронулся до потемневшего трухлявого остатка от дерева, обломил маленькую щепочку и, глядя на неё, подумал: «Ты оказался не таким большим и высоким. Во сне ты доставал до солнца. Жаль, но нашу встречу я иначе представлял». Тяжело вздохнув, я чуть слышно простился с моим солнечным тополиным детством и пошёл к брату.

Вдруг появилось ощущение, что кто-то на меня смотрит, и я оглянулся, но там никого не было. Лишь в небе сияло осеннее солнце, и в его лучах мне почудилась высокая качающаяся тень. «Глупости всё это!» – махнул я рукою, отгоняя видение. Но всё равно я медленно шёл через широкую улицу с ощущением, что в спину смотрят и провожают меня тополя.

Возможно, мне снились другие тополя, из Казахстана? Там они ещё выше и намного стройнее, появилась у меня маленькая надежда увидеть мой сон наяву.

– Федя, хочешь, я попрошу хозяев разрешить нам войти в дом? – дотронулся я до его локтя, и он вздрогнул.

– Нет. Не хочу. Это вовсе не наш дом, – сквозь сжатые зубы проронил брат, не довольный своими воспоминаниями. – Всё, что было хорошего, осталось в том доме, – и, опустив голову, пошёл вдоль улицы с новым асфальтовым покрытием.

– Как-то всё сложилось не так, ни дома, ни тополей, – пробубнил я. – Может, к этой Аннушке зайдём? Вы же вместе учились? – спросил я, чтобы как-то сгладить неловкость положения.

– Нет. Не зайдём. Учился я с её мужем. А её – любил. А он, пока я служил в Армии, на ней женился. Друг ещё называется?! Мне об этом написала Ленка, девчонка, которая его любила, – не останавливаясь, сказал Фёдор и размеренным твёрдым шагом, выпрямив спину, пошёл дальше.

А я пожалел, что уговорил брата совершить это путешествие.

- 3 -

Расслабившись, стоя в медленно продвигающейся очереди к окошечку, где проводился паспортный контроль в аэропорту города Алма-Ата, я видел, как волнуется Антонина. Чиновник, долго рассматривая все наши визы, наконец, вернул документы. Мы, забрав багаж, отделились на милость встречающих. Зная, что долгожданная встреча жены с сестрой Галиной не пройдёт без слёз, я терпеливо ждал окончания всех всхлипываний, поглядывая на улыбающегося Евгения, моего сваяка.

– Ну, всё-всё, девчата, поехали. Ужин на столе давно льдом покрылся, – беря чемоданы пошутил он, и направился к выходу. Я мог себе представить, какие чувства испытывают сёстры, и не торопил их. Наконец, они последовали за Евгением и, догнав на стоянке, подошли к чёрной «Таёте», которой сваяк очень гордился.

Мы прилетели вечером, при закате солнца, и меня поразила следующая картина. На удивление на привокзальной площади я слышал, как на дереве поют какие-то птицы. Поздно заходящее светило озаряло лучами не по-осеннему синее небо с лениво плывущими пышными, кажущимися от этого зарева розовыми облаками. Интересно, почему раньше, видя каждый день такой заход солнца, не замечал этой красоты? Не обращал внимания на пение птиц, голубизну неба и пышность облаков. В груди что-то сжалось, и мне стало понятно, что такое ностальгия.

Добротная машина нас быстро вывезла на Талгарское шоссе, и Евгений надавил на газ. Мы с Антониной «прилипли» к окнам машины, не переставая удивляться изменениям. Мало что изменилось в лучшую сторону. Главное, к чему был прикован мой взгляд, были тополя, как и прежде растущие вдоль всей трассы. Вот только сильно поредел ряд, наверное, и здесь ураган прошёл.

Выйдя из машины, я отметил, что алма-атинская осень явно отличается от новосибирской, с удовольствием потянулся и, вдыхая всей грудью, широко раскинул руки в стороны. Тёплый воздух легко проник в мои лёгкие, и я радостно закричал:

– Здравствуйте, земляки!

– Ты что кричишь? Поздно, людей распугаешь! – дёрнула меня за рукав Антонина, привыкшая к немецким порядкам соблюдения тишины.

– Да пусть кричит! Ну, привет, привет родственничек! – услышал я мужской голос, брата Антонины и Галины.

– О! Василий, здорово! – и я оказался в его крепких объятиях.

Войдя в дом, мы с удовольствием отметили, что родственники жены были в полном сборе. Стол накрыт по всем правилам гостеприимных хозяев, и застолье затянулось почти до самого утра.

Проснувшись далеко за полдень, я услышал во дворе голоса. Оказалось, наши бывшие соседи пришли пригласить нас на ужин. Я охотно согласился, думая, что смогу по соседству войти в наш бывший дом, который мы сами двадцать пять лет назад построили, и притронуться рукой к моим тополям. Где-то под ложечкой волнительно ныло, как будто предстояла встреча не с деревом, не с домом, а с родным человеком или давним другом.

Войдя во двор к соседям, я посмотрел на наш дом через забор. Вот это да! На моё удивление перед моими глазами «красовалась» облупленная, ещё ни разу за эти годы не крашенная резная веранда. А на террасе были натянуты бельевые веревки, на которых сушилось неизвестно какого цвета застиранное постельное бельё. Возле крыльца и в палисаднике, где раньше росли не менее тридцати больших кустов роз, удобно расположилась отара овец. Они вяло скитались по двору, подходили к террасе и доставали мордами до висевшего белья, смачно жуя его концы. Ком несправедливого негодования собрался в горле, и у меня исчезло желание заглянуть внутрь «своего» дома. Я повернул голову и увидел широко раскрытые печальные глаза Антонины, смотревшие в том же направлении.

– Бо-ря! – с трудом втягивая вместе со словами воздух, прошептала она, но я её остановил.

– Тонь, не надо! Спокойно, милая! – предчувствуя, что могут пролиться слёзы. – Тонечка, успокойся, это больше не наш дом, мы его продали, и хозяева что хотят с ним, то и делают.

– Бо-ря, это наш дом? А где мой розарий?

– Не расстраивайся и не смотри в ту сторону, – потянул я её за руку к двери, а сам вспомнил Фёдора, который тоже не захотел заходить в наш, ему ставший чужим, дом.

Куриль я давно бросил, но с мужиками каждый раз выходил на улицу. Вернулось с поля стадо. С мычанием коровы прошли по всей улице и, торопясь, входили каждая в свой двор. Не забылось, так и хотелось побежать к своему забору и открыть калитку. Жаль, но теперь уже не нужно. Без меня откроют, привяжут, накормят, подоят и всё-всё сделают без меня. Сосед поторопился в сарай, а я,

довольный, что остался один, пошёл по обочине вдоль улицы посмотреть, куда делись тополя возле моего дома. Обнаружив, как и в Сосновке, круглые срубы, я стоял, тупо глядя на с годами потемневшие пни и чувствовал, как ухудшается настроение. В висках усиленно пульсировала жилка, а из души рвалось: «Люди! Где? Где мои тополя? Почему их срубили? Это мои деревья! Я их посадил!».

– Борис, ты что загрустил? – подойдя ко мне, спросил сосед. – А-а, твои тополя? – догадался он о причине моей грусти. – Сразу же через год, как вы уехали и у нового хозяина твои запасы дров закончились, так он каждую осень валил тополь. Дольше чем на зиму не только ему и всей родне хватало. Лет пять-шесть ни уголь, ни саксаул, ни другое топливо не заготовливал. В селе таких больших тополей осталось – по пальцам перечесть.

– А на котловане тополя остались? – с надеждой увидеть хотя бы один посаженный мною тополь, спросил я.

– Только на дальнем, а остальные все срубили. Как началось с девяносто шестого сплошное безденежье, да и за деньги дров негде купить было. Да зимы суровые были, деваться некуда – нищета, вот тополя и пошли на топку. Баба Матрёна Кузьяева, помнишь её, царство ей небесное, весь забор стопила, и летники для поросят и цыплят разобрала на дрова. Да ладно, чёрт с ними, с тополями! Нашёл чего жалеть! Пошли в дом, женщины ждут. Иван Бородько и твой напарник Сашка Шеффер обещали зайти. Повидать тебя хотят.

– Ну, раз так, пошли, – и я тяжело-тяжело вздохнул. Не мог же я ему рассказать, про солнечный тополиный сон. Он бы меня просто не понял, сказал бы: «Эх, Борька, Борька, нам бы твои заботы!». А для меня стало ясно: «Прощай моя мечта встретиться с тополями детства. И к чему мне только такие сны снились? Тополей-то уже много лет как нет?»

- 4 -

В аэропорту Ганновера нас встречали старший сын Дмитрий и внученька Кэт (Катюша наша). Она расцеловала Ому, а потом меня и защебетала тихим голосочком на немецком языке, что я не успевал улавливать всё, о чём она лепетала. Нужно было сначала перестроиться с русского на немецкий язык. Сидя на заднем сидении, Катюша разглядывала новую куклу и расспрашивала Ому о поездке, а через полчаса обе заснули, и в машине стало тихо. Ехать нам два с половиной часа. Сын рассказывал о событиях, произошедших за последние три недели. Я похвалился – как все были нам рады, как хорошо принимали, и передал ему от всех приветы.

– Подарки тоже всем есть, распакуемся – получите. Кое-что привёз тебе от твоих друзей. Помнят, не забыли, расспрашивали, дали адреса, – многозначительно намекнул я сыну на расспросы его одноклассников.

А когда мы съехали с автобана, и до нашего городка оставалось не больше двух километров, сын сказал: – Пап, уже второй день возле вашего дома ведутся большие работы.

– Что? Опять как на грех какие-нибудь трубы протекают? В келлер заглядывал? Воды нет?

– Нет, пап. Там всё нормально. За вашим домом убирают большие деревья. Тополя рубят.

Я от неожиданной новости потерял дар речи и, молча повернув голову к сыну, часто-часто моргая ресницами, смотрел на него. От шока у меня, наверное, и челюсть отвисла. В горле пересохло, молчание продолжалось, и он, подумав, что я его не понял, повторил:

– Ну, пап, эти большие тополя спиливают, которые со стороны вашего балкона растут. Весь ряд убирают. Говорят, что деревья старые очень. Я думаю, к вечеру управятся.

Защемило сердце, стало тяжело дышать. Я с трудом выдавил из себя два слова: «Жалко тополей», – и, отвалившись на спинку сидения, отвернулся к окну и зажмурился. Перед глазами поплыли трухлявые потемневшие пни из Сосновки и Казахстана.

«Так вот, значит, к чему мне снились солнечные тополя? Выходит, что последние уходят. Вовремя вернулся. Хоть с этими проститься успею».

09.01.2012

Виктор КАЛИНКИН

г. Тверь

Старая фотография

Рассказ

Папа получил очередной отпуск, и мы приехали в Союз из Германии, где он служил в то время. По пути в его родное село Половское мы задержались на недельку в Москве у дяди Коли на Воздвиженке, тогда улица Калинина, в доме номер семь, рядом с Библиотекой, за углом – Манеж, Исторический Музей и Кремль.

Не зря тому, что мы в эти дни будем в Москве, откровенно позавидовал немец-парикмахер, обслуживавший нас перед отъездом в своём крошечном салоне по соседству со школой, куда я этой осенью пойду в первый класс. На работу парикмахер приезжал на велосипеде, он припадал на одну

ногу: след тяжёлого ранения на Волге под Сталинградом. А позавидовал потому, что в столице в те дни шумно проходил грандиозный праздник: Фестиваль молодёжи и студентов! И мы успели! Успели увидеть танцы и гуляния на Манежной площади (и сам манеж с кавалергардскими шлемами на огромных дверях-воротах), разноцветные толпы иностранцев на улицах, в магазинах, на ВДНХ и в парке Горького и, конечно, салют в вечернем небе. Много нового, необычного, чудного. Например, один из весёлых гостей одет был в ярко-красный трикотажный костюм, на голове шапочка, и вся одежда его увешана значками, пожалуй, кроме того места, на которое он присел на прилавок в магазине на Тверской, где я тоже отдыхал от стояния в очередях..

Наконец, мы в деревне. Утром отправились в гости к родственникам, к Кирюхиным. Между станцией и переездом – небольшой дом под яблонями. Входим, просторная первая комната, у окна напротив – стол, скамья... тишина, прохлада. Маленький худенький старичок поднялся навстречу. Папа нас, то есть меня и брата, с ним познакомил – это дедушка Проня, он всё время улыбается и покашливает. На столе – фуражка, почти как новая, с чистым васильковым околышем. Это уже поинтереснее: недавно смотрели фильм «Пролог», запомнились brave царские солдаты в таких же фуражках, но без козырьков. Спрашиваю дедушку Проню, служил ли он в царской армии. Конечно, нет, и улыбается. Наш-то служил и воевал, а дедушка Проня, на мой взгляд, оказался прост, без загадочности, без намёка на героизм. Досадно стало, но так, чуть-чуть.

Папа попросил посмотреть направо. На стене выделялся одинокий портрет. Обычно в домах с деревенским жизненным укладом, как и в доме нашего дедушки Андрея, на стенах вывешивали фотографии близких, часто – под одной рамкой.

– Это Николай, мой двоюродный брат. Он с 21-го, на год постарше. Мы дружили... Двадцать второго июня мы на Тырнице рыбачили с ночёвкой... Как началась война, так с тех пор о нём ничего не известно... лейтенант... пропал без вести... У дедушки Прони три сына, два не вернулись с войны. Старший, Георгий – лётчик. Когда средний, – весь в орденах, это наш дядя Володя, – вернулся, семья старшего брата стала его семьёй. Это его Зоя и Люда, дочь Георгия, вы ж знаете, они – ваши троюродные сёстры.

На довоенной карточке с затуманенной косой садовой решёткой по краям, – шаблон, применяемый в тридцатых многими фотоателье, – грудной портрет молодого красного командира вполоборота. На нём, как положено, гимнастёрка, португепя, по паре кубиков в каждой петлице, фуражка... Он смотрел мне в глаза... я почувствовал: оттуда, из того времени.

Не так уж и велика беда, если бы в памяти моей эта встреча заняла бы такой уголок, что вспомнил бы и о дедушке Проне, и о Николае, разве только тогда, когда подсказал бы кто, напомнил. Но нет... признаюсь, помню о них с лета того 57-го. Как мало надо, как просто: не пропустить, не опоздать, показать и сказать вовремя, пока душа ребёнка к этому готова, когда отец – твой самый главный авторитет.

Прошло время, учился, работал в КБ, ушёл в Советскую Армию, в запас, в отставку. А мысли часто: «Как он испил свою чашу?.. Залпом?.. А может, по глоточку, долго, мучительно?.. А успел ли?..»

Однажды по чьей-то подсказке оказался на сайте «Мемориал»: много чего должен был узнать о близких. Набрал: Кирюхин Николай Прокофьевич, место рождения. Подождал несколько секунд. Торопясь, нажал ещё одну кнопку и – вот она: страница донесения о безвозвратных потерях 107-й стрелковой дивизии. Скупое и ответственно – «убит в бою» 01.09.1941-го, место гибели – деревня Садки Ельнинского района Смоленской области. Адрес, куда ушла похоронка, но так и не дошла – село Половское Спасского района Рязанской области. Отец – Кирюхин П.

Начал копаться в Интернете: боевой путь дивизии, характер боев. Дивизия формировалась в Барнауле, но погибли в один день с Николаем бойцы и командиры не только с Алтая, но и из Тамбова, Челябинска, Горького, Новосибирска... да мало ли. Выхожу на сайт дивизии – тишина, но воспоминания ветеранов доступны. Читаю... они все вспоминают бои за Садки?! В конце августа деревню взяли. Впереди, недалеко, станция Нежода – рубеж. Садки удержали, пошли на Нежоду и в первых числах сентября замкнули кольцо внутреннего фронта, окружив немцев под Ельней. А Николай погиб первого сентября. Но погиб Победителем, как и товарищи его. А до Дня Победы нашим бойцам надо было ещё топтать и топтать целых три с половиной года.

Искренне жаль: ушли из жизни и дедушка Проня, и дядя Володя, племянник нашего деда Андрея, ушёл мой отец... Звоню Зое. Слышу её голос, называю себя, понемногу начинаю раскрывать причину, вдруг:

– Как?! Ты нашёл дядю Колю?!

Вздрыгнул... Вот так, ребята... все эти годы Николай – в той семье...

P.S. Состоялось открытие мемориального военного кладбища в Мытищах. Первым упокоился прах Неизвестного Солдата, воина 107-й стрелковой дивизии. Погиб в боях под Смоленском. Говорят, он с Алтая. Но пали в тех боях, – подтверждают это записи о безвозвратных потерях дивизии, – воины, представлявшие всю нашу страну, зрелые мужчины и совсем ещё пацаны. Где похоронен Николай, точно неизвестно, но пал он под Смоленском.

27.08.2013

Николай СУРОВОЙ

г. Рыбинск, Ярославская обл.

Лауреат и дипломант областных поэтических конкурсов. Обладатель приза «Крылья», лауреат и дипломант III международного конкурса «Зов Нимфея» (2010-2011 гг.). Дипломант конкурса «Литературный Олимп» (2012 г.).

Два осколка

Рассказ

Коридор кардиохирургического отделения меньше всего был похож на больничный. Скорее, он напоминал коридор гостиницы, правда, не самого высокого класса. Даже сестринский пост больше походил на место дежурной по этажу. Возле него в холле как бы пряталась небольшая ниша. Из коридора в ней просматривалась дверь с табличкой «Для участников ВОВ».

Палата частенько пустовала, наверное, потому, что участников с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Но на днях палату заселили. Привезли поздно вечером, после отбоя, и никто из больных не видел нового коллегу. Он не вышел ни на следующий день, ни после. «Тяжёлый», – предполагали мы. Самые любопытные пытались узнать у сестричек, кого же это привезли, но те хранили молчание. Несколько раз на день из палаты выходила очень пожилая женщина и, на ходу доставая папиросу из пачки «Беломора», выходила на улицу покурить. Сделав несколько не по-женски сильных затяжек, она так же молча возвращалась в палату. Но... что не в силах узнать мужчины, то доступно женщинам. Спустя несколько дней история обитателей этой палаты стала доступна для всех больных отделения.

Летом сорок пятого года Мария Васильевна, а именно так звали эту женщину, встретила вернувшегося с войны долгожданного мужа. На кителе капитана лежало четыре медали. С другой стороны, похожие на пятна запёкшейся крови, алели два ордена «Красной Звезды». И ещё пять нашивок за ранения. Три из них – красные. Тяжело был ранен пехотный капитан. Последний осколок, поразивший его за три дня до Победы, так и остался в сердце. Ни полевые хирурги, ни лучшие врачи тыловых госпиталей не решались извлечь его, боясь погубить человека.

Так и началась для капитана новая жизнь. Любое резкое движение причиняло нестерпимую боль, молнией проносившуюся по всему израненному телу. До войны он окончил педагогический институт и успел поработать учителем, но сейчас для работы в школе с непоседами учениками сил не хватало, и он нашёл своё место в краеведческом музее, уделяя много времени поиску своих земляков, не вернувшихся с войны.

Иногда его приглашали в школы, выступить перед детьми. Он не отказывал, но после этих встреч чувствовал себя полностью разбитым, как бы проживая заново трагические дни. Годы шли, жизнь налаживалась, даже квартиру получили. После барака с удобствами во дворе небольшая двухкомнатная квартирка казалась раем. Одно лишь удручало: не звенели в раю детские голоса.

Уже появилась мысль усыновить ребёнка из детдома, когда однажды в тёплый сентябрьский день, спустя неделю после того как советский аппарат «Луна-2» достиг лунной поверхности, Мария почувствовала, что у неё под сердцем зародилась новая жизнь.

По подсчётам ребёнок должен был появиться на свет в майские праздники. Радости, казалось, не было предела. Полгода пролетело как – самое модное слово в то время – ракета. Торжественным маршем прошагали первомайские колонны. Три дня спустя, придя с работы, муж вместе с товарищем принёс детскую кроватку и весь остаток вечера собирал её.

– Вот, Маруся, и место для Николая Николаевича, – довольно и, казалось, даже гордо произнёс он и вдруг, поблдев, повалился на пол.

Скорая приехала быстро. В машине Мария сидела рядом, держа его за немощную руку, как бы стараясь вдохнуть в него свои силы. Каталка скрылась за дверью операционного блока, разделив их.

Она села на стул, заботливо подставленный какой-то нянечкой, и стала ждать, застыв как изваяние, не проронив ни слова. Ждала долго. Наконец, дверь открылась. Медленно, шаркая ногами, оттуда вышел пожилой врач, поблёскивая толстыми стёклами очков, над которыми единым густым клочком нависли седые брови. Посмотрев на неё, он тяжело произнёс:

– Прости, не спас.

После этих слов доктор положил ей в руку кусочек металла и скрылся за дверью. Она смотрела на зазубренный металл, отобравший её счастье, и вдруг почувствовала, как невыносимая боль в низу живота раздирает её тело. Через несколько минут здесь же в коридоре раздался крик младенца.

Вернувшись с похорон в пустую квартиру, она увидела неоконченную пачку «Беломора» и впервые в жизни закурила. С тех пор «Беломор» сопровождал её всюду.

Николай Николаевич рос тяжело. Крупный не по возрасту, он часто болел, капризничал и успокаивался только, когда она брала его на руки. Часто бывало, что по полночи она ходила по комнате, держа его на руках. Но годам к двенадцати детские болезни ушли, парень стал заниматься спортом, и к восемнадцати вымахал огромный, почти два метра ростом, красавец детина, на которого заглядывались все соседские девчонки.

Но парень не спешил с выбором. Когда мать спрашивала, почему он не встречается с девушками, он отвечал, что такую, как мама, ещё не встретил. Николай много занимался спортом, достигнув звания мастера в нескольких видах. Мария часто рассказывала ему об отце. Может быть, эти

рассказы и послужили толчком к тому, что после окончания школы он пошёл в военное училище, да ещё в десантное.

Окончив училище, красавец лейтенант заехал домой, побыл несколько дней и отправился к месту службы. Письма приходили нечасто. Спустя два года сменился адрес. В одном из писем она получила фотографию. На снимке усатый капитан с обветренным загорелым лицом на фоне мрачных скалистых гор. Мария поняла, что сын там – в стране, с которой вроде бы и не воевали, но откуда часто приходили чёрные вести. Появилось название – «Груз 200». Тысячи матерей молились, чтобы миновал их этот груз.

Его привезли в восемьдесят шестом. Майор. Грудь в орденах. И почти полная неподвижность. Спустя неделю приехала молодая женщина, сказавшая матери, что она невеста Николая. Ещё через неделю она уехала. Навсегда. И потянулись долгие годы лечения. Его поставили на ноги. Он даже вышел на работу. В тот же музей, где когда-то работал отец. Иногда в доме появлялись женщины, но быстро исчезали. Сын стал вспыльчив, иногда буквально взрывался. Это было трудно выдержать. И только на неё он ни разу не повысил голос. Мария знала, что и у него в сердце такой же осколок, какой был у отца. И что ни один врач не берётся за операцию.

Не так давно сын сказал, что познакомился с женщиной и, кажется, готов на ней жениться. Назначили дату свадьбы. Через месяц она должна вернуться из длительной командировки и тогда...

Плохо ему стало ночью. И опять, как много лет назад, она ехала в машине скорой помощи, держа немощную руку. И ухаживала за ним в палате для ветеранов. Приступ сняли, но её смущало то, что врач настаивает на операции. Ей казалось, что врач молод, неопытен. Что с такой операцией ему не справиться. Что если... об этом «если» не хотелось думать. Зачем ей жить, если...

Она сидела у дверей, отделяющих операционный блок от остального мира. Сидела и молчала, как много лет назад.

Дверь открылась. Молодой врач, похожий на мальчишку, с крупными кудрями на голове, выбивающимися из-под врачебной шапочки, положил ей в руку кусочек металла... Всё поплыло у неё перед глазами, и сквозь густую пелену, заложившую уши, она услышала мягкий говорок с южным оттенком: – Не журишь мамаша. Поживёт сынку.

Спустя неделю, распахнув дверь отделения, в коридор тяжело вбежала женщина. Её стройный стан уже начал расплываться, и было видно, что она, как говорят, глубоко беременна. Уронив небольшую сумку, она стала стучать в дверь палаты. Дверь открылась. На пороге стояла Мария Васильевна. Посмотрев друг на друга, женщины молча обнялись, и дверь в палату закрылась.

Мартин ТИЛЬМАНН

г. Бонн, Германия

Член литературного общества в ФРГ «Немцы из России». Автор книг «Юность Виктора Коха», «Пропавшая невеста», «Das Geheimnis der Berge», изданных как на немецком, так и на русском языках.

На Низах

Рассказ

В Небесных горах, где я тогда жил, лето только начиналось. Столь поэтическое название Кыргызстан получил благодаря Тянь-Шаню. Широко раскинулись горы. Родными их считают и казахи, и узбеки, и киргизы, и китайцы. В переводе с китайского Тянь-Шань и означает «Небесные горы».

Ячмень в республике уже набирал колосья, зерно наливалось, высасывая из земли нужную для этого влагу, и достигало той спелости, которую вездесущие воробьи особенно ценят. Под тяжестью воробьиных стай ячмень гнулся и ложился наземь. Это затрудняло уборку урожая комбайном. Чтобы как-то разогнать этих любителей зерна, нас, учеников сельской школы, отправили на Низа. Так называли хозяйство, расположенное в десяти километрах от центральной усадьбы совхоза.

Нам вручили трещотки, и мы стали гоняться за неуловимой птицей. Воробьи огромными стаями с шумом перелетали с одного поля на другое, садились на ещё не окрепшие стебли и наслаждались трапезой. Мы должны были везде за ними успевать. Ах, если бы у нас были крылья!

Положение усугублялось частыми дождями. Единственное, что нас радовало, это воробьиные яйца, которые птицы теряли на лету. В одном месте, среди ячменного поля, высились руины какого-то строения. Воробьи сотнями опускались на стену и роняли яйца к её подножью. Им, очевидно, некогда было лететь к своим гнёздам, чтобы там откладывать их. Уж очень соблазнительным был ячмень в ту пору, и для воробьёв это была настоящая страда. Во время обеда мы просто разбивали собранные яйца в свои миски с супом и съедали, ибо в те военные годы супы были постными, а нам для погони за воробьями нужно было много энергии.

Для нас обустроили полевой стан. Это был большой навес, под которым мы ели и спали. Чтобы было мягче спать, нам привезли соломы, которую разостлали ровным слоем. Вот и вся премудрость. Обычно у ребят всегда было о чём поговорить. Но бег за воробьями нас так утомлял, что после обеда или ужина мы падали навзничь и тут же засыпали. Обеденный перерыв продолжался один час, так что спать днём приходилось совсем мало, и только ночь несколько снимала усталость.

Однажды ночью мы услышали душераздирающий крик, доносившийся откуда-то с полей. Все обитатели полевого стана мгновенно проснулись. Несколько всадников помчались на крик и через некоторое время вернулись с Курманбеком, нашим бригадиром, который в эту ночь проверял работу поливальщиков.

Обычно полив производился ночью, чтобы вода меньше испарялась, и растения не страдали бы от испарений. После проверки, чтобы не возвращаться на полевой стан, бригадир решил ночевать прямо в поле. Он отпустил коня пастись, а сам лёг на свой халат и уснул. Ночью его укусил за спину каракурт, один из особо ядовитых пауков – укус самки каракурта может быть смертельным. Очевидно, Курманбек во сне случайно придавил спиной подползшего паука. Укус был настолько болезненным, что Курманбек поневоле издал жуткий крик, который и услышали на стане.

Его привезли в полусознательном состоянии и хотели сразу же переправить в больницу, но старики-киргизы не позволили, решили сами его вылечить. Они сели в юрте в круг, посадив больного в центр, сняли с него рубаху и, набрав в рот воды, начали брызгать на голое тело, приговаривая шёпотом какую-то молитву. Когда мы утром заглянули в юрту, больной был весь синий, стучал зубами и дрожал, как в лихорадке. Управляющий, увидев эту картину, больше не стал никого слушать, а велел приготовить телегу, на которой бригадира отправили в больницу. Ехать надо было километров десять. Главврач больницы, увидев состояние Курманбека, возмутился поведением управляющего, который принял сторону стариков и так долго тянул с доставкой больного. Больному ввели антитоксическую сыворотку, затем дали выпить полный стакан водки, а всё тело натёрли спиртом. При испарении спирта тело, дышащее жаром, быстро охлаждалось. Курманбек больше недели пролежал в больнице.

Прошло время. На полевом стане работа шла своим чередом, но вот однажды ночью мы были разбужены криками каких-то мужчин и топотом лошадей. Все в страхе вскочили. Мы подумали, что на лагерь напали бандиты. Всадники шныряли по всему лагерю, но потом скрылись так же внезапно, как появились. Прошло около часа. Мы всё ещё не могли успокоиться; и вдруг из зарослей кукурузы вышел наш бригадир Курманбек с какой-то девушкой. У девушки было круглое, словно полная луна, красивое лицо. Однако они выглядели очень оригинально: с головы до ног обляпаны грязью. Грязные струпья свисали с одежды, с ушей и вообще... Мы не знали, что и думать. Тогда Курманбек начал рассказывать: «Я вижу, что мы своим появлением среди ночи, да ещё в таком виде, вас всех взбудоражили. Это Айсулуу*, моя невеста, я её похитил. Не делайте такие испуганные глаза, я всё объясню. Мы давно любим друг друга, и она пошла со мной добровольно. По нашим древним обычаям я должен за невесту платить калым, то есть выкупить её, но, как вы знаете, у меня нет ни денег, ни лошадей, ни баранов, которые могли бы служить в качестве калыма, как это во все времена было. Есть второй обычай для таких бедняков как я: украсть невесту и жить с ней, спрятавшись у кого-нибудь до той поры, пока её родители не простят нас, и мы сможем открыто сыграть свадьбу. Я уговаривал Айсулуу использовать этот обычай, и она согласилась. Мои друзья приготовили лошадей. Айсулуу должна была сегодня в полночь выйти из дома, мы бы её подхватили и умчались. Так и было сделано. Однако родители Айсулуу что-то заподозрили в поведении своей дочери и подговорили на всякий случай своих друзей для погони. И вот сегодня ночью мы сделали всё, как было условлено. Но когда мы с друзьями и Айсулуу уже были за селом, то услышали погоню. Мы посаkali в этот лагерь, но потом решили разделиться. Мои друзья со всеми лошадьми должны были сделать вокруг лагеря большой круг, чтобы запутать следы, а потом вернуться домой и поставить лошадей в конюшню. Мы же с Айсулуу должны были спрятаться в кукурузе и ждать, когда погоня закончится. Так мы и сделали: добежали до кукурузного поля, скрылись в зарослях, но, увы, сегодня ночью именно это поле орошалось. Мы бежали-бежали и вдруг по колена увязли в грязи. Это было так неожиданно, что мы не удержались и плюхнулись в жижу. И вот – полюбуйтесь, в каком мы теперь виде. В одном отдалённом селе у меня есть друзья, у них мы с Айсулуу и спрячемся, пока её родители нас не простят».

Так закончился рассказ Курманбека. У них была с собой большая сумка с вещами, и они решили помыться, переодеться, поспать немного и отправиться в село к друзьям.

Вскоре после этого случая на Низах разразилась страшная гроза, которая закончилась градом. Град был настолько крупным и обильным, что до корней разбил поле колосившегося проса. Оно стало пустым, как будто кто-то вытоптал растения и перемешал с грязью. Было решено всё перепахать и заново засеять, но не хватало рабочих рук. Вскоре люди заметили, что поле зазеленело, появились молодые ростки проса. От каждого корня вместо одного стебля из земли лезли по пять-шесть. Просо не только поднялось, но и заколосилось, и даже созрело. Когда пришло время уборки, люди любовались небывалым урожаем. Особенно радовался управляющий, что не успел перепахать это поле.

Пришло время уборки пшеницы. Её косили прицепным комбайном. Затем настала очередь школьников собирать оставшиеся в поле колосья. Как-то, возвращаясь с отдалённого поля на стан, мы увидели мужчину, лежащего на спине и свесившего ноги в ручей. Подошли ближе, поздоровались, но мужчина даже не повернул голову на наши шаги и голоса. Тогда мы заметили, что он не дышит. Рядом с ним лежал совсем маленький мешочек с пшеницей, которую он, видимо, нашел руками. Кто он, откуда? Мы не стали ничего трогать, а пошли на полевой стан и заявили об этом управляющему. Он послал несколько человек с подводой, чтобы привезти покойника. На полевом стане его никто не опознал. Тогда управляющий распорядился его сдать милиции. Предполагалось, что мужчина был настолько истощён, что, съев зрелую пшеницу, не смог её переварить, в результате чего и умер...

Страда продолжалась...

Юлий Стоцкий

г. Москва

Член Союза журналистов Москвы, Международного сообщества писательских союзов.

Заслуженный деятель телеискусств ток-шоу России, бронзовый призёр 2011 года Всеевропейского конкурса русской прозы.

На самых дальних островах

(Сказка)

Принцесса много в жизни нашибалась, потеряла титул, деньги и друзей. Её взяла на содержание полоумная старуха – только за то, что бы каждый день расчёсывать прекрасные волосы Принцессы, прищёптывая давно не действующие заклинания. Но Принцессе однажды так захотелось напиться от горя, что она срезала волосы и продала их, купив на это отменного зелья. Старушка-благотельница, хоть и с сожалением, но всё-таки выгнала падшую Принцессу, теперь уже с короткими, хоть и пушистыми волосами, забрав у неё ещё вдобавок её любимый перстенёк, может быть, на память, кто знает. Мы не знаем.

И вот сидит как-то Принцесса у дороги и, как положено всем Принцессам, даже падшим, ждёт своего Принца. А Принц тут как тут. Порылся-порылся в кармане расшитого камзола, да и бросил бедной девушке в старенький, но тонкий батистовый платочек, расстеленный прямо на траве, новенькую купюру. Тут Принцесса вдруг вспомнила, что она – Принцесса, и протянула ему купюру назад. И Принц удивился, как тонки и прозрачны её пальцы, и его весёлые серые глаза встретились с её усталым взглядом.

Через месяц они поженились.

Семейная жизнь и взаимоотношения с придворными складывались у них гладко, и скоро уже они должны были стать Правящей Четой Королевства.

Но Принцесса никак не могла забыть щемящего чувства брошенности и – сладости, сладости, сладости! – ожидания. И так ей захотелось испытать это опять!

И пред самым Восшествием на трон, Принцесса убежала из Дворца и поселилась на самом дальнем острове, где в полной мере могла наслаждаться своей любимой брошенностью.

А Принц всё-таки стал Королём. Три года он ждал свою Принцессу, не в силах забыть её. А потом ждать перестал и только изредка открывал шкатулку, где лежала одна старая, уже потускневшая, как и полагается, купюра.

А иногда он подходил к высокому сводчатому окну и долго-долго смотрел на море, на чернеющую гряду островов, и самый дальний из них никогда не был виден, из-за тумана...

Но однажды туман рассеялся, и его Величество подумал: «Ну почему я всегда охочусь в наших ближних лесах? Отправлюсь-ка я на дальние острова, ведь добираются же туда как-то наши купцы».

...В это время на самом дальнем острове маленькая попрошайка собиралась «на работу». Она вынула из тумбочки старый батистовый платок, который достался ей от её доброй, но непутёвой матери (вместе с умением петь несколько трогательных песенок), и маленькое зеркальце, из которого на неё взглянули круглые, как у совёнка, смеющиеся серые глаза под лохматой, непокорной чёлкой. Она подмигнула себе и тихонько засмеялась: своей смешной красотой и будоражающей весне за окном. И ничего, ничего особенного не почувствовала она в тот момент, когда Король уже ступил на этот маленький, освещённый сегодня солнцем остров.

Она вышла за дверь, зажмурилась на секунду, и молодой лёгкой походкой пошла по знакомой тропинке через редкую рощицу.

...А через два часа забредший из любопытства на базарную площадь Король, в обычном охотничьем костюме, бросил крупную купюру со своим изображением в платочек какой-то симпатичной лохматой девчонке, которая довольно средненько что-то пела. Она замолчала и в упор взглянула на него смеющимися серыми глазами, точно такими, какие были когда-то у него самого, пока в них не поселилась печаль. И слишком узкий подбородочек был такой же. Своего он всегда стеснялся, считал «немужественным» и всю жизнь прятал под русой бородкой.

Горячая волна пробежала по всему его телу: он мгновенно всё понял. Какое-то восклицание было готово сорваться с его губ. Он уже почти протянул руку этой смешной лохмушке, – своей дочери, – но остановился: «Такая уйдёт, обязательно уйдёт, а это невозможно... второй раз... просто невозможно. Нет, не сейчас, не сейчас... может быть, когда-нибудь... позже. Или никогда».

Охота, в заповедных лесах нового острова, потеряла для него всякий интерес.

На следующий день девчонка нашла в своём кое-как сколоченном почтовом ящичке конверт с Королевским гербом. Там были деньги, очень много денег, – больших красивых купюр с изображением, уже стареющего, сероглазого Короля.

А ещё через два года, когда Его Величеству доложили, что на дальних островах возникла проблема с пресной водой, он заявил, что поедет туда сам, хотя придворные и уверяли его, что такой мелкий вопрос вовсе не требует его, августейшего, вмешательства.

Наталья ШЕМЕТКОВА

г. Гомель, Республика Беларусь
Член литературного объединения «Пралеска».

Ночной гость

Рассказ

Как-то раз случилось мне остаться ночевать дома одной.

Муж уехал в командировку, дети отправились на дачу к бабушке. Я заканчивала дела в городе – закупала последние мелочи перед отъездом. Отпуск! И я его проведу в чудном деревянном домике. Завтракать, обедать и ужинать мы будем под навесом, на свежем воздухе, рядом – луг, речка, лес... Что ещё нужно для счастья?

Вот в таком блаженном расположении духа я и пребывала в этот вечер. Прибралась более тщательно чем обычно – чтобы не оставлять беспорядок, перегладила кучу белья, вычистила кухню до блеска. И с чувством выполненного долга завалилась в кровать, с книгой – люблю почитать пару страниц на сон грядущий. Тишина, красота, счастье! Ночь прохладная, только форточки открыты. Ветер занавеску колышет – слегка зловеще, как в триллерах. Я усмехнулась про себя – всё-таки сильны у нас предрассудки, связанные с ночью, темнотой, одиночеством и злом потусторонним! Ох, сильны... А дом, надо сказать, у нас одноэтажный, деревянный, старый очень. В таких только нечистой силе и селиться, да в такие ночи людей пугать. Тьфу, что за бред в голову лезет-то!

И тут вдруг слышу – по дому кто-то ходит!

«Топ-топ-топ» в стороне кухни слышалось отчётливо, словно некто осматривался, не прячась, не стеснясь. Потопал – остановился. Снова сделал пару шагов – остановился опять.

Я похолодела. Кто это?! Грабитель? Бандит? Что делать?!

Руки-ноги отнялись, не двигаются. Лежу, ни жива ни мертва. Прислушиваюсь... Прошло, наверное, всего пару минут, которые мне показались вечностью. Я сто планов в голове перебрала – начиная от «лежать и не шевелиться, авось уйдёт», «отдать ему всё, что пожелает» до «выбить окно и, как есть, в ночнушке, бежать с криком, куда глаза глядят». Вся потом покрылась липким, холодным – страшно, сил нету!!! И собаку дети ещё в начале лета на дачу свезли – как назло!

Топанье, однако, затихло. Я немного успокоилась, перевела дух. Думаю с надеждой – вдруг ушёл?! Или притаился?..

И тут слышу по направлению к моей спальне шаги – нет, даже не шаги, а этакое клацанье, словно зверь когтистыми лапами перебирает, и когтями этими преогромными по деревянному полу – клац да клац!

Топ-топ-топ, клац-клац-клац. Топ-топ, клац-клац. Медленно, с расстановкой, уверенно так.

Я, наверное, половину седых волос именно в эту ночь приобрела. Мысли в голове уже совсем другие появились – лежу и думаю: «Ради всего на свете, только не чёрт! Только не нечистая сила! Только бы человек!..»

А воображение услужливо картинку рисует, одна другой страшнее. Вот, думаю, как покажется сейчас в дверях чудище какое-нибудь! Мистические фильмы, которые когда-либо видела, все разом вспомнились. Вне себя от ужаса, оцепенев, смотрю в дверной проём где-то на уровне человеческих глаз, ожидая увидеть уже не человека, но какую-то жуткую рожу...

Топ-топ-топ, клац-клац-клац. Топ-топ, клац-клац. Близко, уже совсем близко! У самой моей спальни! Вот он подошёл! Вот он! Вот!..

В дверях – никого.

Я почему-то опускаю глаза вниз... и вижу, кого бы вы думали?!

На пороге моей спальни стоял наш местный кот-бродяга, старый бездомный... Жорик. Хвост торчком, шерсть клочками висит, одно ухо порвано, глаз выбит, и морда из-за этого кажется кривой – словно усмеяется котяра недобро. Весь – облезлый, страшный, ну, как есть, нечистая сила! Узрей такого спросонья, да ещё в полутьме – точно, зайкой бы стала.

– Мяу! – ругнулся кот.

– Ах ты гад!!! – заорала я. Силы и смелость вернулись мгновенно! – Пошёл вон!!!

Кот сиганул прочь. Я – за ним. Огляделась – никого! Нигде! Ни в зале, ни в прихожей, ни на кухне. Вроде и не было его. Так бы и подумала, что котяра жуткая только привиделась, если б под открытой форточкой на подоконнике цветок ходуном не ходил – хорошо, что не сбросил! Да ещё стоял в комнате стойкий котиный дух, который ни с чем не спутаешь. Все стены, паразит, пометил, пока я слушала, как он на кухне разгуливает! Да уж, вот гость так гость...

Ругаясь на чём свет стоит, я двинулась закрывать форточку, и за окном на ветке сливы увидела живописно расположившегося Жорика. Кот, не мигая, смотрел на меня, его глаз сиял, как огонёк свечи. Зрелище это было зловещим и сказочным.

Спала в эту ночь я плохо – мне снились страшные рожи из фильмов ужасов, моя вычищенная до блеска, помеченная котом кухня, а над всем этим, высоко в ночном небе, сверкал единственный глаз Жорика.

Никогда не думала, что кот, простой кот, может топтать, как взрослый мужчина, и своими мягкими лапками производить столько шума! Я, раньше никогда не верившая анекдоту с ключевой фразой «Котик, не топай!», теперь поняла, что это и не анекдот вовсе, а чистая правда.

На дачу на следующий день я не поехала – по второму кругу кухню отмывала. Заодно Жорика покормила – при свете дня он оказался обыкновенным котом, вовсе не потусторонним, как мне показалось ночью.

Жаль, конечно, но забрать Жорика себе я не могла – ведь у нас была собака. Дворового кота и так приручить нелегко, что уж говорить, если у тебя ещё живёт здоровенный пёс. А кроме того, у меня, к сожалению, аллергия на кошачью шерсть. Так что...

Но кота я кормила регулярно. Даже специально с дачи приезжала – посмотреть, как мой «ночной кошмар» поживает.

Страшный Жорик, хромой, слепой на один глаз, совсем не боялся собачьего духа. А может, чувствовал, что тут ему помогут? Может, ему просто была нужна еда, поэтому он и заявился ко мне в спальню?..

Как бы то ни было, к осени Жорик стал выглядеть немного лучше. А потом вдруг пропал. Я думала – всё, конец зверюге! Но по весне он объявился – худой, страшный, ещё более облезлый. Объявился, оповестив округу противным завывающим «Мья-я-я-у!».

Я, честно говоря, была ужасно рада его видеть. И снова кормила.

Да и сейчас подкармливаю. Всё-таки приятно иметь своего собственного полумистического зверя под боком.

А вам никому не нужен котик? Очень дикий, правда. Но кто знает – вдруг его удастся приручить! С выбитым плечом, одноухий и одноглазый? Самый настоящий кот из анекдота. Помните, про него говорили: «Котик, не топай!».

Август 2013

София СНЕЖКОВА

г. Гомель, Республика Беларусь

Сказка о маленькой тучке, которая стала ручейком

Жила-была одна Маленькая Тучка. От других тучек её отличала одна особенность: она любила всё и всех. Особенно она любила людей, любила смотреть из поднебесья, как они смешно суетятся внизу, и всегда, когда другие тучи хотели забавы ради намочить людей, Маленькая Тучка предупреждала их заранее раскатами грома и блеском молнии. Любила она и птиц, которые беззаботно резвились в воздухе и радостно пели весной свои бесхитростные песенки. А все остальные тучи смеялись над её столь странным для туч поведением и старались внушить ей, что все тучи должны быть злыми. Но Маленькая Тучка не хотела этого слышать и всегда отвечала им, что не хочет быть злой.

Тогда все тучи собрались на свой совет и стали решать, что же делать с непослушной и упрямой Маленькой Тучкой.

– Это безобразие! – говорили одни Тучи.

– Надо что-то делать! – говорили другие.

– Этого нельзя так оставлять! Тучи не должны быть добрыми! – слышалось со всех сторон.

И так всю ночь!

И тут одна старая туча вдруг сказала:

– Надо её отправить к самой злой туче – Тучихе! Она точно её исправит...

– Точно, только Тучиха сможет её исправить! – поддержали её другие старые тучи.

– Этого нельзя делать! Тучиху боятся даже очень злые тучи, а Маленькая Тучка ещё ребёнок! – сказала одна рассудительная туча, у которой недавно появилась своя Маленькая Тучка. Все тучи на неё подозрительно посмотрели и грозно ответили:

– Только Тучиха сделает из неё настоящую Тучу!

Вот так подавляющим большинством голосов тучи решили отправить Маленькую Тучку к старой Тучихе...

Утром Маленькую Тучку собрали в дорогу и сказали:

– Лети сначала прямо и прямо, пока не станет жутко холодно и темно, а когда станет совсем ничего не видно, ты всё равно лети дальше! Лети со всех сил, и там ты найдешь Тучиху, которая научит тебя, какой должна быть НАСТОЯЩАЯ ТУЧА!

И Маленькая Тучка полетела в том направлении, какое ей указали тучи.

Она летела и летела, а под ней проносились поля и луга, леса и люди, животные, птицы. Она любовалась на них и радовалась их счастью. А когда пролетала над одной деревней, она увидела, что её жители плачут и просят у Бога дождя, потому что им грозит голод, так как их поля погибают от засухи!

Маленькой Тучке стало их очень жалко, и она начала набухать от обилия слёз. Вдруг яркий солнечный луч брызнул на неё своим светом, и от этого света и тепла ей стало так хорошо, что она позабыла про всё плохое, и от этой лёгкости и свободы из неё полился настоящий ливень. Люди на земле обрадовались и стали благодарить Бога за то, что Он послал им спасительную тучу, которая спасла их от голода.

А Тучка полетела дальше... Она летела ещё долго-долго, под ней больше не было ни цветов, ни полей, ни деревьев, а только пустыри и пустыни. Маленькая тучка поняла: она уже близко от места назначения. Вдруг перед ней неожиданно возник ослепительный столб света – он был такой яркий, что Маленькая Тучка не могла даже взглянуть на него. Но тут прямо из этого столба света полился мягкий и тёплый Голос:

– Куда ты направляешься, Маленькая Тучка?

– К старой злой Тучихе, – ответила Маленькая Тучка.

– А зачем? – всё так же ласково спросил Голос.

– Взрослые тучи сказали мне, что я неправильная Тучка, что тучи не бывают добрыми. И поэтому они отправили меня на воспитание к Тучихе, – немного смущаясь, ответила Маленькая Тучка.

– Значит, ты согласна стать злой? – строго спросил Голос.

– Нет-нет! Я не хочу быть злой! Но что же мне делать, если так решили все взрослые тучи? – спросила Маленькая Тучка.

– Тогда тебе незачем плыть к злой Тучихе! – прозвучал голос мягко, но решительно.

– Но старшие тучи сказали не возвращаться без полученных знаний у Тучихи! – и Маленькая Тучка горько заплакала.

– Не плачь, – сказал Голос. – Я помогу тебе! Оставайся здесь, я скоро вернусь.

И столб света сразу исчез. «Как он сможет мне помочь?» – думала Маленькая Тучка. – «Я даже не знаю, кто он, и, наверное, он даже не вернётся...»

Но тут перед ней опять возник столб ослепительно-яркого света.

– Кто ты? Почему ты мне помогаешь? – спросила Тучка.

– Кто я – не имеет значения. А помогаю тебе потому, что помогать другим – это моя работа, – ответил на её вопрос Голос. – Итак, закрой глаза и ни в коем случае не открывай их, потому что, если откроешь, ничего не получится, и я больше не смогу помочь тебе.

Маленькая Тучка зажмурилась и стала ждать. Вдруг она почувствовала, что стала падать, ей стало жарко, потом холодно, а потом сразу стало хорошо-хорошо. Она услышала щебетание птиц так близко, как никогда, она даже слышала шелест листьев и шуршание травы, потом она почувствовала что-то мягкое и приятное под собой.

«Открой глаза!» – услышала всё тот же голос Маленькая Тучка, только теперь он звучал откуда-то сверху.

Маленькая Тучка открыла глаза: около неё шелестела трава, а над ней качались деревья, высоко в небе ярко светило солнышко. А стайка воробьёв попила из неё воды и стала радостно в ней плескаться.

Маленькая Тучка поняла, что стала ручейком! Она была счастлива, ведь теперь в её силах было делать столько добра, сколько ей заблагорассудится!

И вода из этого ручейка стала слыть самой вкусной в округе. А однажды, когда шёл дождь, Маленькая Тучка-ручеек услышала жалобы капель: «Мы несчастны, мы всё время должны скитаться, составлять тучи и быть злыми. Вот бы стать ручейком: ему не надо никуда спешить и никого пугать...».

Маленькая Тучка-ручеек слышала эти слова и всё больше радовалась своему счастью!

**Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.**

Сергей Есенин

П О Э З И Я

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.

Василий Андреевич Жуковский

Сергей ЧЕПРОВ

г. Бийск, Алтайский край

Член Союза писателей России.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Тревожные стихи

Слаб мой голос да тих. И всё же
Нынче тесно боли в груди.
Не лишай меня дара, Боже,
Словом душу разбередить.

Доведи строку до каления.
Ноту дай, чтоб под самый верх...
Ведь молчание – преступление
В наш жестокий и лживый век.

Правда

Всяк над нею может посмеяться,
Преподав жестокости урок.
Словно прокаженную, бояться,
Не пуская даже на порог.

Травят ясным днём и темной ночью,
Петли ставят и спускают псов...
В сытости своей никто не хочет
Слышать детский плач да видеть кровь.

Там, где страшно, – там и непонятно.
А зачем зазря тревожить дух?!
Ложь – она красива и приятна,
Тешит сердце да ласкает слух.

Ложь для многих, что пустыне – влага,
В знойный полдень – свежий ветерок.
Вот и бродит правда-бедолага,
Как побитый брошенный щенок.

Где без края льются лжи потоки,
Где в глаза друг другу нагло врут,
В мире этом, хитром и жестоком,
Правда нынче, ох! не ко двору.

Со спокойных некогда окраин
Раздаётся нынче волчий вой...
По спине мурашки: мир на грани
Новой схватки – третьей мировой.

Всё слышней в оркестре голос трубный,
Всё грозней воинствующий глас...
И с экранов видеть только трупы
Постепенно приучают нас...

Новые кликуши и пророки,
От идей безумных опьянев,
Позабывши прошлого уроки,
С пеною у рта зовут к войне.

Не убит сосед и друг не ранен.
Дом мой цел. И сам ещё живой...
Но саднит занозой: мир на грани
Новой бойни – третьей мировой.

Весь резон, как сок ненужный, выжат,
Разум же затравленно молчит...
Лишь дурак надеется в ней выжить.
Лишь безумец ищет свет в ночи.

Июль 2014

Кричит кукушка безответно.
А в крике том и боль, и жаль...
И не приветливые ветры
С дороги пыль уносят вдаль...

Калина плачет над рекою...
Пятном кровавым гроздь в песке...
Неясный гром, лишив покоя,
Грохочет где-то вдалеке...

А взгляд поднимешь: в небе синем
Чернеет тучей вороньё...
Так хочется помочь России!
Хоть что-то сделать для неё.

Нынче охаем да ахаем.
Виноваты без вины.
Не воители, но – пахари,
В ожидании войны.

И непрочный мир доколе
Нам терпением стеречь?
Не впервой, оставив поле,
В руки брать разящий меч.

Правда в вере, а не в силе, –
Лучше на слово поверь!
И с мечом к нам приходили...
Только где они теперь?!

Валентин СУХОВСКИЙ

г. Москва

Член Союза писателей России.

Лауреат литературных премий: им. Фадеева, им. Некрасова, им. Кедрина «Зодчий». Руководит литстудиями «Муза и лира» (ГЭЦКИ «Авангард») и «Златоуст» (ДК «Маяк»). Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии.

«А без них и душа растратится...»

У иконы святой

В древнем храме, где певчие нежно поют, –
Образ Спаса в червонной оправе.
Люди Господу низко поклоны кладут
И молитвою Господа славят.

У иконы святой я затеплю свечу;
Николай-чудотворец отеческим взглядом
Душу мне ободрит. Станет всё по плечу.
И дорога судьбы по цветущему саду.

В ранней юности я от родного крыльца
Вдаль ушёл и нередко терпел я обиды.
И когда не хватало поддержки отца,
Пред иконой святою молил я защиты.

И когда подступают вдруг слёзы к глазам,
А на сердце обида и боль не расходятся,
Я с надеждой и верой иду в Божий храм
К материнским очам Пресвятой Богородицы.

Николай-чудотворец отраду принёс,
И немало святых, на Руси просиявших,
Осушали лицо от нахлынувших слёз,
Прегрешенья прощали невольные наши.

У иконы святой я молитву шепчу.
Православная вера – всей жизни опора.
Как лекарством, молитвой я душу лечу,
И Господь отворяет любые затворы.

И по воле Его – умиление души
Или мужество духа в годину крутую.
Я молю: Русь Святую, Господь, защити!
Да рассеется зло, а добро торжествует!

Во дни тревог

Во дни тревог, во дни сомненья
Как сердце верой окрылить?
Эпохи вздыбленной крушенья
Дано ли нам остановить?

Когда порушены устои,
Все идеалы сметены,
Жизнь человека мало стоит
И ставят совесть вне цены.

Гроза над русскою судьбою.
Как эту бурю перенести,
Оставшись всё ж самим собою,
Храня достоинство и честь?!

1995 г.

Матица

Основательно, без сумятицы
Избу ставили на века.
Узнаю по надёжной матице
Богатырскую крепь мужика.

Глубь веков Руси не исчерпана,
И не всё врагом сметено...
То, что прадедом предначертано,
То исполнить мне суждено.

Двести лет стенам, триста – матице,
А стоит изба, как дворец!
И пока я жив, не раскатится
Ни один золотой венец!

Постучу по ним – только гуд идёт!
Корабельный кондовый лес.
Возвратится к нам ещё в свой черёд
Эра праздников и чудес.

В божьем храме люд, каясь, падал ниц,
В ратном поле русич суров.
Возродим ещё лихость маслениц
И восславим кров на Покров!

Со своей избы, с места отчего
Заповедный дух возрождать,
С милой родины, славной вотчины,
Где холмов и рек благодать.

Частослойное и кряжистое,
Отстоявшее долгий век,
Угадал душой своей чистою
Это дерево человек.

И тесал топором ладно матицу
Он, кормилец Руси, сам творец!
И пока я жив, не раскатится
Ни один золотой венец.

Я люблю избу не оклеенной,
Чтобы дерева видеть цвет,
Чтоб душою вбирать рассеянный,
Заповедный, целебный свет.

Я люблю избу вековечную
С красотой, неизменной в цене:
С Богородицею сердечною
И Георгием на коне.

А без них и душа растратится,
Не спасётся, хоть голоси...
В отчем доме стою под матицей,
Думу думаю о Руси.

Елена КАРАМЗИНА

г. Москва

Член Союза писателей России, Союза писателей-переводчиков России.

Учредитель и президент всероссийского литературно-художественного интернет-проекта «Литературная Галактика».

Главный редактор литературных журналов «Литературная Галактика», «Юная Галактика», «IN- YES».

Учредитель детского всероссийского конкурса «Мой мир – будущее России».

Почётный член закарпатской общественной организации «Христианская Миссия духовного развития в странах Восточной Европы».

«Подари мне букетик полыни медового лета...»

Сомнения

Сомнения... Сомнения тревожат
Туманным покрывалом обвивая.
Кто жизнь мою считает и итожит –
Душа ответов Зла не принимает.

Сомнения – сплошные перекрёстки,
Дни – алгоритмы... Путаются мысли.
Посмотришь в даль – всё кажется так просто,
А под ногами – пропасти без смысла.

Качели... Раскачайте мне качели.
Я спрыгнуть в мир хочу, где всё так просто,
Где солнечные, радостные цели
И указатели добра на перекрёстках.

Где люди лишены тьмы и обмана,
Где алчностью детей пугают в сказках,
Где я ребёнком беззаботным стану,
От страхов отдохну в заботе, ласках.

Сомнения удушливо терзают...
Что дни, что ночи – холодно, постыло.
– Где ж, Ангел мой, так долго ты летаешь?
Я прыгаю...
Толкни меня, всей силой...

Проведи меня по звёздному пути –
За тобой пойду, закрыв глаза руками.
Лишь доверься теплоте моей души,
Что согреет нас холодными ночами.

Я не буду слушать ропота толпы
И пойду с тобой на край ночной Вселенной,
Где из нежности ковром сплелись цветы,
И пылает жар – любви священной.

Подари, родной, мне сказку про любовь,
Улыбнись – и позови с собою.
Я пойду с тобой по звёздам вновь и вновь.
Я пойду куда угодно за тобою.

Тоска осеннюю печалью
Стирает памятный мотив.
Но колокол судьбы хрустальный
Трезвонит, плачет о любви.

Где нежность повстречала радость,
Осенний прелый лист шуршит.

Где сердце искушала сладость,
Тоскою колкий снег лежит.

Засыпан снежною порошей
Дороги вероломный след...
Мне снится сон о счастье прошлом,
Там есть любовь – разлуки нет...

Где в жарком танце жизнь взорвалась,
Наполнив страстью день и ночь.
И пела нега, ей мечталось,
Что будет вечною любовь...

Тоска звенящею печалью
Читает памяти листы...
А колокол судьбы хрустальный
Рвёт сердце скорбью сироты...

Подари мне букетик
полыни медовой из детства –
Горько-сладкую мудрость,
забытую тайну начал.
Артемиды цветок
завещался богиней в наследство,
Чтоб от хвори любой
и от нечисти злой защищал.
Подари, дорогой,
мне букетик полыни с молитвой
И утрой её силу
кудесной любви колдовством.
Пусть беда изойдёт
длиннолистой плакучею ивой,
И рассыплется в прах,
и останется лишь баловством.
Подари, мой родной,
чародейства природную мудрость,
Чтобы силой лугов
ароматных наполниться вновь.
Мне так нравится жить,
мне так верится в истую чудность,
Что спасёт от беды
и подарит прощенья любовь.

Подари мне букетик
полыни медового лета –
Горько-сладкую мудрость,
забытую песнь старины.
Возврати мне, родной,
память предков, ушедшую в Лету,
Там мы – Евой с Адамом
в легендах Любви рождены.

Никита БРАГИН

г. Москва

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. Доктор геолого-минералогических наук.

«Я собираю страницу из камешков древних мозаик...»

Самовар

Иван Иваныч, самовар,
пузатый витязь в медных латах,
могучий стан, горячий пар –
почто не во главе стола ты?

От века в нашей стороне
с тобою пили и едали –
недаром на твоей броне
теснятся оттиски медалей.

Иван Иваныч, светлый царь
витрины тульского музея!
Здесь гости добрые, как встарь,
с восторгом на тебя глазают,

но им неведом тонкий дух
черносмородиновых листьев,
и не улавливает слух
на пир сзывающего свиста...

Вернись, былинный богатырь,
воспетый Вяземским и Хармсом,
ведь пол-Европы и Сибирь
твоё наследственное царство!

И славься за столом простым
владыкою блинов и чая,
Отечества смолистый дым
с водою ключевой венчая!

Огонь

Я обдираю старые холсты
и снова покрываю их грунтовкой,
я сучусь, нелепый и неловкий,
среди мертворождённой красоты.

Мои труды, обеты и посты,
авралы, выходные, забастовки
творят лишь брак, достойный перековки,
и я шепчу гармонии – прости!

Душа огня чиста и благодатна, –
ему несовершенное отдам, –
и пеплом станут масляные пятна!

На полпути, запутав счёт годам,
остановлюсь и поверну обратно
к тебе, любовь, по пламенным следам.

Цикада и муравей

Напрасен горький плач, цикада-чаровница!
Не слушает его трудяга-муравей...
Пока шумел и цвёл огнями твой Бродвей,
он золотил свой дом как царскую гробницу.

От песен пользы нет, словами не напиться,
никто от них не стал добрей и здоровей.

Реальное добро – не в чаще соловей,
а в небе журавель, да в кулаке синица!

Но смерть для всех одна, от мухи до слона,
а музыка жива, как давняя весна,
как память о любви, единственной отраде.

А ты, кто красоту сменял на капитал,
и прожил целый век, но счастья не узнал –
поди-ка попляши на тризне по цикаде!

Устье жизни

Дорога пилигриму дорога,
как женщине – ребёночек под сердцем,
как слуху пианиста – смена терций,
и воину – смятение врага.

Ещё неразличимы берега,
но угадай прибоя мегагерцы
во встречной птице, белокрылым скерцо
благословившей солнце и снега!

Перешагни последние ступени
к печали завершённого труда,
граниту, леденящему колени,

И боль нахлынет – больше никогда...
И упадёт весенняя звезда
в ладони расцветающей сирени.

Я собираю страницу
из камешков древних мозаик,
я постоянно ищущу –
образы, символы, цвет.
Кажется, что-то нашёл,
но тоска и досада пронзают
бедное сердце моё –
снова гармонии нет.

Нет, не приходит она,
потому что я северный варвар,
в тесных бетонных домах
рос я под грохот машин.
Молот в руке мне намного привычней,
чем лира и арфа,
дай мне лекиф и кратёр –
вижу горшок и кувшин.

Видно, вовеки пребуду
в плену у своих заблуждений,
не поддаётся резцу
северный грубый гранит.
Разве что красно-медовая
роспись далекой Мезени
смутную душу мою
с древней Элладой роднит.

Игорь ЕЛИСЕЕВ

г. Ростов-на-Дону

Член Союза писателей России. Заместитель председателя Ростовского отделения Союза писателей России.

Лауреат 11-й Артиады народов России (2011 г.) в номинации «Литература. Глядя мастера. Поэзия». Член Союза писателей Москвы.

«Остающимся здесь – исполать!..»

Белесый туман выплывает из лога,
Сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
И в грустном восторге мне хочется плакать.

Мне хочется в рощах, наполненных светом,
Бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,
Что мир этот создан великим поэтом,
И нет в нем ни капельки мрака и горя.

Лишь с этих высот – мира светлых окраин,
Где суть постигается жизни и тлена,
Я к вам возвращусь, примирен и раскаян,
Молясь о прощении ночью и денно.

И если меня вы услышите прежде,
Чем я отвлекусь на иные молитвы,
Поймите, что жил я всё время в надежде
На то, что окончатся вечные битвы

Меж раем и адом, меж правдой и ложью,
Что некогда нас в этой жизни венчали,
И каждому будет по милости Божьей
Отпущено в меру любви и печали.

Памяти Юрия Кузнецова

Ушёл он, русский человек,
великий патриот.
Его отправил новый век
на этот свет и тот.

Былые тяготы пути
хлебнул он через край.
Но не сказала Русь: «Прости»,
лишь прошептал: «Прощай».

Лишь дым отечества над ним
стоял вдали столбом.
И он вдыхал горчащий дым
застывшим в крике ртом.

И, поглядев ему вослед,
слезами обольюсь
о том, что в мире больше нет
так выстрадавших Русь.

Ещё как будто и не выпит
цветущей липы дивный запах,
ещё я вроде и не выбит
из колеи своей, и всё ж
так мало мир меня тревожит
на всех его крутых этапах,

и каждый миг, что мною прожит,
не вызывает больше дрожь.

Дрожь не боязни – сладострастья,
когда я песню пел за песней
и задышался – не от счастья –
от веры в то, что есть оно,
и ты была такой запретной,
такой невинной и прелестной,
какой уже мне в жизни этой
тебя увидеть не дано.

Все те, кого мы так любили,
кто в нас влюблён был изначально,
полузабыты нами или
забыли нас, как бег минут.
И потому тебя люблю я
с такою мукой и печалью,
что Леты призрачные струи
во мне давно уже текут.

Наших мёртвых помянем.
Это сделать мы вправе и в силе.
Просто вспомним о них –
неуместен здесь праведный суд.
Потому что о нас тоже скажут когда-нибудь:
«Жили!»,
да, о нас, о которых сегодня бубнят все:
«Живут...».

От сумы и тюрьмы
мы скрываемся в логовах комнат,
но пропащую душу
в мирах не упрятать иных.
Потому что и нас
наши мёртвые всё ещё помнят,
да и сами мы живы,
покуда мы помним о них.

Бог предел положил
между этим и будущим светом,
но когда-нибудь всем
предстоит перейти Рубикон.
Ave, Caesar! Зачем
нам стремиться к далеким планетам,
если здесь, рядом с нами,
судейский Твой высится трон?

Брат, напрасно ты думал,
что мёртвые сраму не имут.
Пусть мы здесь не сумели
ни чище, ни праведней стать,
наши мёртвые всех нас
когда-то в объятия примут
и к Отцу отведут.
Остающимся здесь – исполать!

Татьяна ТЕТЕНЬКИНА

г. Калининград

Член Союза писателей России.

Лауреат областной премии «Признание» и II Международного конкурса поэтов «Зов Нимфея». Дипломант I Международных игр «Поэтический Олимп». Присвоен сертификат Российской Академии литературной экспертизы «Литературный эксперт III категории». Награждена Почётной грамотой Правления Союза писателей России «За активную работу в современной литературе».

На линии постоянства

Играй, скрипач!

Играй, скрипач!
За совесть, не за плату!
А коль за плату – цену назови!
Взмахни смычком, –
довольно пиццикато, –
И пусть звучит симфония любви!

Да, я плачу` –
плачу` рыданием сердца,
Тебе никто так щедро не платил.
Нет, не по мне
коротенькое скерцо –
Играй, скрипач, пока достанет сил!

У струн твоих,
надеюсь, хватит страсти
Взметнуть восторг над гранью бытия.
Играй, скрипач! –
И мы умрём от счастья:
И ты, и скрипка... Но сначала – я!

Отворите мне дверь

Позвала – и меня не спросила:
А хочу ли я этих оков?..
Но меня уже к вам заносило,
Госпожа по прозванию Любовь.

Я была у вас гостьей когда-то,
И не спорьте – я дважды была:
Та девчонка с причёской хвостатой,
И та дама в накидке боа.

Я от ваших капризов устала.
Вот и снова на сердце печать...
Неужели вам новеньких мало,
Чтоб страданию их обучать?

Отворите мне дверь – я уеду,
На край белого света сбегу,
Откровенную нашу беседу
Я как тайну навек сберегу.

Что ж вы так, госпожа, непреклонны?
Не по силам уже мне любить.
Видно, нравится вам у влюблённых
Неповинные души губить.

Одна

Красный бокал с каплей вина,
Мерно часы стучат,
А на столе только одна,
Только одна свеча.

С неба звезда смотрит в окно,
Чья-нибудь там душа.
А у стола только одно
Кресло из камыша.

Что ж, всё равно и у меня –
Праздник – не как-нибудь:
Капля вина, искра огня,
С неба звезда на грудь.

Если уйдёт в тучу она –
Завтра родится вновь.
А у меня только одна,
Только одна любовь.

Плата

Жизнь, меня порой ты баловала:
Не крестом, а гладью вышивала,
А какие мне ткала холсты!..
Но потом опять – кресты, кресты...

Гляну – зачеркнула то и это,
Да ещё меня же и к ответу:
Мол, имела – будь добра, плати...
Но за что? Скажи мне, просвети.

Соль от слёз на красочном узоре,
По холстам не раз плясало горе,
Ту любовь, которая была,
Ты сама же Богу отдала.

Не дарила серебра и злата –
Так какой монетой будет плата?
Крест – возьмишь?.. Мне новых накуют.
Людям их бесплатно выдают.

На линии постоянства

Мелькнуло осознание внезапно,
Что путь к тебе не так уж и далёк:
Моё окно глядит на юго-запад,
Твоё окно – на северо-восток.

От сердца к сердцу линия прямая,
Наверно, не напрасно пролегла.
Эфирное пространство не ломая,
Летит сигнал, как тонкая стрела.

Кому такая трасса помешает?
Да в принципе, пожалуй, никому.
Ах, только бы любовь моя большая
Была по силам сердцу твоему!

Пусть день и ночь меняются этапом,
Но будет, как предвиденный итог,
Моё окно глядеть на юго-запад,
Твоё окно – на северо-восток.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Республика Казахстан

Член Союза писателей России. Председатель Казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей.
Заведующий отделом международных литературных связей журнала «Северо-Муйские огни».

«Я сложил бумажный самолётик...»

Ты ко мне в открытое окно
Незаметно вечером влетела
Птицей счастья. Чем же вдруг оно
Привлекло тебя? Я неумело
Предложил присесть и выпить чаю,
Зная, ко свиданью не готов.
Ведь не так же девушек встречают –
Растерялся. Не найду и слов
Для приветствия. «Как вас зовут?»
«Я сама к поэтам прилетаю.
Называйте Маргаритою». И тут,
Чувствую, совсем не понимаю
Ничего! Лишь говорю: «Не Мастер
Я. Пишу стихи, когда совсем
На душе тоскливо. Если счастье
Обошло вновь стороною. Не ко всем
Благосклонна может быть удача...»
Ты мне улыбнулась: «А теперь
У тебя все сложится иначе,
Только в силы сам свои поверь».
Вижу вдруг: а комната – пуста,
И окно немного приоткрыто,
Ручка на столе и два листа
Чистыми лежат. «Эй, Маргарита,
Где Вы?». Улетела. Тишина...
Шторками слегка играет ветер.
Проводить теперь мне ночь без сна.
Неужели я удачу встретил?

Хочу, друзья, вам сказку рассказать.
А вы судите сами, что есть в ней –
Где правда, а где ложь. С чего начать?
В один из добрых, тёплых летних дней

Пошёл Иван-дурак по чисто-полю,
Чтоб надышаться воздухом сполна.
И на природе нагулявшись вволю,
Предаться безмятежным сладким снам.

Идёт, идёт он, наслаждаясь пеньем
Весёлых птиц, цветочки рвёт вокруг.
Плетёт венки. За этим увлеченьем
Прошло немало времени, и вдруг

Иванушка заметил василёк.
Он рос один и был собою мал.
И парень, пожалев его, не смог
Сорвать цветок, лишь только пожелал

Ухаживать за ним. Иван – дурной,
К растению ходил как на свиданье.
Он полюбил травинку всей душой
И поливал водою на прощанье.

Но вот, однажды, небо потемнело
И чёрным стало среди бела дня.

И буря в чистом поле пролетела,
Траву примяв. Не пожалев огня,

Вдруг молния, попавши ненароком
В огромный дуб, сожгла его как свечку.
Спалил пожар безжалостно, до срока,
Живое всё. А едкий дым, под вечер,

Разнёс повсюду ветер. На рассвете
Покапав, дождь залил огонь как мог.
Он не желал трагедии и смерти,
Но оказался сломанным цветком.

Была грустна картина для Ивана.
И он, забрав оставшийся бутон,
Не знал, как залечить на сердце рану.
Ведь парень сильно был в него влюблен.

Оплакивая каждый лепесточек
В тоске сказал Иванушка им так:
«Теперь остался я один, цветочек,
И превратится жизнь моя во мрак.

И станет без тебя совсем ужасной!»...
Сменяли ночи дни. И на заре
Бутон вдруг стал Алёнушкой Прекрасной.
Милей небес и звёзд, поверьте мне...

Иван-дурак враз в принца превратился
И вмиг обнял красавицу тогда.
И тут же он, друзья, на ней женился.
Ничто не разлучит их никогда.

На том же месте, в том же чистом поле,
Для добрых и отзывчивых сердец,
Есть василёк. Он снова вырос вскоре
И ждёт кого-то. Сказке тут конец.

2004

Я сложил бумажный самолётик
И пустил по небу полетать.
Пусть увидит в первый свой полётик
Землю, красоту её. Как мать
Он полюбит реки и озёра
И степей бескрайних широту.
И вернётся, может быть, нескоро,
Всё же встретив давнюю мечту,
Обретя с ней мощь свою и силу,
Смелость покорителя дорог,
Улыбнётся вечному светилу.
Получивши жизненный урок,
Вдруг поймёт, что хоть он и бумажный,
Но уже всю Землю облетел,
В мире зло искоренив, и важных,
Добрых сделал людям много дел.

Юрий САВЧЕНКО

г. Семикаракорск, Ростовская обл.

Член Союза журналистов России.

Автор книг стихов «Сокровенное», «Сердце на ладони», «Бабье лето», а также двух публицистических изданий «Семикаракорцы: летопись в лицах». Дипломант литературного конкурса «Стихотворение года – 2013» (альманах «Новый Енисейский литератор»).

«И образ твой любим и неизменен...»

Вдали нежданно вспыхнула зарница,
разверзлась бездна чёрной высоты,
где прячется Луна, как озорница...
Я чувствую в тебе её черты.

Ты изредка сверкнёшь при мне Луною
и ускользнёшь бесследно в тот же миг.
Мираж в пустыне я б сравнил с тобою,
но всплеск Луны уверенней постиг.

Сентябрьский зной, как продолженье лета,
хоть жухнет придорожная трава,
земля ещё в зелёный цвет одета...
И так красно звучат твои слова!

Я слушаю не смысл, а тихий голос,
как музыка приятная – тепла.
Ерошит ветер ореолом волос...
В сиянье ты улыбочиво светла.

Я, радуясь, живу... Я умираю:
сумбуром чувств полна моя душа.
Ты – исцеленье мне! Любимая... Родная...
Единственная!.. Как ты хороша!

Без тебя мне Земля – пустыня!
Жизнь бессмысленна без тебя.
Счастье в том лишь, что сердце не стынет,
образ твой, как святыню, любя.

Ты для меня – Вселенная, весь мир!
И самая Верховная Богиня.
Один твой поцелуй – и чувствам пир!
Глоток воды для путника в пустыне...

Брожу без цели в тихий вечер,
тая предел своей мечты...
Вдруг – чудо долгожданной встречи:
«Передо мной явилась ты».

В каком-то сказочном скольженье,
в волшебном блеске красоты –
не в плоти, а – в воображенье,
как в зиму – вешние цветы.

Мой мир душевный – маятник часов,
но ритм утрачен чётких колебаний:
он импульсивен от твоих желаний...
Им вечно соответствовать готов.

Бальзам на сердце – твой случайный взгляд,
он тайными значеньями богат,
и я их умножаю во сто крат,
но, каюсь, очень часто не попадаю.

Я чувствую – вся жизнь моя в тебе,
как в Солнце свет, как воздух для дыхания,
божественное, чудное создание,
неповторимое в моей судьбе.

Любимая! Ты яркий свет зари,
прекрасное небесное создание!
Поговори со мной. Поговори.
Нам память сохранит это свиданье.

От мыслей разрывается душа.
От рваных мыслей нестерпимо болен.
Но что за чудо! Как ты хороша! –
Мои слова разносит ветер в поле,

и нет спасенья от любви к тебе.
Спасительного выхода мне нет!
Хоть с ветром мчись в необозримый свет,
покорствуя невиданной судьбе.

У жизни повторений нет,
нет повторений каждой нашей встречи:
особым настроением отмечен
и каждый взгляд, и каждый наш привет.

Просыпаюсь с именем твоим,
днём его лелею вдохновенно,
засыпаю с ним самозабвенно
и умру я, непременно, с ним.

Иллюзию мы больше жизни ценим,
свою фантазию и выдумку свою...
Я имя повторять не устаю...
И образ твой любим и неизменен.

Елена ПОПОВА

г. Усть-Кут, Иркутская обл.

Методист Центра детского и юношеского творчества. Окончила Томский государственный педагогический университет и Иркутский институт повышения квалификации работников образования. Печаталась в журнале писателей России «Сибирь» (Иркутск), «Иркутском литературном альманахе», альманахе «Белая радуга». Автор книги стихов «Падают небо» (Ангарск, 2014).

«Рассветного дождя малиновые капли...»

Разбилось время на куски

Смотреть на мир из-под личин –
Причины вески.
Мы – между разных величин
В земном отрезке.

В летучем времени, во мгле
По дням-ступеням
Спешим всё дальше по земле
К неясным теням.

Делений много на прямой –
Разметки, вешки...
Стоим на плоскости одной,
Ферзи и пешки.

Пространство меряют шажки –
Куда? До звёзд ли?
Разбилось время на куски,
На *до* и *после*.

Прошу тебя, Господь

Душа болит – не плоть,
Измучилась в страданиях.
Пусть мне заказан рай,
Прошу я одного:
– Храни его, Господь,
Во всяких начинаниях.
Люби, оберегай,
Как сына своего.

И ты ему прости
Любые прегрешения.
Пусть мне, а не ему
Огнём в аду гореть,
На жизненном пути
Вымалывать прощение
И, чувствуя вину,
Терзаясь, умереть.

Грешила, не таясь.
Пришла, но с покаянием:
Его помилуй хоть...
Раздета догола,
Едва ль отмою грязь.
Прошу, как подаяния,
Любви тому, Господь,
С кем счастлива была.

Мой милый, здравствуй. Это снова я.
Спросонья что-то мне бубнишь про время...
А я спешу к тебе. Любовь моя
Для нас двоих – невысказанное бремя.

Мой милый, здравствуй. Что же ты молчишь?
Обрадован визитом? Непохоже...
А за окном – серебряная тишь
Встречает припозднившихся прохожих.

Вот так и я... Я спутница в ночи.
Уже светает, звёзды все потухли...
И ты, не возражая, помолчи –
Давай-ка лучше чай попьём на кухне.

И всё, как раньше там, где ты живёшь...
Прости – тогда терпеть была не в силах
Твою замаскированную ложь
Взамен любви, которую просила.

Теперь твоя наигранность ушла...
А помнишь, о семье с тобой мечтали?..
Пришла я без обид к тебе и зла,
Но ближе мы от этого не стали.

Мой милый, здравствуй. Это снова я,
И прошлый пафос будет здесь излишен.
А в небе сонно плещется заря,
Взгляд цветом обжигая спелых вишен...

Рассветного дождя малиновые капли
Застыли на листе озябших за ночь лип.
Висит густой туман промокшей серой паклей,
А в воздухе плывут слова моих молитв.

В бездонной высоте призывами набата
Они и вширь, и ввысь звучат на все лады,
И грома над землей разносятся раскаты
Сигналом роковой нагрывшей беды.

Предчувствие гнетёт. Таит в себе опасность
Беззвучность тишины, пророчащей беду.
Разверзлись небеса, и дождь кроваво-красный
Стучит по мостовой в горячечном бреду.

Гудят колокола... Душа полна тревоги,
И чёрной тучей зло нависло надо мной.
– Примите, небеса! Они – предельно строги,
И наш с тобой удел – привычный мир земной.

А дождь уже прошёл – роса, как капли крови, –
Изрезав плоть Земли, она теперь болит
И корчится от ран, и съезжилась от боли,
А в воздухе плывут слова моих молитв.

Невысохшей росы сверкающие капли
Хотят предотвратить угрозу не одну.
Гудят колокола... До неба – вечность, шаг ли,
Иль мы виновны так, что не простить вину?..

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОЛОНИКА

Елена ЗЯБЛОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.
Член городского литературного объединения.
Педагог-хореограф «Детской школы искусств».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Любви предчувствие, –
И золотой листок кружится в нём,
И, вдохновлённый красотою осени,
На вальс прощальный приглашает он.
Устали оба мы от лета знойного
И от палящих солнечных лучей,
Дождём умылся лист и золотом
Покрылся весь, не отвести очей.
Лечу к нему сквозь ароматы осени,
Он – мой кораблик на морской волне,
И вдруг
вспорхнул янтарной бабочкой
И полетел навстречу мне.
Мы закружились в вальсе зачарованно,
Одни в прекрасной сказочной поре
Под звуки музыки.
Любви предчувствие
Затрепетало радостно во мне...

Я знаю, есть художник во Вселенной,
Природе настроенье создаёт.
Сегодня ночка барышней степенной
По звёздным улочкам пройдёт.

А завтра сильной Амазонкой станет,
Навстречу выйдет храброму «Стрельцу»,
Взорвутся звёзды, гром внезапно грянет,
Победы славной пожелав бойцу!

Весну-красу от холода спасает,
Траву, листочек в зелень окунёт,
Волшебной кистью тучи раздвигает,
Глаза лазурью небу подведёт.

А осенью вальсирует с рябинкой,
С берёзками заводит хоровод,
С графией – грациозною осинкой,
Танцует менуэт, кадрили, гавот.

И в благодарность всем прекрасным дамам,
Шкатулку с украшениями несёт.
Наполнив воздух сладким фимиамом,
С закатом серенаду пропоёт.

Я знаю, есть художник во Вселенной!
Природе настроенье создаёт.
Он автор всех шедевров непременно.
Он счастье человечеству даёт!

Анастасия БЕЛОУСОВА (14 лет)

г. Усть-Кут, Иркутская обл.
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

– Где твой дом, усталый путник?
– Где меня застигнет тьма.
– Где же твой вчерашний спутник?
– У высокого холма.

– Сколько путь твой будет длиться?
– Двести миль пешком идти.
Там он – с небом должен слиться,
Здесь покой мне не найти...

– Бродишь дни и бродишь ночи,
Много в странствиях видал...
Что от этой жизни хочешь
И чего когда-то ждал?..

– Ничего, – ответил просто, –
Путь мой тянется – до тьмы.
И исчез у дальних просек,
За которыми холмы.

Дым от костра – далёкий, ароматный...
Он манит в те цветущие края,
Где неба ширь в просторах необъятных
И счастлива была когда-то я.

Иду – трава босые ноги режет,
Чужих прикосновений не любя,
Щекочет пятки, щиколотки нежит
И ластится, мне больше не грубя...

Мальчик-сирота

Идёт по улице мальчишка,
С глазами полными тоски,
С душой израненной, но чистой,
Разбитой жизнью на куски.

Он всем от сердца помогает,
И малышнёю он любим,
Но часто сам себя ругает
За всё, что происходит с ним.

Вихры волос на лбу светлеют,
И очень прост его наряд...
А подойдёшь – глаза теплеют,
За доброту благодарят.

Мальчишку люди не жалеют,
Но он ни в чём не виноват.
Сиротку – солнышко лелеет,
Его всегда он видеть рад...

Никита НОЯНОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член творческого объединения «Литературное братство».
Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей» 2014 г.

Осень и человек

Снова, когда закружится
В танце пушистый снег,
Осень по мёрзлым улицам
Будет искать ночлег.

Будет бродить и маяться,
В окна смотреть тайком.
Только никто не сжалится
Да и не впустит в дом.

Все мы стенами заперты,
Все мы спешим домой:
«Осень, а я не занятый –
Осень, а я с тобой!»

Снова, когда закружится
В танце пушистый снег,
Бродят по тёмным улицам
Осень и человек.

Лавочка

Дома взяли пару досок,
Молоток да гвозди,
Чертим мастерски набросок,
Чтоб садились гости.

Пилим, вертим, примеряем,
Смотрим, как получше.
После тщательно сверяем
И скрепляем тут же.

Получилось всё как надо:
Прочно и надёжно,
И уютнее ограда,
И садиться можно.

Убираем мы пилу,
Молоток да гвозди.
Эх! Успеть бы посветлу,
Чтоб присели гости.

Свежесть души

На заборах рыжеет ушедшее лето,
И осенняя прыть оббивает порог.
Тёплых будней, увы, колыбельная спета,
И полны сопки крыш воронья да сорок.

И смотрю я с печалью на рыжую осень,
А она улыбается нимфой святой,
Раскрывая студёную, свежую просинь,
Расстилаясь под ноги тропой золотой.

Жаль, стареет лицо моё с каждой морщиной
Накануне сентябрьской бури цветной.
Зарастают угрюмые скулы щетиной,
Но душа полна свежести, будто весной.

Нелли ЧУПИНА

г. Братск, Иркутская обл.

Член творческого объединения «Литературное братство».

Калина

Протоптал сюда дорожку
Между двух берёз.
Полюбил не понарошку.
Видимо, всерьёз.

За калиновым мосточком
Уж который год
Ярким ласковым звоночком
Деревце растёт!

По весне сюда спешу я
Подсмотреть момент,
Как кукушка закукует,
Вспыхнет нежный цвет!

Вновь цветёт моя калина,
Значит, стоит жить,
Есть весома причина,
В гости к ней ходить!

Летняя ночь

Позови меня в ночь соловьиною.
Насладимся духмяной зарёй,
И пускай летом ночи не длинные,
Опьянит нас в лугах травостой!

Соловьиная ночь дивной сказкою,
Звёзд сиянием нас удивит.
И пойду за тобой без опаски я,
Как пошла за Адамом Лилит.

Пусть потом, может, с Евой ты встретишься,
У меня будет кто-то другой.
Лишь для нас нынче звёзды пусть светятся.
Только нас пусть пьянит травостой!

Свидание

Какая ночь, какая ночь!
Ни облачка, ни тени.
Быть может, сможет нам помочь
Шикарный куст сирени?

Давай упрячемся за куст,
Нас звёзды не заметят.
Не разомкнём ни рук, ни уст,
Одни, одни на свете.

Мы вызов сделаем богам!
И, на луну взирая,
Они врата откроют нам,
Домчимся мы до рая!

Какая ночь! Как волшебство
Цветов благоухание!
Амур – влюблённых божество,
Спасибо за свидание!

Татьяна ЧЕМЕЗОВА

г. Братск, Иркутская обл.

Член творческого объединения «Литературное братство».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Лето набирает силу!
Пишет свой сценарий милый
Лёгким пухом тополиным,
Сладким пеньем соловьиным,
Искушеньем повилики,
Свежим соком земляники...
Каждому – своя страница!
Лету сбывться – счастьем сбывться!

Стояла осень в солнце и туманах... (Школьное сочинение на заданную тему)

Мне не дано, как в избранных романах,
Вам описать осенний маскарад...
«Стояла осень в солнце и туманах»,
И ливнем наземь лился листопад.

Кружились листья стаями, как птицы,
Игривый ветер платья рвал с берёз!
И больно, что уже не повториться
Вот ЭТОЙ осени, что мне мила до слёз.

Здесь изморозь украсит перламутром
Осенних грёз таинственную нить.
Здесь можно любоваться дивным утром,
Из пригоршней морозный воздух пить...

Нет! Видно, ни в стихах и ни в романах
Не описать чудесный пёстрый рай!..
«Стояла осень в солнце и туманах»,
Прощальном крике журавлиных стай.

Очарованный край!
Вековое раздолье!
На мольбертах лесных
Расплескался янтарь...
Улетающих стай
Сиротливая доля...
Обронил жёлтый лист
Отрывной календарь...

Из опавшей листвы
Золотых перелесков,
Паутинок лесных
И туманов грибных,
Из прозрачной травы
Осень шьёт занавески,
Вышивая узоры
Из листочков резных.

Терем свой расписной
Устилает коврами.
Будет солнце хранить
Бус рябиновых нить.
В листопад золотой
Бабье лето заманит,
Чтоб теплом и любовью
Этот мир озарить.

Вячеслав ПАРИЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член творческого объединения «Литературное братство».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Память

Как рана оставляет телу шрам
И выстрел за собой несёт отдачу,
Вот так и память, суд порой назначит,
Когда смиренно и свободно нам.
Поверь, мой друг, у каждого своя
Заначка есть плохих воспоминаний,
Нахлынет вдруг, и множеством терзаний
Наполнится спокойная душа.
И крик наружу, жжёт, и стыд, и боль,
И хочется под землю провалиться,
Но сердце говорит: «Пора смириться,
И больше не играй плохую роль!».

Июль

В окно мне смотрит темнота,
И, отодвинув тюль,
Я вижу сумерки двора
И дремлющий июль.
В домах давно зажэгся свет
И я уверен, что
Глядит такой же человек
В раскрытое окно.
Разорванные облака
Он видит над собой,
А среди них горит звезда
С таинственной луной!

Один

Среди друзей опять блещу,
Но всё же одинок,
Я никого не допущу
В свой маленький мирок.
Один по жизни я иду
Назло седым ветрам,
И знаю, что своё найду,
Не здесь – так значит там!

Отечество

Твержу я всему человечеству:
Мы любим родное Отечество,
В нём корни родни нашей пущены,
В нём с детства к добру мы приучены.
Мы любим озёра прохладные,
Луга и поля необъятные,
Моря и овраги глубокие,
Равнины и степи широкие.
И рады мы первому снегу,
Цепочке звериного следа,
Метелям и жгучим морозам,
Цветам, облакам, сенокосам.
И звёздному небу ночному,
Тропиночке к дому родному,
Лучу восходящего солнца
И верного друга оконцу.

Эмма ГРИБ

г. Братск, Иркутская обл.

Член творческого объединения «Литературное братство».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

У моря

Ты помнишь ночь? Какая это ночь!
Лиловое, задумчивое небо,
Закат, умчавшийся в морскую бездну прочь,
Как призрак мечущийся – был иль не был...
Ты помнишь гладь? Какая это гладь!
Ласкающее, стонущее море,
Как будто бы готовое восстать
Против своих глубин, сулящих горе.
Ты помнишь тишь? Какая это тишь!
Звнящее, волнуемое чудо.
Невольно там о худшем промолчишь,
Надеясь, что всё лучшее прибудет.
Ты помнишь нас? Уместны ль здесь слова!
Ведь всё так зыбко в этом мире славном.
Ты помни! Я молю! Пусть будет в нас жива
Частица слов, невысказанных в главном...

Юрмала, 1971 г.

Затянувшийся спор

И опять моё сердце на взлёте!
Боже мой! До каких это пор!..
И опять в этом чудном полёте
Я веду затянувшийся спор.
Что мне надо, чего мне не надо,
И зачем эта боль и тоска.
И зачем дикой страсти прохлада,
И разлук мне довольно пока!
Что же это за дело такое?!
Я мечтами встречаю рассвет.
И опять я не знаю покоя
На пожарище прожитых лет...
И опять я вся ревность и нежность...
И ловлю твой неискренний бред,
И кидаюсь вперёд, в неизбежность,
Не успев прошептать тебе «Нет»...
Ах, зачем мне вся эта истома
И зачем твой обманчивый взгляд,
Только сердце восторгом знакомым
Не даёт мне вернуться назад...

Улыбка жизни

Какая радость жить, страдать, любить,
И, не щадя себя порою,
Другим всё лучшее дарить
С открытой, лёгкою душою.
Спасибо жизнь, что всё ж прекрасна ты,
Подчас горька и так трудна бываешь,
Но есть мечты, как летние цветы,
И в них шипов от нас ты не скрываешь.
Да будет так, я не хочу иначе.
Я всё приму и всё снесу вполне.
Пусть только счастье, как пловцу удача,
В пучине жизни улыбнётся мне!

Надежда ОГАРКОВА

п. Магистральный, Иркутская обл.

Публиковалась в местных поэтических сборниках, а также в альманахе «Киренск литературный».
В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Заря-заряница

Заря-заряница – красная девица
По лесу ходила, лукошко носила.
Зоренька-зарянка – девушка крестьянка
В красном сарафане, семечки в кармане.
Зоренька-заряна светла да румяна
По лесу гуляла, ягоду собирала.
– Положу в лукошко ягоду морошку,
Спелую чернику, сизу голубику.
Ягоду собирала, росы рассыпала,
Свет свой разливала, солнце закликала:
– Ты явись, Ярило! Ты явись, Светило!
А как солнце встанет – новый день настанет!

Тихий вечер

Уходило солнце за берёзы
Отдыхать в зелёном гамаке,
Падали серебряные росы,
И девчата пели на реке.
Слышалось, как за сараем где-то
Мужики ведут свой разговор
Про погоду, сенокос и лето.
Не угомонились до сих пор.
Слышалось, стреноженные кони
Тихо бродят, боталом бренча.
Но затих у клуба звук гармони,
Проводили парни всех девчат.
Тишину торжественно встречая,
В небо месяц выплыл молодой.
Он звезду, баюкая, качает
Тонкой позолоченной рукой.
Солнце спит, прошедшим днём утешено,
Передавши вечеру ключи.
Те ключи на веточку повешены.
Ночь их умыкнула и молчит...

О себе

Тема избитая, рифмы простые.
Жизни следы запорошены снегом.
Что для тебя я, родная Россия?
В поле былинка, клонимая ветром,
В речке струя, что бежит говорливая,
В радуге цвет лишь один из семи я.
Буду ли грустная, буду ль счастливая
Только с тобою, родная Россия.
Лягут на путь мой сумерки светлые.
Жизни богатство – годы, что прожиты,
Дум затаённых темы заветные,
Воспоминания только хорошие.
Облаком белым лечу над просторами,
В неба пространстве ловлю ускорение
Ветра весеннего, ветра весёлого.
И не ищу я успокоения.

Авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни»

Творческий совет журнала

Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)
Кривчиков Валентин Алексеевич (Северомуйск, Бурятия)
Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.)
Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия)
Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия)
Галютева Лилия Александровна (Северомуйск, Бурятия)
Тимошенко Надежда Михайловна (Ангарск, Иркутская обл.)
Никифоров Сергей Гаврилович (Ангарск, Иркутская обл.)
Веселов Эдуард Игоревич (Ангарск, Иркутская обл.)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Лангольф Екатерина Андреевна (Ангарск, Иркутская обл.)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Ткаченко Михаил Петрович (Ангарск, Иркутская обл.)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дилис Юрий Николаевич (Иркутск)
Луданова Галина Васильевна (Иркутск)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск)
Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Лубкин Юрий Львович (Москва)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Щербакова Эльвира Васильевна (Воронеж)

Секретарь правления совета **Гутовская** Елена Николаевна
Председатель правления совета **Логина** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни» Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

Журнал «Северо-Муйские огни» осуществляет свою деятельность без государственной регистрации и без приобретения прав юридического лица.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.